

**ИНТЕРВЬЮ С СОФРОНОВЫМ М.В.
INTERVIEW WITH: MIKHAIL V. SOFRONOV**

Проект: Китаеведение – устная история

Выполнено при поддержке международного гранта РГНФ – Национальный Научный Совет Тайваня (ННС) 2012, проект № 12-21-10000, 8122100100007

Supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation – National Scientific Council of Taiwan (NSC), the international research grant "China Studies – the Epistemology of the oral history, project № 12-21-10000, 8122100100007

<p>Михаил Викторович Софронов (МС) Тангутовед, китаевед, доктор филологических наук, профессор кафедры Китайской филологии ИСАА при МГУ.</p> <p>Дата интервью: 19 апреля, 24 мая, 17 июня, 13 декабря 2013 г.</p> <p>Место интервью: г. Москва Вёл интервью: С.В. Дмитриев (СД), кин, с.н.с. Отдела Китая ИВ РАН</p> <p>Сноски и комментарии: СД, Головачёв В.Ц.</p> <p>Продолжительность: 5 ч. Объём текста с комментариями: 272299 зн. с пробелами, 6,8 а.л., 151 с.</p>	<p>Mikhail V. Sofronov An expert on the Tanguts, sinologist, Doctor of Sciences (equiv. Habilitation) – Linguistics, Professor of the Chinese philology department, Institute of Asian and African States, Moscow State University</p> <p>Date of the Interview: 19 April, 24 May, 17 June, 13 December 2013</p> <p>Place: Moscow Interviewer: Sergey V. Dmitriev, PhD., Senior Researcher (Sinology Department, IOS RAS)</p> <p>Footnotes & Comments: Sergey Dmitriev, Valentin Golovachev Duration: 5 hours Volume (with comments): 151 pages</p>
--	---

Михаил Викторович Софронов. Родился 11 октября 1929 г. в Ленинграде. Китаевед, доктор филологических наук (1970), профессор (1994). Языковед, специалист по истории китайского и тангутского языков. В 1952 г. окончил Восточный факультет ЛГУ, в 1958 г. защитил диссертацию на звание кандидата филологических наук по теме «Сложные глаголы в языке романа «Речные заводи» (*Шуйху чжуань*). В 1957-1970 гг. – сотрудник Института востоковедения АН СССР. В 1970 перешёл в Институт Дальнего Востока АН СССР. Преподаватель Кафедры китайской филологии Института восточных языков при МГУ (с 1972 – Институт стран Азии и Африки МГУ). Автор около 80 статей, 15 книг. Автор 6 учебных курсов.

Полный текст интервью:

СД: Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста: кто Вы, где и когда родились?

МС: Меня зовут Михаил Викторович Софронов, я родился 11 октября 1929 года в городе Ленинграде.

СД: Пожалуйста, расскажите подробнее про свою семью! Кто были Ваши родители, как Вы вообще пришли к тому, что выбрали такую необычную профессию?

МС: Родители мои были, в общем-то, очень далеки от востоковедения. Отец окончил в 1929 году политехнический институт в Ленинграде. Мать училась в медицинском техникуме. Но она его так и не окончила, и всю жизнь работала на младших медицинских должностях. В сущности, семья была в общем негуманитарная, и мой интерес к Китаю я даже не знаю, когда возник. Могу только сказать, что впервые увидел китайца, наверно, году в 1933. Как раз в тот год впервые разрешили новогодние ёлки¹, и у нас дома была установлена ёлка, для которой нужны были игрушки. И, конечно, на этот спрос откликнулись китайцы, которых тогда ещё в Питере было довольно много. Я помню, как у нас на улице (тогда она называлась 8-й Советской, а сейчас, наверно, снова называется 8-й Рождественской) я видел китайца, который стоял около стены и продавал ёлочные игрушки. Мы проходили с матерью мимо, и я сказал ей, что хочу «мельницу». Там были самые разные игрушки, среди которых была и игрушка-мельница. Вот я и потребовал, чтобы у меня была «мельница» на ёлку.

СД: Вы уже знали тогда, что это китаец, а не какой-нибудь казах?

МС: Тогда казахов в Петербурге точно не было. Наверное, были где-то, но в учебных заведениях. Мать мне сказала, что это китаец, я ей поверил. И с тех пор считаю, что таким образом состоялась моя первая встреча с Китаем.

Второе, что я как-то запомнил, произошло через много лет, когда я учился в школе. Мы учились по ещё старым учебникам. Как раз в 1937 году, когда я поступил в школу, произошли какие-то изменения в типе учебников, но новых учебников ещё не было, и мы учились по старым. Правда, старые учебники использовались не в полном объёме, и в них была часть материала, которая в программу не входила. Но поскольку я уже тогда был человеком любознательным, то, естественно, весь старый учебник русского языка я прочёл от начала и до конца. Он начинался с раздела «Стихи рабочих поэтов», и одно стихотворение, «Рубанок», я помню до сих пор. Ещё там было стихотворение Демьяна Бедного: «В бою схватились двое – чужой солдат и наш». А в конце было стихотворение Александра Исбаха². Я потом узнал, кто это такой. Это был советский поэт, который, в числе прочих вещей, занимался переводами стихов Сяо Саня³, поскольку с Сяо Санем он учился в одной группе в Институте красной профессуры⁴. То стихотворение Исбаха,

---

¹ Рождественские ёлки были под фактическим запретом в Советской России с 1920-х. 28 декабря 1935 в «Правде» появилось письмо крупного государственного и партийного деятеля П.П. Постышева (1887-1939), который предложил вернуть ёлку, очистив её от религиозного наполнения и сделав новогодней. Что и было реализовано в кратчайшие сроки

² *Исбах Александр Абрамович* (Исаак Абрамович Бахрах) (1904-1977), писатель и литературовед, организатор многих литературных объединений конца 1920-х – начала 1930-х. В годы Второй мировой войны – военкор. С 1949 по 1954 находился в заключении по обвинению в сионизме.

³ *Сяо Сань* 萧三, настоящее имя Сяо Цзычжан 萧子璋, также известен как Сяо Аймэй 萧爱梅 (Эми Сяо) (1896-1983). Китайский революционер, поэт, публицист; автор китайской версии «Интернационала». Учился во Франции и Советском Союзе. Много переводил с русского, был популярен в СССР. В 1967-1974 находился в заключении в Китае за былую дружбу с СССР

⁴ Институт красной профессуры (ИКП), специальное высшее учебное заведение, предназначенное для подготовки идеологических работников и преподавателей ВУЗов. Основано в 1921, размещалось в Страстном монастыре. В 1930 на базе восьми отделений ИКП было создано 8 (вскоре – 10) специализированных Институтов красной профессуры.

которое называлось «О Ленине и Ли Чане»⁵, я выучил наизусть и тоже помню до сих пор. Что-то мне в нём понравилось, а начиналось оно так: «В Пекине люди из разных стран, в Пекине так много улиц». Это меня несколько заинтриговало. Собственно говоря, в Питере удивить количеством улиц ребёнка в возрасте девяти лет было, конечно, невозможно. Но в Пекине, вроде бы, должны быть одни китайцы. Так почему же там много людей из разных стран? Такого рода интерес был.

А потом началась война, блокада, эвакуация. Конечно, ни о каком Китае речи быть не могло. Хотя старые стихи держались в памяти, но в этой новой жизни они были уже ни к чему. Когда же мы вернулись из эвакуации в 1944 году, то, конечно, все события уже развивались по-другому, и мои интересы складывались под влиянием обучения в школе. Нужно сказать, что учителя у нас были в общем-то хорошие. Большая часть учительниц были «бестужевками»⁶. Они были ещё носителями идей своей молодости, а молодость их прошла в начале XX века. Поэтому, конечно, общий интерес к интеллектуальной жизни в школе явно присутствовал. Конечно, многие ругают советскую школу. Но в той школе, где учился я, честно говоря, тех грехов, о которых пишут, могу точно сказать, не было.

Во всяком случае, это моё впечатление от школы до сих пор не прошло. Интерес к Востоку во мне поддержал один мальчик, который был очень нетерпеливым. Мы с ним учились в одном классе, он оставался всю блокаду в Ленинграде, никуда во время эвакуации не выезжал, и за время блокады ему удалось собрать очень хорошую библиотеку. Я ещё застал тот момент, когда повсюду, чуть ли не в продовольственных магазинах, были букинистические отделы, где можно было за весьма скромные деньги приобрести хорошие книги. Но я как раз библиоманом не было никогда. Мальчик тот где-то поступил в вечернюю школу и два класса прошёл за один. Честно говоря, я этого никогда не понимал, и считал, что он сделал это зря, и это ему на пользу не пойдёт. На самом деле так и оказалось – он всегда куда-то спешил, хотел везде успеть, но в итоге, по моему, никаких результатов не получилось. Однако он окончил школу на год раньше меня, и когда я однажды, окончив 9-й класс, зашёл к нему перед каникулами, он как раз решал проблему, на какой факультет поступать. Естественно, он хотел поступать только в университет (технических интересов у него не было), но колебался по поводу выбора. С одной стороны, вроде бы хорошо поступить на философский факультет. С другой стороны, его почему-то очень интересовало индо-тибетское отделение⁷. В 1946 году, когда он хотел поступать, индо-тибетское отделение ещё не было закрыто. Оно существовало, по моему, до смерти Щербатского⁸. Пока был жив Щербатской, и, во

В 1938 они были преобразованы в Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) (с 1946 – АОН при ЦК КПСС)

⁵ «Баллада о Ленине и Ли-Чане». Стихотворение Александра Исбаха, посвященное тяжёлой жизни китайского кули Ли-Чана и его искреннему горю после того, как он узнал о смерти Ленина. Опубликовано в 1928 в одноимённом сборнике стихотворений А. Исбаха. С середины 1930-х и до 1949 входило в школьные учебники

⁶ Бестужевки – выпускницы высших женских (т.н. Бестужевских, в честь К.Н. Бестужева-Рюмина, учредителя и первого директора) курсов, одного из первых высших учебных заведений для женщин. Курсы действовали в Санкт-Петербурге в 1878-1918. На курсах преподавали лучшие петербургские профессора того времени

⁷ Имеется ввиду Кафедра индийской филологии (изначально – Кафедра санскрита. В 1944-1949 – Кафедра индо-тибетской филологии) Восточного факультета. Основана в 1858

⁸ *Щербатской Федор Ипполитович* (1866-1942). Крупнейший индолог, буддолог, тибетолог. Профессор Петербургского/Ленинградского университета (1901-1930), академик (1918). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1889). Ученик И.П. Минаева. Был командирован университетом за границу, вернулся в Россию в 1893. Вместе с С.Ф. Ольденбургом основал в 1897 международный научно-издательский проект *Bibliotheca Buddhica*. В 1928-1930 – директор Института

всяком случае, пока живо было его присутствие на кафедре, отделение называлось индо-тибетским. Назвали его так точно по предложению Щербатского. А потом, когда он умер, на его место пришёл Алексей Петрович Баранников⁹. Пришёл Баранников, и отделение было переименовано просто в индийское. И когда я поступил на Восточный факультет, оно уже было просто индийским.

Конечно, мой отец очень хотел, чтобы я поступил в политехнический институт, как и он. Но почему-то меня больше привлекали гуманитарные науки, и я поступил в университет. Правда, не без влияния родителей, я всё-таки поступил на юридический факультет. Но, проучившись две недели на юридическом факультете, я понял, что попал не туда. И здесь я вспомнил другого парня, с которым познакомился на вступительных экзаменах. Абитуриенты всегда очень активно общаются друг с другом, так и я с ним познакомился. Тот парень поступал на индийское отделение. И я помню, как однажды произошла такая встреча: мы с ним идём по улице, а нам навстречу идёт Сергей Кляшторный¹⁰. Я говорю: «О, вот идёт Кляшторный! Он в прошлом году поступал. Сейчас он тебе всё расскажет про Восточный факультет». И задаю вопрос: «Ну, как там у вас, на Восточном?» Кляшторный рассказал, что на факультете словарей русских не хватает. Все пользуются французскими-английскими-немецкими словарями. Поэтому, как правило, к концу обучения они знают три европейских языка, и ещё восточный. Мы спросили: «На какое отделение ты советуешь поступать?» Он сказал так: «Китайский и японский – это всё чепуха, там ничему не выучишься. Единственное отделение, на котором можно чему-то научиться, это тюркское. Тут есть шанс, что ты будешь что-то знать. А всё остальное – ерунда. Тем более, что уже первые выпуски были, никто никуда по специальности не устроился». В общем, репутация Восточного факультета как поставщика безработных уже существовала в тот момент. Но вот это его такое презрительное отношение к китайскому отделению почему-то меня не остановило. Почему я выбрал китайское? Почему не японское? Это загадка до сих пор! Хотя, на самом деле, японское отделение давало наибольшую подготовку, потому что все студенты проходили очень активную подготовку по разговорному языку в лагерях военнопленных для японцев, и возвращались оттуда с очень хорошим знанием языка. Другое дело, что они не могли найти себе работу. Японисты никому не были нужны. Так что, я почему-то, по совершенно непонятным обстоятельствам, заинтересовался китайским. И через две недели я подумал: «Ну что, совсем уходить с юрфака, или как?» В 1947 году, когда я поступал, существовала возможность учиться на двух факультетах. Человек мог проходить дневное обучение на юридическом факультете, и одновременно учиться на каком-то другом факультете, на вечернем отделении или заочно. Кстати, все студенты пятого курса (к тому времени они были на третьем) этой возможностью воспользовались, и все заканчивали параллельно разные факультеты, в том числе исторический. Кто какой, у всех были разные. Я помню, Серебряков Женья¹¹, который долго заведовал кафедрой,

---

буддийской культуры (ИНБУК). Заведующий Индо-тибетским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1930-1942). В 1937 подвергся резкой критике, многие его ученики были репрессированы. Умер в эвакуации

⁹ *Баранников Алексей Петрович* (1890-1952). Советский индолог, основатель школы изучения современных индийских языков в СССР. Профессор ЛГУ (1922), академик Академии наук СССР (1939). Директор Института востоковедения АН СССР (1938-1941)

¹⁰ *Кляшторный Сергей Григорьевич* (1928-2014). Востоковед, тюрколог, один из ведущих мировых специалистов по древнетюркской рунической эпиграфике, археолог. Профессор (1992). С 1957 – сотрудник ЛО ИВ АН СССР (ИВР РАН). Завсектором тюркологии и монголистики ЛО ИВАН СССР / Сектором Центральной Азии ИВР РАН (1963-2013)

¹¹ *Серебряков Евгений Александрович* (1928-2013). Китаевед, литературовед, специалист по китайской поэзии. Д.филол.н.(1973), профессор. Завкафедрой китайской филологии Востфака ЛГУ/СПбГУ (1960-1998)

параллельно закончил журналистику. Но потом случилось событие, которое очень серьёзно изменило наши жизненные планы.¹²

На первых двух курсах юридического факультета было интересно учиться, потому что там были действительно хорошие лекторы, которые читали любопытные курсы по истории государства и права. Были логика, психология и латынь, которой я тоже заинтересовался. Было то, что в сущности, составляет основу гуманитарного образования. В дальнейшем всё это было упрощено. Но в 1947 году какие-то старые традиции и на том факультете ещё существовали. Поэтому учиться там мне было тоже интересно. Получилось так, что днём я занимался на юридическом факультете, который помещался в главном здании (Двенадцати коллегий), вот в этом длинном коридоре. А вечером, пообедав, шёл на Восточный факультет, и там тоже слушал лекции. Лекции были интересные, потому что историю древнего мира слушал у Струве¹³. Общее языкознание читал Холодович¹⁴. Потом там было введение в литературоведение, его читал Жирмунский¹⁵. В общем, там было кого послушать!

Китайский язык, сам по себе, составлял наибольшую трудность. Я долгое время никак не мог в толк взять – что же это такое за безобразие, такая сложная письменность?! А с нами начал заниматься (китайским языком) Драгунов¹⁶. Он принёс нам старинные

---

¹² Видимо, речь идёт об образовании в 1949 КНР, которое изменило очень многое в организации китаеведного образования в ЛГУ.

¹³ *Струве Василий Васильевич* (1889-1965). Востоковед, египтолог и ассириолог. Д.и.н., профессор, академик АН СССР. Преподавал в Петроградском/Ленинградском университете (1916-1965), создал собственный курс истории Древнего Востока, в который впервые в мире ввёл не только Ближний Восток, но и Индию, и Китай. Был одним из крупнейших в СССР историков-макрсистов – именно им за счёт значительного упрощения теорий Маркса была разработана теория пяти формаций (т.н. «пятичленка»), ставшая основой советской исторической науки. Руководил Египетским отделом Эрмитажа (1918-1933). Директор Института этнографии АН СССР (1937-1940) и ИВ АН СССР (1941-1950). Заведовал древневосточным отделом института (с 1959)

¹⁴ *Холодович Александр Алексеевич* (1906-1977), лингвист, специалист по японскому и корейскому языкам. Д.филол.н.(1949), профессор(1951). Основатель петербургской типологической школы. Преподаватель ЛИФЛИ-ЛГУ(с 1930), МГУ(1936-1937). Научный сотрудник Института речевой культуры(1936-1942), ЛО Института языкознания АН СССР (1946-1950, 1962-1977), руководил группой структурно-типологического изучения языков. Дружил с Н.А. Невским. В начале карьеры находился под влиянием идей Марра. К концу жизни выступал как смелый новатор и сторонник популяризации идей западной лингвистики (под его общей редакцией вышли переводы основных работ Ф. де Соссюра (см. ниже)). По ряду данных, в 1930-х сотрудничал с НКВД

¹⁵ *Жирмунский Виктор Максимович* (1891-1971). Лингвист и литературовед, германист, фольклорист (тюркский эпос). Д.филол.н., профессор кафедры германской филологии Ленинградского университета (с 1956), академик АН СССР(1966). Один из крупнейших представителей Ленинградской грамматической школы. Преподавал в Саратовском и Петербургском университетах, Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Работал в Институте языка и мышления им. Марра, Институте литературы АН СССР (Пушкинском доме), где руководил отделом западных литератур. Трижды подвергался арестам (1933, 1935, 1941). В ходе кампании по борьбе с космополитизмом в 1949 обвинён в еврейском буржуазном национализме и уволен из ЛГУ. Завсектором индоевропейских языков ЛО Института языкознания АН СССР(1957-1971). Почётный член Баварской, Британской, Саксонской и др. академий, почётный доктор ряда университетов, в т.ч. Оксфорда(1966)

¹⁶ *Драгунов Александр Александрович* (1900-1955), востоковед, лингвист. Один из создателей грамматики современного китайского языка, внёс огромный вклад в изучение истории китайского языка. Преподаватель Военной академии им. Н. Г. Томачева (1925-

граммофонные пластинки курса, начитанные ещё самим Чжао Юань-жэнем¹⁷. Это были такие полупрозрачные пластинки. Конечно, они были затерты полностью, но кое-что разобрать было можно. И вот мы всё это слушали, а он – сам великолепный фонетист, он нам всё это показывал. Другое дело, что потребовалось более внимательное изучение фонетики, для чего, опять же, курс общей фонетики преподавался на первом курсе. И я помню, что уже потом сдавал этот курс самой Матусевич¹⁸. Конечно, Драгунов писал нам всё в русской транскрипции. Потом были иероглифы. Помню, на первом занятии я иероглифы выучил, но задал Драгунову наивный вопрос: «Что же, Александр Александрович, все иероглифы нужно запоминать?» Он сказал: «Ну как же, конечно! Я их все знаю!» Вот такой диалог с Драгуновым произошёл. Жаль что его столетие со дня рождения не отметили, оно должно было быть в 2000 году. А теперь уже до столетия со дня смерти в 2055 году я точно не доживу. Конечно, мне бы очень хотелось рассказать эту историю о нашем разговоре с Драгуновым!

Наша огромная группа состояла из совершенно немислимых людей, которых, по правде говоря, привлекло... я даже не знаю, что. Видимо, какие-то возможности они видели, если, допустим, выучат китайский язык.

СД: Вы тогда этих возможностей не видели?

МС: Я видел другие возможности. Мне тогда казалось, что я могу поступить на какую-то государственную или, скажем, дипломатическую службу. Но и это у меня было очень короткое время, потому что уже на первом курсе я заинтересовался наукой. Предметы науки моей были несколько странные и, поскольку на юридическом факультете всё время упоминались какие-то общественно-экономические формации, то, естественно, что я почему-то заинтересовался рабством в Китае. Прочитал несколько книжек. Интересно, что была какая-то диссертация на немецком языке, тоже о рабстве в Китае. Люди не сидели без дела, интересовались этой проблемой. Я потом прочёл всё это ещё в

1926, 1935), ЛВИ-ЛГУ (1928-1942), Ленинской школы ДВГУ, ДВПИ (Владивосток, 1930-1936). Сотрудник Комитета по латинизации китайского языка (1930-1936). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1928-1955)

¹⁷ Чжао Юань-жэнь 趙元任 (1892-1982). Лингвист, фонетист. Один из создателей системы латинизации китайского языка *гоуй ломазы* 國語羅馬字 (1925-1926). Родился в Тяньцзине. В 1910 поехал учиться в США за счёт средств, выделенных США из т.н. «боксёрской» контрибуции. Учился математике и физике в Корнелльском университете, где подружился с Ху Ши. Увлёкся философией и получил степень доктора философии в Гарварде(1918). В 1920 вернулся в Китай, преподавал в университете Цинхуа. В 1921 уехал в США, преподавал в Гарварде до 1925, затем снова работал в Цинхуа. С 1926 изучал китайские диалекты (прежде всего группы у), участвовал в переводе на китайский труда Б. Карлгрена «Etudes sur la phonologie chinoises» (впервые вышла в Европе в 1915, дополненное издание – в 1926, китайский перевод издан в 1940). В 1938 уехал в Америку, стал гражданином США (1954). Преподавал в Калифорнийском университете в Беркли (1947-1960), профессор (1952). В 1968 вышел его главный труд – A Grammar of Spoken Chinese (Berkeley: University of California Press, 1968). Считался одним из тончайших знатоков китайского языка и культуры. В 1973, 1981 посетил КНР, по приглашению Дэн Сяо-пина. Умер в Кембридже, Массачусетс. Упомянутые пластинки записаны в 1921 в США, по заказу Комиссии унификации произношения (*Дуинь тунъи хуй* 讀音統一會) Бэйянского правительства. По сути, это был первый официально признанный лингафонный курс китайского языка

¹⁸ Матусевич Маргарита Ивановна (1895-1979). Лингвист, представитель Ленинградской фонетической школы, ученица Л.В. Щербы. В 1941-1966 – завкафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета ЛГУ

нескольких книжках. Но, конечно, моя работа – это был реферат. Никакого научного вклада там, конечно, не было, хотя я прочитал *Шу цзин*. Правда, это не было чтением. Я разыскивал там знак *би 婢*, зная, как он пишется по-китайски. Находил в тексте соответствующие места, потом смотрел английский перевод, и всё это вносил.

СД: Это был второй курс или первый?

МС: Это был первый курс. И это был, конечно, самый настоящий реферат, но я к этому серьезно относился. Более того, поскольку уже существовало Студенческое научное общество (в Ленинграде оно называлось СНОВО), я пошёл туда и сказал, что написал такую-то «работу» (курсовых работ на первом курсе точно не было). Так я скромно говорил, потому что в глубине души мне казалось, что это «статья». Ну, это простительное заблуждение для парня 18 лет. И я сделал доклад, причём столкнулся с оппозицией со стороны Сергея Яхонтова¹⁹, который уже тогда следил за научной литературой, и, естественно, читал «Бюллетень» шведского института музея дальневосточных культур²⁰. Примерно в это время там как раз появилась статья Карлгрена²¹ о подлинных и неподлинных главах *Шу цзина*²². И Яхонтов – он к тому времени всё это уже читал! – задал мне ехидный вопрос: «А те цитаты, которые Вы приводите в своем докладе, они взяты из подлинных или поддельных частей *Шу цзина*?» И я с юношеским нахальством ему ответил, что не знаю, но пользовался тем текстом, который есть в переводах Легга²³, и им все пользуются. Я ответил в том духе, что даже

---

¹⁹ *Яхонтов Сергей Евгеньевич* (р. 1926). Китаевед-лингвист, к.филол.н.(1954). В 1950 закончил Восточный факультет ЛГУ, ученик А.А. Драгунова. Один из создателей Ленинградской/Петербургской школы сино-тибетского языкознания. С 1953 – преподаватель кафедры китайской филологии Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ, доцент (1956). Один из крупнейших специалистов по истории китайского языка

²⁰ Имеется ввиду «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities» (BMFEA), с 1929 издаваемый Восточноазиатским музеем (Östasiatiska Museet) в Стокгольме

²¹ *Карлгрен Бернхард* (Klas Bernhard Johannes Karlgren) (1889-1978). Синолог, лингвист, основоположник сравнительно-исторического изучения китайского языка, исторической фонологии китайского языка, современной текстологии древнекитайских текстов. В 1907-1909 учился в университете в Упсале, изучал русский язык. Затем, заинтересовавшись китайским языком, перевёлся в Петербургский университет, учился у А.И. Иванова. 1910-1912 провёл в Китае, описал 24 диалекта китайского языка. С 1912 продолжил учёбу в Париже и Лондоне. В 1915 защитил диссертацию «Études sur la phonologie chinoise», заложившую основы исторической фонологии китайского языка. Преподавал в университете Упсалы. Главный редактор «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities»(1929-1970), директор Восточноазиатского музея(1939-1959). Автор многих принципиально важных работ по истории китайского языка, текстологии древнекитайских текстов. Кроме того, написал на шведском языке множество научно-популярных работ по истории и культуре Китая, а также три романа под псевдонимом Klas Gullman

²² Вероятно, имеется ввиду следующая серия работ Б. Карлгрена: Karlgren B. Glosses on the Book of Documents. // BMFEA XX (1948), 39-315; BMFEA XXI (1949), 63-206

²³ *Легг Джеймс* (James Legge) (1815-1897). Один из крупнейших британских синологов. После окончания теологического колледжа в 1839 поехал проповедовать в Китай, но задержался в Малакке, где возглавил Англо-китайский колледж. В 1844 вместе с колледжем перебрался в Гонконг. В 1841, с целью облегчить понимание китайской культуры миссионерами, он начал гигантский труд по переводу на английский язык классических текстов китайской древности. В своей работе стремился учитывать китайскую комментаторскую традицию, сотрудничал с китайскими филологами. В 1861-1891 были опубликованы его на долгое время ставшие образцовыми переводы *Лунь юя*, *Да сюэ* и *Чжун юн*, *Мэн-цзы*, *Шу цзина*, *Ши цзина*, *Чуньцю*, *И цзина*, *Ли цзи*, *Дао-дэ цзина*,

если это и подделка, то не такая уж современная, что на самом деле между реальным текстом *Ши цзина* и теми текстами, которые Карлгрен счел поддельными, в общем, не такое большое расстояние. К сожалению, я не знаю этого, но в принципе считаю, что большого искажения научной истины не произошло. Ну, мне было 18 лет! Что вы хотите от студента первого курса? А Яхонтов уже был на третьем! Он следил за научной литературой. Чувствуете разницу? Но он был старше, он был 1926 года рождения.

СД: Студенческое общество СНОВО было на Востфаке, или каким-то общим?

МС: Оно было общеуниверситетским, и во главе его стоял Саша Фурсенко²⁴, папа вот этого нашего недавнего министра просвещения²⁵. Сашу Фурсенко я помню очень хорошо, потому что уже после перехода на Востфак я возглавил студенческое научное общество на Востфаке и, конечно, уже общался с деятелями общеуниверситетского масштаба. А Саша Фурсенко был крупным деятелем того времени. Он уже от парткома там как-то представлял, там была своя иерархия.

Потом там, на том докладе, Сергей Певзнер²⁶ выступил, но более миролюбиво. А Сергей [Яхонтов] – ну просто «на засыпку». Но самое интересное, что по моему докладу выступил Струве Василий Васильевич (слеза прошибает). Он сказал: «Понимаете, очень интересный доклад, очень интересный. Но насчёт терминологии не могу согласиться. Вы там говорите о рудиментарном рабстве (я уже не помню, что там было написано, и если бы Струве не упомянул этого, я бы этого никогда не запомнил – МС). Вы знаете, в таких случаях лучше пользоваться тем определением, которое Владимир Ильич дал в своих работах по истории России: он там оперировал термином «уклад». Поэтому, если Вы будете перерабатывать этот доклад, то пожалуйста, придерживайтесь такой терминологии. А вообще, доклад этот чрезвычайно интересен, потому что мы занимается рабством на Ближнем Востоке и всё там знаем. А как дело происходило на противоположном конце континента, мы не знаем и, конечно, благодарны нашим студентам, которые рассказывают нам какие-то вещи по этой проблеме». Намекнул на то, что раз взрослые не хотят, то хоть студенты пусть этим занимаются. В общем, я вижу, что аудитория уже поняла, что я не полный «идиот». Следуя заведенному обычаю, когда доклад и обсуждение кончились, мне предоставили заключительное слово. Всё, что надо я там в общем сказал, лишь бы как-то закруглить эту историю. В конечном счёте, сказал, что «выношу благодарность» Василию Васильевичу и присутствующим членам комиссии. И когда все пошли уже по домам, меня догнал Дьяконов Игорь Михайлович²⁷ и сказал: «Софронов, подойдите сюда! Слушайте, учите себя на научных конференциях! Вы не можете выносить благодарность» Василию Васильевичу Струве, вы можете её

Чжуан-цзы и некоторые другие. В 1875 возглавил созданную для него кафедру Китайского языка и литературы в Оксфорде

²⁴ *Фурсенко Александр Александрович* (1927-2008). Историк, американист. Д.и.н., академик АН СССР(1990). Научный сотрудник ЛО Института истории СССР при АН СССР. Завотделом всеобщей истории (с 1988)

²⁵ *Фурсенко Андрей Александрович* (1949 г.р.). Министр образования и науки РФ(2004-2012)

²⁶ *Певзнер Сергей Борисович* (1924-?), арабист, египтолог. Родился в Ленинграде. В 1949 окончил Восточный факультет ЛГУ. Сотрудник Эрмитажа (1946-1957), Государственного музея восточных культур (1957-1960). С 1960 – сотрудник ИВ АН СССР

²⁷ *Дьяконов Игорь Михайлович* (1914-1999). Востоковед, историк, лингвист, шумеролог, ассириолог, семитолог. Д.и.н.(1960). Член Британской академии наук. Сотрудник Эрмитажа (1937-1941). Преподаватель кафедры ассириологии и гебраистики Востфака ЛГУ (с 1946). В 1950 уволен (кафедру закрыли в ходе «борьбы с космополитизмом»), после чего вернулся к работе в Эрмитаже и начал работать в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР (с 1956 – ЛО ИВ АН СССР), где работал до конца жизни

лишь «принести». Надеюсь, что Вы не последний раз выступаете на научных конференциях, поэтому прошу учесть.

Такой вот у меня был первый опыт. Как видите, исторический, а не филологический.

СД: Кто ещё преподавал у Вас?

МС: С точки зрения знания языка, конечно, выделялся Вельгус²⁸ – он единственный говорил по-китайски свободно. Это потом уже оказалось, что он всю свою жизнь прожил в Маньчжурии. Как он вначале говорил: «Я никогда не учил китайский язык. Оказалось, собственно говоря, что я совершенно спокойно разговариваю на китайском. Китайский никогда не учил, а японский язык – другое дело». Он японский язык учил в школе и знал его хорошо. Но по условиям того времени не акцентировал свое знание японского языка. Хотя в нужные моменты он не прятался и не скрывал. Просто понятно, что о японском языке уже разговора уже не было. Но если, допустим, нужно было сказать про китайский двуслог, то он часто говорил, что это в сущности японское слово, это китайцы его из Японии позаимствовали.

И вот он приехал в СССР, поскольку ситуация в 1945 году в Китае была, в общем-то, тяжелая. И те люди, которые имели хоть какие-то связи с иностранными государствами, старались оттуда убраться. Вельгус тоже приехал вместе со всеми (репатриантами). И, конечно, в России его никто не ждал. Родни у него никакой не было. Он, естественно, приехал в Петербург, откуда он происходил, где когда-то жила его родня. Где и как он жил – это большой вопрос. Честно говоря, не знаю. Знаю, что он довольно быстро женился на Зите Циперович²⁹ и, видимо, таким образом как-то решились его квартирные проблемы. Он нашел Алексеева³⁰, который добился его прописки, и чтобы его взяли на факультет. Я очень хорошо помню, что в конце одной лекции Алексеев сказал: «В ближайшие дни с вами начнёт заниматься современным китайским языком Виктор Андреевич Вельгус, который научит вас читать, писать и говорить по-китайски». Вельгус действительно сделал эту попытку, причём первая попытка была в чисто китайском стиле – он читал текст, а потом говорил: «А теперь этот текст хором повторяйте». Но почему-то не прошло это в русской аудитории. В русской аудитории хоровое пение проходит, а

---

²⁸ *Вельгус Виктор Андреевич* (1922-1980). Китаевед, переводчик, уникальный знаток китайского языка. Родился в Москве. Был увезён в Шаньдун, на родину приёмного отца – участника гражданской войны в России, командира одного из партизанских отрядов Красной армии. В Китае закончил деревенскую начальную школу, учился в средних школах в Тяньцзине и Пекине, выучил японский язык. В 1947 вернулся в СССР, работал рабочим в Перми. Затем, по приглашению В.М. Алексеева переехал в Ленинград. С 1948 работал ассистентом кафедры китайской филологии Востфака ЛГУ. 28 апреля 1949 был арестован, 4 февраля 1950 осуждён с приговором к 25 годам ИТЛ за помощь мировой буржуазии в её борьбе с советским государством (ст.58, п.4). Освобожден в 1955. С 1960 – сотрудник Отдела Африки ЛО Института этнографии АН СССР

²⁹ *Циперович Изольда Эмильевна* (1918-2000). Китаевед, библиограф, ученица В.М. Алексеева. С 1948 – преподаватель кафедры китайской филологии Восточного факультета ЛГУ. В 1949 уволена в ходе «борьбы с космополитизмом», а также как жена арестованного В.А. Вельгуса. Преподавая русский язык иностранцам в Технологическом институте, продолжала заниматься китаеведением. В 1967 поступила на работу в библиотеку ЛО ИВ АН СССР, где проработала до ухода на пенсию в 1998

³⁰ *Алексеев Василий Михайлович* (1881-1951). Китаевед (литературовед, историк, знаток культуры Китая). Академик АН СССР (1929). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904-1909). Преподаватель Петербургского/Петроградского/Ленинградского университета (1910-1951). Сотрудник Азиатского музея/ИВ АН СССР (1902-1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947)

хоровое повторение прозы не получилось. Но, в принципе, Вельгус был очень знающим человеком, от которого я получил первое понятие о китайской культуре и настоящем разговорном китайском языке.

Мы занимались, конечно, «с пятого на десятое». На первом курсе я регулярно посещал занятия (на Востфаке), потому что они были во вторую смену, и я практически ничего не пропускал. А на втором курсе, конечно, начались сложности, потому что Восточный факультет перевели в дневную смену, и мне приходилось изворачиваться. И ясно, что вместо каких-нибудь основ государства и права или судостроительства я убежал (на Востфак). Тем более, что бежать было недалеко. Я мог пройти через двор, прослушать там какую-то лекцию, а потом вернуться в главное здание. В этом смысле нам было, конечно, проще. Но, всё равно, (расписание) не все всегда совпадало, и кое-какой «хвост» за второй курс у меня образовался.

Но тут произошло уже другое важное событие! Весной 1949 года меня вызывают в деканат Восточного факультета и говорят, что заочное вечернее отделение закрывается, что предлагается либо покинуть всё это дело, либо перейти на Восточный факультет. То есть, выбрать либо Восточный, либо юридический. Ну, я тогда ещё не до конца всё это понимал. Говорю: «В чём дело?» Потому что я-то тогда считал, что война будет продолжаться до бесконечности. Тем более, и Вельгус нам говорил, что это никогда не кончится. «Я, – говорит, – всё это своими глазами видел, всё это я знаю. Могу рассказать то, чего в газетах не пишут». Но, правда, при мне не говорил. И поэтому у него был полный пессимизм. Вельгус точно не верил, что 1 октября 1949 года будет провозглашена Китайская Народная Республика. А декан факультета, которым тогда уже стал Ефимов³¹ (потому что Штейна³² уже посадили), как раз и решил провести все эти изменения. Тем

---

³¹ *Ефимов Геронтий Валентинович* (1906-1980). Китаевед, специалист по новейшей истории Китая. Д.и.н.(1958), профессор. В 1932 окончил ЛИФЛИ, затем преподавал там же. В 1935-1941 преподавал в Белорусском государственном университете. В 1941 вернулся в Ленинград, заведовал кафедрой истории Востока, истории стран Дальнего Востока (1949). Декан Востфака(1949-1952), проректор ЛГУ (1961-1965)

³² *Штейн Виктор Морицевич* (1890-1964). Китаевед, экономист. Д.э.н. (1936), профессор (1935). Окончил экономический факультет Политехнического института в Петербурге и юрфак Петербургского университета. Занимался наукой, работал секретарём редакции журнала «Промышленность и торговля»(1915-1917), преподавал на юрфаке (1917-1920). С 1920 – ректор Института народного хозяйства в Одессе. В 1921 вернулся в Петроград, в 1922 арестован как «учёный с буржуазным мировоззрением», но вскоре амнистирован. Рано стал известен как крупный специалист по экономической теории, политэкономии. В 1922-1926 – главный учёный секретарь Института экономических исследований при Наркомфине. В 1926 командирован в Улан-Батор для помощи проведению денежной реформы. Ездил в Китай для участия в обследовании КВЖД, был финансовым советником кантонского и уханьского правительств в Китае (1926-1927). Вернувшись в СССР работал консультантом в Леноблисполкоме (1927-1930), заведовал отделом науки и несколькими бюро. В 1930 ненадолго арестован. После поездки в Китай много занимался экономикой и экономической мыслью Китая. Преподавал в Ленинградском Восточном институте до его закрытия (1928-1938), заведовал Кафедрой экономики и истории стран Востока. С 1935 – старш. науч. сотр. Китайского кабинета ИВ АН СССР, учил китайский язык у В.М. Алексеева. В 1934-1949 преподавал в ЛГУ, 3 года возглавлял Географический факультет, был деканом Восточного факультета (1946-1949). В 1949, в ходе борьбы с «низкопоклонством перед Западом», был уволен и арестован (1 сентября). 16.12.1950 приговорён за антисоветскую пропаганду и организационную деятельность к 10 годам ИТЛ, отбывал срок в Иркутской обл. Освобождён в 1955. Заведовал Дальневосточным кабинетом ЛО ИВ АН СССР (1956-1962). В 1959 выпустил главную работу, подготовленную ещё до ареста – исследование трактата *Гуань-цзы*

более, он знал, что с 1 сентября 1949 года уже будет сделан большой набор на китайское отделение. Уже и на нашем курсе был традиционно большой набор – там было порядка 30 человек, даже больше. Я помню, что когда мы пришли, меня внесли в общую ведомость, и я там был чуть ли не 35-й. Там кто ходил, кто не ходил на занятия, была полная университетская свобода. На самом деле, когда дело уже доходило до занятий у Драгунова, было видно, что некоторые явно просто не представляли себе, что это такое. Поэтому отсев был страшный.

Короче говоря, к тому времени я уже окончательно понял, что впереди на юридическом начинаются уже абсолютно неинтересные, чисто юридические дисциплины. И я с лёгким сердцем перенёс свои документы на Восточный факультет. Правда, с меня потребовали, чтобы я сдал задолженность за 2-й курс. Задолженность эта включала общее языкознание, историю Китая и семинар по общей фонетике. Историю Китая я как-то сдал. Хотя, нужно прямо сказать, это была с моей стороны халтура, потому что учебников нужных тогда ещё не было, и я занимался по конспектам. Мне их дали ребята, которые интересовались историей. У них были хорошие конспекты, и я кое-как сдал историю Китая по чужим конспектам. И Холодовичу я сдавал. Он сказал: «Я сейчас на факультете не бываю, приезжайте ко мне». И я приехал к нему. Он жил где-то на Семеновском плацу и экзаменовал меня по общему языкознанию на тёмной кухне коммунальной квартиры. Я всё-таки получил «пятерку» и ушёл. А общую фонетику я сдавал Матусевич и, в результате, 1 сентября 1949 года уже был полноправным студентом Восточного факультета. Я считаю, что это действительно был как раз тот случай, когда нужный человек в нужное время оказался в нужном месте. Это, конечно, стечение обстоятельств, потому что, не будь Кляшторного, не будь этого парня, который был энтузиастом Восточного факультета и как-то зародил во мне интерес (я бы, возможно, не стал китаеведом)...

СД: А Ваши родители не вмешивались? Я помню, что когда решил заниматься Китаем, мои родители были совсем не в восторге!

МС: Понимаете, это была мечта. Потому что, на самом деле, вопрос стоял так: на каком заводе я буду работать после окончания Востфака. Потому что на самом деле тогдашние японистки, великолепные девки, которые действительно великолепно знали японский язык, пошли работать переводчицами на промышленные предприятия Ленинграда. Правда, потом, конечно, из них кое-кому удалось сделать более серьёзные карьеры, но уже не научные. В конечном счёте восточники, конечно, не пропали.

СД: До какого курса Вы считали, что будете работать на заводе переводчиком? И на каком курсе стало понятно, что всё-таки какая-то научная карьера возможна?

МС: Я считаю, что уже на втором. Здесь сыграл роль даже не столько интерес к науке. Интерес к науке у меня проявился уже на первом курсе, но в несколько причудливой форме. Я уже говорил про свой интерес к рабству в Китае. На самом деле, это был, что называется, «общий» интерес. А мой интерес к китайскому языкознанию – уже позднее оформившийся интерес. Нужно прямо сказать, этот интерес формировался очень медленно. Допустим, тот же Яхонтов, когда он пришёл на первый курс, уже готовил себя к научной карьере. Он уже читал научную литературу и занимался в семинаре Драгунова, куда могли приходиться все студенты, которые интересовались лингвистикой. Драгунов даже у себя дома эти семинары проводил, потому что он был человеком очень больным. Он умер в 55 лет, и в этом возрасте был уже очень плох.

Что касается меня, то мне не всё было ясно с лингвистикой. Поэтому я к Драгунову попал сравнительно поздно. Это было начало 1949 года, когда я стал уже формальным студентом. Я тогда подошёл к Драгунову, попросил тему, и он дал мне тему о суффиксе 得 得, «получать/принимать» в глаголах восприятия. Об этом есть кусочки в его грамматике. Помню, что я ходил к нему со своими примерами, и он говорил: «Вы знаете,

необязательно брать современный китайский язык – там мало примеров. А, вот, допустим, посмотрите в романах, в *Шуй-ху чжуань* 水滸傳³³, *Сань-го чжи* 三國志³⁴. Я, естественно, сразу бросился искать (примеры в этих романах). Переводов *Шуй-ху чжуань* тогда не было, а *Сань-го чжи* были. Ну, конечно, на втором курсе в оригинале читать «Троецарствие» мне точно было рано. Поэтому в библиотеке Восточного факультета я нашёл какую-то маленькую книжечку, где были первые несколько главок китайского текста и их перевод на французский. Я посмотрел всё в этой книжке (с переводом мне, естественно, было легче понимать смысл текста) и набрал несколько примеров. Пришёл к Драгунову, и он говорит: «Приходите ко мне в ИВАН». Я пришёл на самый верхний этаж (они помещались в библиотеке Академии наук и занимали там последний этаж)³⁵ и спросил, где Драгунов. Мне объяснили, что нужно подняться и найти дверь с надписью «Посторонним вход запрещён». В эту дверь нужно постучаться, и он выйдет.

Я постучался. Драгунов вышел в халате, весь в пыли лёссовой, и говорит: «Покажите примеры! Да, интересно! А я тут совсем другим занимаюсь – инвентаризацией тангутских материалов. Это совсем другая область, не китаистика. Но это неважно». Мы с ним поговорили, и я ушёл. Таким образом, моё первое соприкосновение с тангутоведением произошло в коридоре. Это единственное, что я увидел – лёссная пыль, которая покрывала тангутские материалы из Хара-Хото³⁶. Видно было, как на этом халате она блестела. У нас потом было ещё несколько таких встреч. Но, видимо, Драгунов уже тогда загорелся идеей переезда в Москву.

Был ещё один важный для меня разговор. Однажды, когда я пришёл к Драгунову туда, на Васильевский, он мне говорит следующее: «Сейчас организуется Институт востоковедения, на месте слияния Тихоокеанского института³⁷ с другими учреждениями». Я помню, в 1949 году Тихоокеанский институт ещё существовал, и я, как деятель студенческого научного общества, был включён в делегацию Восточного факультета и впервые в жизни принимал участие в одной конференции. В частности, там был очень

---

³³ «Речные заводы» – один из т.н. четырёх великих романов китайской литературной традиции. Автор – Ши Най-ань 施耐庵 (1296-1372). Посвящён приключениям 108 благородных разбойников из лагеря Ляншаньбо, действовавших при династии Северная Сун. Английский перевод Пёрл Бак (Pearl Back) появился в 1933. Русский текст романа в переводе А.П. Рогачёвым издан в 1955

³⁴ Имеется ввиду роман «Троецарствие» (*Саньго янь-и* 三國演義, полное название – Саньго-чжи тун-су янь-и 三國志通俗演義, «Общедоступное изложение [событий хроники] «Трактата о Трёх царствах»») Ло Гуань-чжуна 羅貫中 (1330-1400). Первый перевод на французский язык (Теодора Пави (Théodore Pavie)) вышел в 1845-1851, русский (В.А. Пансюка) – в 1954

³⁵ Решение о переезде Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР (затем – ЛО ИВ АН СССР) из здания Библиотеки Академии наук (БАН) в Ново-Михайловский дворец на Дворцовой набережной было принято в 1949

³⁶ *Хара-Хото* – один из городов в северных областях Тангутского царства, заброшенный после взятия его войсками династии Мин в 1372. В 1908 и 1909 город был обследован экспедицией П.К. Козлова. Экспедицией найдено около 8000 тангутских текстов и фрагментов текстов – поныне основная часть мирового фонда тангутской письменности – а также 3500 статуй, картин и других предметов искусства, много уникальных китайских текстов. Плодотворные раскопки в Хара-Хото производились и после П.К. Козлова (в том числе Стейном, Бергманном, Гедином). Последние работы прошли в 1983-1984

³⁷ В 1950 ИВ АН СССР перевели из Ленинграда в Москву (за исключением Сектора восточных рукописей), в его состав был включён Тихоокеанский институт АН СССР (включён в состав Академии в 1942)

любопытный доклад Стратановича³⁸, который меня заинтересовал. Вообще, Стратанович был человеком, который всю жизнь говорил невпопад. И уже тогда, на фоне всеобщего ликования по поводу объединения Китая, его марксистского руководства и полного безоглядного сотрудничества, союза с Россией, он, ни много ни мало, сделал доклад о китайском национализме. Он сказал, что китайцы ужасные националисты. Вспомнил, как во Владивостоке китайские рабочие не хотели ходить в одну и ту же столовую с корейскими рабочими, с которыми они работали в одном и том же порту и говорили, что сами они «великодержавные люди» – *да-го жэнь* 大 国 人, а те – «люди из малой страны» *сяо-го жэнь* 小 国 人, и нам с ними не по пути. Этот его доклад (а я тогда ещё был очень любопытен) я запомнил на всю жизнь. Естественно, никто на него не обратил внимание – причём тут Владивосток какой-то, какие-то кули, какие-то китайские рабочие – всё чепуха!.. Да здравствует великая нерушимая дружба двух великих народов!

В общем, в тот момент он [Драгунов – СД] рассказал мне, что приезжал Толстов³⁹ (видимо, тогда и были переговоры о переезде в Москву) и сообщил, что перед новым институтом встанут широкие задачи изучения не только китайского языка, но и языков других народов Юго-Восточной Азии, в частности, вьетнамцев. Толстов также спросил у Драгунова, не может ли он порекомендовать аспиранта, в частности, по вьетнамскому языку, потому что не за горами победа прогрессивных сил во Вьетнаме. И мы, конечно, собираемся всерьёз изучать вьетнамский язык, это всё нам нужно. Драгунов также сказал мне: «До окончания ещё далеко. Но, всё равно, если Вы заинтересуетесь наукой...» Я ответил, что, вообще-то, заинтересован. Вот, о рабстве в Китае написал. Но он сказал, что это вообще-то не то, это больше по курсовой работе. И предложил: «Попробуйте, может, действительно, стоит заняться вьетнамским, потому что это полезный и интересный язык. Щуцкий⁴⁰ им занимался, есть учебник вьетнамского языка Щуцкого⁴¹. Посмотрите! Может, действительно, заинтересуетесь?»

Конечно, я заинтересовался этим предложением. Нужно прямо сказать, довольно много времени потратил на вьетнамский язык, и даже, уже где-то на четвёртом курсе,

---

³⁸ Стратанович Григорий Григорьевич (1912-1977), китаист, этнолог, специалист по культуре и верованиям народов Юго-Восточной Азии. Д.и.н.(1975). Родился в Петербурге, в 1932 окончил лингвистический факультет ЛГУ, с 1938 – сотрудник Института этнографии АН СССР

³⁹ Толстов Сергей Павлович (1907-1976), историк, этнограф, археолог, исследователь Средней Азии (открыватель древнехорезмийской цивилизации). Д.и.н.(1942), профессор МГУ(1939). Завкафедрой этнографии исторического факультета МГУ (1939-1951), Директор эвакуированного в Ташкент Института этнографии АН СССР(1942-1965), декан исторического факультета МГУ(1943-1945), директор ИВ АН СССР(1950-1952). С 1953 – членкор АН СССР. Член многих международных научных обществ, нескольких иностранных академий. Главред журнала «Советская этнография»(1946-1966). В 1930 закончил МГУ (историко-филологический факультет), по специальности антропология. В 1937 начинает раскопки в пустыне Кызылкум – на окраине древнего Хорезма. В 1941 ушёл добровольцем на фронт, был ранен, разрешения вернуться на фронт не получил

⁴⁰ Щуцкий Юлиан Константинович (1897-1938), китаист, вьетнамист, философ, ученик В.М. Алексеева. Родился в Екатеринбурге, в польской дворянской семье. С 1920 работал в Азиатской музее (с 1930 – ИВ АН СССР). В 1921 окончил этнолого-лингвистический отдел факультета общественных наук Петроградского университета по кафедре китаеведения. С 1936 – сотрудник Эрмитажа. Первым в России начал преподавание вьетнамского языка и кантонского диалекта. Перевёл на русский язык *И цзин* (издано в 1960). 3.08.1937 арестован, 18.02.1938 расстрелян за связь с подпольными кружками «тамплиеров» (организация террористических групп, ст.58, п.8, 11)

⁴¹ Щуцкий Ю.К. Учебник аннамского языка. Л., 1934; Щуцкий Ю.К. Строй аннамского языка. Л., 1936

когда уже определилось, что я, видимо, буду заниматься наукой, я за свой счёт поехал в Москву. И от Драгунова меня рекомендовали Пашкову⁴². Драгунову я успел ещё сказать, что хочу узнать, как там в Москве насчёт вьетнамского. На что мне сказали: пожалуйста, когда приедете в Москву, позвоните Пашкову. Скажите, что Вы от нас, чтобы он о Вас позаботился, чтобы Вы там были не одни. Я только не помню, как это все было: то ли Драгунов с Драгуновой Екатериной Николаевной⁴³ уже жили в «Якоре»⁴⁴ и меня, конечно, взять в свой номер не могли, поэтому и отправили жить к Пашкову. Скорее всего, да, это был уже 1950-й год, и Драгунов был уже там. А я приехал и подошёл к Драгунову, который как раз в тот момент работал над комментарием к грамматике Ван Ли⁴⁵ в переводе Райской⁴⁶. Редактором его была, конечно, Муза Александровна Оборина⁴⁷, которая в дальнейшем занималась феерическим изданием «Новое в лингвистике»⁴⁸. Вы

---

⁴² *Пашков Борис Климентьевич* (1891-1970). Востоковед-лингвист широкого профиля. Учился в духовном училище, в Пензенской семинарии. Окончил Восточный институт во Владивостоке по маньчжуро-китайскому и японо-китайскому отделениям (1913-1917), затем по монгольско-калмыцкому отделению (1918). Преподавал в Иркутском университете (1919-1923). С 1923 – профессор, завкафедрой китайского и японского языка, создатель кафедры монгольского языка). Преподавал в ДВГУ (1923-1926), Саратовском пединституте (1929-1932), МИВ (1937-1940), Калмыцком пединституте (1941-1942). До 1941 – сотрудник Института этнических и национальных культур народов Востока, Института национальностей, Института нерусских школ. Участвовал в латинизации восточных алфавитов, в создании нового калмыцкого алфавита. Научный сотрудник Института языка и письменности – языка и литературы (1943-1950), ИВ АН СССР (1950-1970). Один из создателей Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне КИГИ РАН, основан в 1941. В 1943 ликвидирован в связи с депортацией калмыков. Возрожден в 1957), его директор (1957-1959)

⁴³ *Драгунова Екатерина Николаевна* (1901-1964). Китаевед-лингвист, диалектолог. Супруга А.А. Драгунова. В 1924 окончила этнолого-лингвистический факультет ЛГУ. Преподавала в Военной академии РККА (1923-1932), в НИ комиссии Дальневосточного комитета нового алфавита (1932-1933), на кафедре иностранных языков АН СССР (1942-1946), в ИВЯ при МГУ (1947-1964). Автор учебника китайского языка (М., 1965)

⁴⁴ Гостиница «Якорь» находилась на ул. Горького, д. 125. Ныне на этом месте (1-я Тверская-Ямская, д. 19) находится Шератон Палас Отель и ресторан «Якорь».

⁴⁵ Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. / Пер. с кит. яз Г.Н. Райской, под ред. А.А. Драгунова и Чжоу Сун-юаня. М. : Издательство иностранной литературы, 1954

Ван Ляо-и 王了一 (Ван Ли 王力) (1900-1986). Один из крупнейших лингвистов XX в. Родился в Гуанси. Занимался самообразованием. С 1927 учился в университете Цинхуа. В том же году поехал в Париж изучать лингвистику. Защитил диссертацию по фонологии. Вернулся в Китай, преподавал в университете Цинхуа (1932-1939). В 1939-1940 – во Французской школе Дальнего Востока во Вьетнаме (изучал вьетнамский язык, что обогатило его исследования по исторической фонологии китайского языка). Преподавал в университете Чжуншань (1946-1948), в университете Линьань (1948-1954), в Пекинском университете (1954-1986). Автор многих работ по истории и грамматике китайского языка, один из создателей современной китайской грамматики

⁴⁶ *Райская Галина Н.* (1926-?). Китаевед, переводчик, супруга С.Е. Яхонтова. Участник Великой отечественной войны, обороны Ленинграда. В 1950 окончила Востфак ЛУГ, участвовала в экспедициях к дунганам. Много переводила с китайского и других языков

⁴⁷ Редактор издательства «Прогресс», занимавшегося изданием переводных книг

⁴⁸ «Новое в лингвистике» – серия сборников переводов важнейших статей по языкознанию. Всего (до 1989) вышло 25 выпусков (начиная с 7-го выпуска сборники именовались «Новое в зарубежной лингвистике»). Особо важную роль в развитии отечественного языкознания сыграл 1-й выпуск (о котором и идёт речь в интервью),

этого не знаете. Но в эпоху перестройки Оборина тоже прозвучала, как-то совершенно неожиданно для всех, она сделалась сторонницей Зюганова⁴⁹, и меня всячески агитировала, что Зюганов прекрасный человек. В общем, я и сейчас его, конечно, невысоко ценю, а тогда я был вообще категорическим противником Зюганова...

В общем, я приехал в Москву и позвонил Пашкову. «Ну, как же, – говорит он, – живите у меня, я люблю студентов». Я у него остановился, и он мне тут же сказал, что с вьетнамским – всё понятно. Институт востоковедения тогда уже работал, поэтому Пашков сказал: «Там у них Губер⁵⁰ заведует отделом Юго-Восточной Азии. Идите прямо к нему. В крайнем случае, скажите, что Вы от Пашкова». Но, на самом деле, никакие рекомендации не потребовались. Я пришёл в ИВ АН, который тогда помещался, по моему, в Хрущёвском переулке. Там был особняк, где сейчас музей Пушкина, или что-то в этом духе. Там было первое местопребывание Института востоковедения⁵¹. В ИВ АН я спросил, где Губер. Мне подсказали, где он сидит. Я к нему подошёл и говорю: «Здравствуйте, Александр Андреевич! Я – такой-то. Был такой разговор с Толстовым (как его звали тогда я помнил, а сейчас уже не помню). Он мне посоветовал поступить в аспирантуру по вьетнамскому языку. Но мне бы хотелось узнать, как в Москве с этим дело обстоит. В частности, говорят, в Москве есть уже вещание на вьетнамском языке, и мне хотелось бы, по крайней мере, хотя бы познакомиться с людьми из вьетнамской редакции». «Знаете, – ответил Губер, – я ничего Вам сказать не могу. Но я знаю, что есть такой Петр Алёшин⁵². Обратитесь к нему! Он у нас младший научный сотрудник, и он в курсе всех этих дел». Я пошел искать Петра Алёшина, и мы с ним познакомились.

вышедший в 1960. Он был составлен Владимиром Андреевичем Звегинцевым (1910-1988), крупнейшим российским лингвистом, основателем Отделения теоретической и прикладной лингвистики на филологическом факультете МГУ. В сборник вошли переводы важнейших статей западных языковедов, выполненные лучшими отечественными лингвистами – Ю.К. Лекомцевым, В.В. Ивановым и др. Сборник стал своего рода символом «оттепели» в языкознании, настольной книгой и манифестом структуралистов

⁴⁹ *Зюганов Геннадий Андреевич* (1944 г.р.), с 1993 – бессменный лидер Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ)

⁵⁰ *Губер Александр Андреевич* (1902-1971). Востоковед-историк, специалист по Юго-Восточной Азии, организатор науки. Профессор (1935). Д.и.н.(1943), диссертация по новейшей истории Филиппин. Членкор (1953), академик АН СССР (1966). Председатель Национального комитета историков СССР (с 1958), президент Международного комитета историков (с 1970). Окончил МИВ (1925). Работал научным сотрудником иностранного отдела ЦСУ (1925-1927), КУТВа (1927-1937), Института истории (1938-1945), Тихоокеанского института (1945-1950), Института востоковедения (1950-1956, заведовал отделом Юго-Восточной Азии, с 1954 – директор института). Преподавал в КУТВ, ЛВИ (1931-1932), КУПОН (1934-1935), ИКП, МИВ (1933-1938), МГПИ им. В.И. Ленина (1938-1946), на истфаке и в ИВЯ МГУ (1937-1971), АОН при ЦК КПСС (1946-1971)

⁵¹ Имеется ввиду дворянская усадьба Хрущёвых-Селезнёвых (Пречистенка 12 / Хрущёвский пер. 2), где с 1957 размещается Государственный музей А.С. Пушкина. Здесь в 1950-1953 находился ИВ АН СССР. В 1953 институт переехал в здание Лазаревского института восточных языков (Армянский пер. 2/6), где находился до 1977, после чего был перенесен на Рождественку, 12. Отдел Китая (до 1960 – Институт китаеведения АН СССР), журнал «Народы Азии и Африки» (ныне – «Восток») и Синологическая библиотека находились до 1977 в Хохловском переулке

⁵² *Алёшин Петр Иванович* (1922-2005). Вьетнамист, переводчик. Один из первых в СССР популяризаторов *тайцзи цюаня*, о котором, по его словам, он узнал в 1960-х от Хо Ши Мина. Увлекался вьетнамской традиционной медициной, перевёл на русский язык вьетнамское пособие по иглоукалыванию (Иглоукалывание./ Под общей редакцией Хоанг Бао Тяу, Ла Куанг Ниеп. Пер. с вьетнамского П.И. Алёшина. Москва, Медицина, 1988)

Алёшин к тому времени уже занимался вьетнамским языком непосредственно с вьетнамцем, который работал диктором на радио. У него были с ним индивидуальные занятия и он, нужно прямо сказать, очень сильно преуспел во вьетнамском языке. С другой стороны, он очень охранял свою монополию на вьетнамский язык. И когда я заговорил о том, что нельзя ли и мне вот хотя бы как-то так послушать, посмотреть, я услышал твёрдое «нет», и что ни о чём таком речи быть не может. Увидев, что, собственно, в Москве никто меня как вьетнамиста не ждёт, я вернулся.

Я понял, что заниматься надо китайским языком, потому что всякий шаг в сторону особенно не приветствуется. У каждого есть свои границы. Если ты попал в китайский, то им и занимайся, а во вьетнамский не лезь! Конечно, будь на месте Алёшина человек более склонный к компромиссам, всё могло бы быть. Не исключаю. Во всяком случае, если бы тогда он принял меня с распростёртыми объятиями и сказал: «Боже мой! Ну, наконец-то, я встретил человека, который что-то такое готов делать, как-то мне поможет! Буду только рад!..» Но, на самом деле, всё то, что я в дальнейшем узнал об Алёшине, подтвердило, что он был человек очень замкнутый и ревнивый ко всему тому, что относится к нему лично. Я был хорошо знаком с его женой, Лилей. Её официальное имя было Идалия Алёшина⁵³. Она тоже прекрасно знала вьетнамский язык. Но они разошлись. Он так и не окончил. Не помню, где он учился, то ли в Международном институте международных отношений, то ли в Институте востоковедения. Но диплом он так и не получил, хотя вьетнамский язык знал божественно, переводил на всяких официальных приёмах, потом стал работать на радио, где, опять-таки, нужен был язык, и больше ничего. Чем там всё кончилось, я не знаю, но Лиля как раз о нём отзывалась очень... В общем, разведённые жены никогда особенно хорошо о мужьях не говорят. Но, во всяком случае, я на себе испытал, что он был человеком, очень дорожающим своей монополией. Вот так и получилось, что предложение заняться соседним языком продолжения не получило, хотя я был не против.

СД: Позвольте отступить в сторону. Вы сказали, что Вам рекомендовали учебник Щуцкого. Вам вообще говорили что-нибудь о расстрелянных востоковедах?

МС: Да, никто ничего не скрывал, хотя было известно, что он расстрелян. Совершенно спокойно весь Востфак об этом говорил. И это не влияло, как-то не принималось во внимание на Востфаке. Все его книги были в библиотеке, всё было доступно – пожалуйста!. Щуцкий он и есть Щуцкий. Причём тут то, что он расстрелян – это не важно. А то, что он Щуцкий, вот это существенно!

СД: То есть, не было разговоров, что он был невиновен и т.д.? Или это как-то подразумевалось, просто об этом не говорили?

МС: Мы все знали, что никто не виноват. Это сейчас уже об этом требуется говорить, что, дескать, люди пострадали (невинно). Тогда-то люди знали, что никто ни в чём не виноват! Это как бы считалось само собой. Понимаете, никто не говорил о том... А тогда у кого из старых петербуржцев не сажали родных и близких? У всех сажали! Но была твёрдая уверенность, что люди совершенно не виноваты в том, в чем их обвиняли.

СД: Все Ваши соученики были в основном из Ленинграда?

МС: Да.

---

⁵³ Алёшина Идалия Евсеевна. Вьетнамист, автор и составитель разговорников, учебных словарей вьетнамского языка, один из авторов «Большого вьетнамско-русского словаря» (в 4-х тт., т.1 – М., 2006), составитель «Нового большого вьетнамско-русского словаря» (М., 2012, в 2-х тт.). В 1990-2001 – с.н.с. Института языкознания РАН

СД: Просто потом, в тот большой набор, приезжали «откуда только не». Тот же Е.И. Кычанов⁵⁴ и т.д., все издалека.

МС: Честно говоря, не было особого повода заводить об этом разговоры. Все эти темы о репрессированных родственниках возникали лишь в одном случае, когда комсомольские активисты хотели получить рекомендацию для вступления в кандидаты в партию. Там, действительно, комсомольский активист, член того, член сего, член бюро, ещё чего-то. Конечно, все выступают и обсуждают. И потом он говорит: «Но я должен в конце сказать, что мой отец, или мать, или ещё кто, был арестован по... (тогда не говорили «расстрелян») ... по политической статье за антигосударственную деятельность». Я помню случай, когда такие дела доходили до комсомольского собрания. Комсомольское собрание голосовало за то, чтобы дать рекомендацию. Поскольку я сам был членом факультетского бюро, то при мне все эти трагедии разыгрывались. Я всегда голосовал за то, чтобы дать рекомендации, хотя, на самом деле, там представитель партбюро потом говорил – нет, всё-таки, это не надо было делать. Но я помню случай с Игорем Лебединским⁵⁵. Мы не послушались тогда партбюро и поставили вопрос на комсомольское собрание. Его потом «зарубили» уже на университетском уровне. А в принципе, на факультете у многих родители «сидели». Были люди, у которых родители были расстреляны, и они знали, что их родители расстреляны. Но, как правило, про этот «контингент» говорили, что, мол, «находится в тюремном заключении», «отбывает наказание по ст. 58». До 1956 года это всё рассматривалось (таким образом), во всяком случае в Питере. Не знаю, как в других местах, я рассказываю только о том, чему сам был свидетелем. Я был сам членом факультетского комсомольского бюро, решал эти проблемы и говорил, что сын за отца не отвечает...

СД: В 1949 году, когда возникли «ленинградское дело»⁵⁶ и «дело врачей»⁵⁷, ситуация изменилась?

М.С.: Видите ли, с «ленинградским делом» тут было немножко хитро сделано. Когда 1 сентября уже не помню какого года (скорее всего, всё-таки 1950) я пришёл на факультет,

---

⁵⁴ *Кычанов Евгений Иванович* (1932-2013). Китаевед, тангутовед. Сотрудник ИВР РАН в Санкт-Петербурге, д.и.н. (1970), профессор (1986). Директор СПбФ ИВ РАН (1996-2003). Специализация: тангутоведение, средневековая история Китая и Центральной Азии, кочевые цивилизации, национальные меньшинства КНР. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см.: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>, <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/ra27.pdf>

⁵⁵ *Лебединский Игорь Леонидович* (1926-2010). Востоковед-арабист. Д.э.н., профессор. Один из ведущих переводчиков современной арабской литературы. Окончил востфак (отделение арабского языка) ЛГУ и Ленинградский институт экономической промышленности. Журналист, критик, член союза писателей Украины

⁵⁶ «Ленинградское дело» – череда судебных процессов конца 1940-х начала 1950-х, нацеленных против ряда партийных и государственных деятелей. Репрессиям подверглись все руководители Ленинградских областных, городских и районных организаций ВКП(б), в т.ч. почти все советские и государственные деятели, выдвинутые после войны из Ленинграда на руководящую работу в Москву и в другие регионы СССР. Были также репрессированы хозяйственные, профсоюзные, комсомольские и военные работники, учёные, творческая интеллигенция. Разгромлен Музей обороны Ленинграда, арестованы многие сотрудники ЛГУ. В годы «ленинградского дела» масштаб арестов почти достиг уровня «большого террора» 1937-1938. Правда, расстреливали значительно меньше

⁵⁷ «Дело врачей» – заключительная стадия антисемитской кампании в СССР, стартовавшей в 1947. Началось в январе 1953 арестами ряда видных советских медиков, которых обвиняли в отравлении, по заказу сионистских и американских кругов, ряда советских лидеров (в том числе Жданова). Прекращено вскоре после смерти Сталина

то увидел, что Вельгуса⁵⁸ в расписании нет. Я спрашиваю, в чем дело? И мне отвечают, что он уехал в Китай на работу переводчиком. О.Л. Фишман⁵⁹ «сидит». Точнее, Фишман уволили из-за того, что ее муж Левинтон⁶⁰ попал в какую-то там группу, и Штейн Виктор Морицевич тоже в этой группе участвовал. Кажется, Штейн, Фишман и Зита Циперович⁶¹ были вместе уволены. И тогда, вместо них из ИВАНА взяли Кочетову Софью Михайловну⁶² и кого-то ещё. Кроме того, на китайское отделение перевели желающих с других отделений того же курса. И тогда из монгольской группы перешла Лена Мальцева, а из индийской группы перешёл Юра Головнёв⁶³. Он долгое время работал редактором «Молодой гвардии». Его взяли тогда, когда предполагалось массовое издание переводов с китайского языка. Первый перевод сделал Иванько⁶⁴ – герой Войновича. А второй

---

⁵⁸ *Вельгус Виктор Андреевич* (1922-1980). Китаевед, к.филол.н.(1967). С 1960 – научный сотрудник Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение)

⁵⁹ *Фишман Ольга Лазаревна* (1919-1986). Китаевед, литературовед, ученица В. М. Алексеева. Родилась в Одессе. С 1924 – в Ленинграде. В 1941 досрочно закончила ЛГУ (кафедра китайской филологии). В 1946-1949 преподавала в ЛГУ, вела семинарские занятия по ряду курсов В.М. Алексеева. Входила в коллектив, работавший над созданием Большого китайско-русского словаря. В 1949 была вынуждена уйти из университета, преподавала русский язык китайским стажёрам, делала подстрочники, продолжала заниматься наукой, переводить средневековую китайскую литературу. С 1958 – сотрудник ЛО ИВ АН СССР, с 1960 – глава сектора литературоведения. В 1965 защитила докторскую диссертацию. Автор многих замечательных переводов китайской литературы XVIII в., книг по китайско-европейскому культурному взаимодействию

⁶⁰ *Левинтон Ахилл Григорьевич* (1913-1971). Германист, литературовед, переводчик. Окончил Дагестанский политехникум (1930-1932). Работал начальником смены Владикавказского тарного завода (1932-1935). В 1935 приехал в Ленинград, поступил на германское отделение филологического факультета ЛИФЛИ (вскоре слился с ЛГУ). Ученик Г.А. Гуковского. С 1940 – в аспирантуре. Был в эвакуации, в 1945 вернулся в Ленинград, работал в Публичной библиотеке. С 1948 – доцент ЛГБИ. В феврале 1949 арестован, приговорён к 25 годам лагерей, отбывал срок в Свердловской области. Освобожден в мае 1954, реабилитирован в 1961. После освобождения занимался переводами западной литературы, писал книги (в частности, о Б. Келлермане, Г. Гейне)

⁶¹ *Циперович Изольда Эмильевна* (1918-2000) к.филол.н.(1969), сотрудник библиотеки ЛО Института востоковедения РАН (филиал БАН) (1967-1998)

⁶² *Зубер (Кочетова) Софья Михайловна* (1907-1985). Искусствовед. Дочь протоиерея М. Пospelова, репрессированного в 1933 по делу «Русского студенческого христианского движения». Окончила китайский разряд Отделения восточных языков и литератур ЛГУ (1931). Из-за отсутствия работы по специальности работала младшим экономистом, переводчиком технической документации на ленинградских заводах. Научн. сотр. Отдела Востока Эрмитажа (1936-1945). Вместе с Н.А. Невским работала над буддийскими материалами из Хара-Хото. Работала в Институте востоковедения (1945-1950), преподавала в ЛГУ. До 1958 работала в БАН, участвовала в создании китайско-русских словарей, редактировала книги, писала статьи по китайскому искусству, переводила

⁶³ *Головнёв Георгий Иванович* (1928-?), в 1950 г. окончил китайское отделение Восточного факультета ЛГУ, затем многие годы работал редактором в издательстве «Молодая гвардия», где курировал прежде всего издания переводов китайской литературы.

⁶⁴ *Иванько Сергей Сергеевич* (псевд.: С. Батурин; 1925-?). Переводчик, публицист, чиновник. Ученик Л.З. Эйдлина, друг Н.Т. Федоренко. Член редколлегии Госкомиздата СССР, первый заместитель председателя Агентства печати «Новости», советник посольства СССР в США. Герой и эпоним повести Владимира Войновича «Иванькиада». Упомянутый перевод см.: *Ай У. В огне рождается сталь.* / Пер.с кит. С. Иванько. М., 1959

перевод сделал я⁶⁵. Считалось, что каждый год будут выпускать какие-то китайские книги, и поэтому взяли всем этим заведовать Головнёва, поскольку он знал китайский язык. Он закончил свои дни редактором издательства «Восточная литература» и умер в юных годах. Ему было совсем немного за 50, но у него всегда было слабое сердце. Он умер во сне, бедняга. Жена спала в соседней комнате и только потом рассказывала, что он ночью как-то завозился, а потом, вроде, снова уснул, как выяснилось, навеки. Как видите, было много вещей на факультете. Но всего же не расскажешь! Что касается Штейна, то собственно говоря, отношения общие. Человек «попался»⁶⁶.

СД: Это было в рамках «борьбы с космополитизмом»? Или проходило как «ленинградское дело»? Непонятно, там же это всё переплелось!

МС: Понимаете, тогда это всё называлось «сел по 58 статье». Все говорили, и все знали тогда, что это чепуха, и что ничего этого нет! Хватают того, кто под руку попался, и поэтому никто лишних вопросов не задавал. И поэтому, когда через три года Штейн вернулся, все в общем-то понимали – ну, значит, хватит. Вельгус вернулся позднее. Через пять лет я его встретил уже в ИВАНе, в Москве. Он, видимо, отбывал ссылку в Караганде, и по дороге заехал в ИВАН. И я его встречаю и говорю: «Виктор Андреевич, здравствуйте, Вы вернулись!». «Да, – говорит он, – я вернулся. А Вы меня помните?» «Как же Вас не помнить, Виктор Андреевич?! Кто же меня китайскому языку-то учил?!». «Да, – говорит он, – но я же отбыл пять лет, от звонка до звонка». «Как?! Нам сказали, что вы уехали в Китай на переводческую работу!». «Да...» – говорит Вельгус... А, в действительности, это была работа в Караганде на строительстве. Помню ещё, что он говорил так, философски, что, дескать, каждый русский человек должен в лагере отсидеть. Потому что иначе не поймёшь, как жизнь устроена. «Семь лет, – говорил Вельгус, – конечно, многовато! Три – мало, а вот пять – в самый раз!..» Так что, тогда далеко не всё было ясно окружающим. В нужных местах было что-то замаскировано. А потом и Фишман уволили из-за того, что у неё муж «сел».

СД: То есть, не было никаких проработок, люди просто пропадали, и всё?

МС: Понимаете, Циперович уволили, потому что... не знаю, была ли она тогда официально зарегистрирована (с Вельгусом). На самом деле у них очень быстро оформился гражданский брак. Но я не знаю, был он официально зарегистрирован, или нет. Может, она тоже села, как «член семьи изменника родине». Понимаете, 1950-й год хорошо запомнился в связи с этими событиями. Но тогда отношение к этому было иное. Народ настолько привык ко всем этим вещам, что когда про человека говорили «сел по 58-ой статье», в общем, (это не вызывало) никаких эмоций... У меня, как студента Восточного факультета, не было ничего такого – какой ужас! Поскольку это было, что называется, бытовым явлением. Люли исчезали время от времени...

Например, вот что рассказывал мой брат. Он проходил геологическую практику в Ленинградской области. Конечно, геологическую практику проходят в деревне. И, естественно, были разговоры с мужиками: как там, чего. И, про кого ни спросишь, отвечали: «Взят по линии НКВД». Люди ещё помнили эти старые формулировки. Там, правда, другое дело было. Там были *вепсы*⁶⁷ и, конечно, в них, во всех, подозревали финских шпионов, особенно если у них ещё были финские фамилии. Везде есть какие-то особенности. Брат мне рассказывал, что вепсы говорили и по-русски, и по-вепски, что

⁶⁵ *Ай Мин-чжи*. Летящие по ветру. / Пер. с кит. М. Софронова. М., 1959.

⁶⁶ Т.е., попал под репрессии случайно, из-за того, что общался с обвинёнными

⁶⁷ *Вепсы* (до 1917 именовались чудью). Малочисленный финно-угорский народ, живущий в Карелии, Ленинградской и Вологодской областях. Численность сокращается – около 6 тыс. чел. на 2012. Как и прочие финно-угорские народы Ленинградской области, почти поголовно пострадали от сталинских репрессий

по-русски они говорят охотно. А по-вепсски – только между собой... В общем, восприятие того времени очень сильно отличалось от восприятия хрущёвских и более поздних времён. Конечно, все прекрасно знали, что это кошмар. Но это кошмар, который есть часть нашей жизни. По себе я не могу сказать, что как-то стал больше чего-то бояться... Нет. Я вам рассказываю свои личные воспоминания, как я это помню.

Я тогда весь факультет хорошо знал. И вообще, в университете много народу всякого знал, потому что входил в Студенческое научное общество, которое устраивало всякие конференции. Мне приходилось и самому участвовать, и принимать участие в их организации, и разговаривать с организациями других факультетов. Поэтому, слыша фамилии многих ленинградцев моего поколения, я легко узнаю, что они с такого-то факультета. Кроме того, со мной училась куча народа из одного школьного класса. Они тоже поступали на разные факультеты, и потом мы с ними тоже встречались и разговаривали. Это как раз то, что называется студенческой жизнью. Сейчас она, как мне кажется, несколько иначе выглядит. Сейчас студенты более разобщённые, чем тогда. Кроме того, это был Ленинградский университет. По тем временам – университет провинциальный уже, небольшой и ,в общем-то, очень компактно расположенный. Всё рядом: тут юридический факультет, а перешёл через двор – вот тебе Восточный. Перешёл через улицу – вот тебе исторический, философский, экономический. Ещё чуть подальше – Библиотека Академии наук. Ещё чуть-чуть прошёл – Академия художеств, где тоже студенты... Знакомства там были, и довольно много. У меня лично не было, но из других студентов там даже кто-то женился. Понимаете, было совсем другое время, другое ощущение времени и другое ощущение пространства. На самом деле, теперь мы даём всему этому оценки уже с каких-то современных представлений. Но для человека того времени это звучит несколько необычно. В моём поколении – поколении людей, которые учились вместе со мной, в общем, было очень много советских идеалистов.

СД: При этом они знали, что сажают ни за что? Как они это сочетали?

МС: Да, я вспоминаю судьбу комсомольских активистов... Самый яркий пример – Володя Ядов⁶⁸. Наверное, вы слышали эту фамилию. Он, по существу, глава социологической школы в Питере, и в Москве его точно знают. В энциклопедии посмотрите: Владимир Ядов. Отчество никогда не знал. Что было? Он был, действительно, очень ортодоксальным комсомольцем. Уже прошёл как кандидат, и уже был действительным членом партии. Я в 1952 году уезжаю служить на Дальний Восток. Осенью 1952 года приезжаю в отпуск и, естественно, иду ко всем друзьям-приятелям. Спрашиваю, как дела у общих знакомых... «Слушай, – мне говорят, – ты знаешь, что случилось? Володьку исключили из партии!» За что? «За то, что он скрыл, что его отец принимал участие в оппозиции»... Я не знаю, знал ли это Володька, или нет. А если знал, то, может быть, искусно скрывал от партии. Думаю, что это результат разборок на философском факультете. Он, видимо, проявил там особую активность, и его постарались

---

⁶⁸ *Ядов Владимир Александрович* (1929 г.р.). Ведущий российский социолог, специалист в области социологии труда и экономической социологии, д.с.н(1968). Окончил философский факультет ЛГУ(1952). В конце 1950-х создал лабораторию социологических исследований при ЛГУ, которая впервые в СССР стала изучать трудовую мотивацию и ценностные ориентации. В середине 1960-х принял самое активное участие в создании НИИ комплексных социальных исследований (НИИКСИ) Ленинградского университета. В 1975 возглавил социологический отдел в Институте социально-экономических проблем (ИСЭП). Старший научн. сотр. в Ленинградском филиале Института истории естествознания и техники (с 1984). Директор Института социологии АН СССР/РАН (1988-2000). Руководитель Центра исследований социальных трансформаций ИС РАН (с 2000), декан факультета социологии Государственного университета гуманитарных наук

вышибить оттуда... – И где же он сейчас?.. – Ну, как же, пошёл работать! На Путиловском заводе работает в цеху!..

И потом я его встречаю в ФБОН (Фундаментальная библиотека общественных наук)⁶⁹. Вы этого не знаете – старый ФБОН помещался на улице, которая раньше называлась улицей Маркса-Энгельса, и которая сейчас называется Вагантовский переулок. В общем, вдруг я его встречаю там. «Привет-привет, как твои дела?» Он говорит: «Ты знаешь, меня реабилитировали!» Это была осень 1954 года. Как раз началась моя аспирантура в ИВАНе, и я всё время проводил либо в ФБОНе, либо в Ленинке. Это тоже всё – через дорогу перейти. Да, конечно, это был 1954 год. Его, видимо, реабилитировали сразу после смерти Сталина. Ещё не было никаких разоблачений, но уже тут же реабилитировали и, видимо, восстановили в партии. Спрашиваю, на какую тему он пишет. Естественно, мы обменялись темами: у меня будет тема «Отглагольное образование в среднекитайском языке». «Ой, – говорит Ядов, – это ты загнул! А у меня – более сложные задачи! Вообще, я хочу социологией заниматься, потому что это неисследованная область. Есть возможность для экспериментальных занятий, анкеты и все прочее... Буду заниматься вот этим»... Потом у нас было ещё несколько таких случайных встреч, в местах скопления (учёных). Я узнал, что Владимир очень быстро защитил диссертацию, потом быстро организовал кафедру, занял (высокие посты)... Последние мои сведения о нём – что он «профессор-консультант», и по болезни не может что-то такое начать делать. Но, будучи болен, всё-таки куда-то приехал и что-то там сделал. По существу, никаких таких рассуждений о зверствах сталинской диктатуры, которые прервали карьеру молодому ученому, с его стороны не было. Хотя, почему вот так? Почему бы на эту тему не побеседовать?

Было другое. Вот, насчёт евреев. В Большом комитете, в комитете комсомола Ленинградского университета, был такой Лёва Фридлянд, очень толковый парень с экономического факультета, который знал наизусть «Капитал». Он, конечно, вступил в партию, и всё у него было в порядке. Но, когда дело дошло до аспирантуры, его в аспирантуру не взяли. И тут, конечно, сыграло роль его «еврейство». Но он несколько не опечалился и уехал куда-то на Урал, где долго работал экономистом в системе сельского хозяйства. И уже оттуда присылал в журнал (по-моему, в журнал «Звезда») репортажи о сельском хозяйстве на Урале. Прошло время, и он, конечно, вернулся обратно. Но уже не в науку, а в журналистику, и стал писателем, пишущим на экономические темы. Последний раз я встретил его на похоронах Бориса Вахтина⁷⁰, где собрался весь университет того времени (1950-х годов). Я знал, что все придут туда, и тоже поехал хоронить Бориса. Это, конечно, было особое событие – он умер первым среди нашего поколения, не дожив до пятидесяти лет, и это было общее прощание. Все простились друг

---

⁶⁹ Основана в 1918 как Библиотека Социалистической Академии. С 1924 – Библиотека Коммунистической Академии, с 1936 – ФБОН АН СССР, ИНИОН АН СССР/РАН (с 1969)

⁷⁰ *Вахтин Борис Борисович* (1930-1981). Китаевед, писатель, переводчик, философ. Родился в Ростове-на-Дону, в семье журналиста, репрессированного в 1935. С 1947 жил в Ленинграде. Окончил китайское отделение Востфака ЛГУ(1954). Работал в ЛО ИВ АН СССР(с 1952). В 1962-1964 заведовал Дальневосточным кабинетом. Переводил китайскую и корейскую поэзию, член Союза писателей. С 1950-х писал прозу. В 1964 стал одним из создателей литературной группы «Горожане». Составленный ими сборник не был принят в печать и расхоронился в самиздате. Один из лидеров неформальной литературы Ленинграда. С 1977 рассказы Вахтина печатались эмигрантскими журналами. В 1979 участвовал в знаменитом бесцензурном альманахе «Метрополь». Писал социально-исторические и философские трактаты. Был близок к правозащитному движению. В 1964 выступал в поддержку Иосифа Бродского. Подпись Вахтина, удостоверяющая точность пересказа, стоит под записями Фриды Вигдоровой из зала суда над Бродским. В 1966 вёл записи во время процесса над А. Синявским и Ю. Даниэлем

с другом, потому что больше я многих так никогда и не увидел. Вот, собственно говоря, как складывались судьбы... Так вот, о Фридлянде. Естественно, позиция у него была критическая. Но он, что называется, не изменял присяге. А тогда то поколение как бы присягнуло Советской власти. Конечно, из них потом три четверти переприсягнули другим. Но четверть, видимо, всё-таки осталась. Их идеализм, конечно, испарился. Но присутствовало общее сознание того, что существует некая справедливость, которая, в конечном счёте, проявляется.

Мне непросто вспоминать всё это, поймите. Для меня это живые люди. Я помню вдову Вострикова⁷¹, Нину Павловну⁷², она работала в библиотеке. Как я теперь понимаю, совсем молодая ещё, красивая женщина. Помню, как говорили, что у неё муж «сидит», что он – великий учёный, который участвовал в религиозных диспутах с тибетскими монахами, что надо её беречь... Вообще, там в библиотеке работали удивительные женщины, которые любили книги, любили студентов. Сейчас этого как-то почти не стало...

СД: Какие ещё эпизоды университетской жизни Вам вспоминаются?

МС: Например, был такой очень интересный проект строительства малых гидроэлектростанций силами студенческих отрядов⁷³, и не только ленинградских. Помню, приехали студенты Тартуского университета, которые там появились в корпорантских фуражках. Тогда они действительно ещё ходили в корпорантских фуражках! Я помню, ребята были такие здоровенные мужики, да и девушки – тоже. В общем, по сравнению с нашими, странно это выглядело. Они все работали вместе с нашими. Но они как-то один раз съездили, а потом не стали. И уже на Медведковской было всё более организовано. Но на Михалёвской, там, что называлось, завязалась университетская, межфакультетская

---

⁷¹ *Востриков Андрей Иванович* (1904-1937). Тибетолог, индолог. Родился в с. Агаревка Саратовской обл. в семье священника. Окончил общественно-педагогическое отделение Петроградского университета (1924), с 1926 – в аспирантуре Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока им. А.Н. Веселовского при ЛГУ. Сотрудник Азиатского музея и ИВВ АН СССР (1924-1937), Института буддийской культуры (1928-1930), преподаватель ЛГУ (с 1929). Учился у Ф.И. Щербатского и Б.Я. Владимирцова. В 1928-1932 пять раз был в экспедициях в Агинском дацане, в совершенстве овладел тибетским языком, привёз в Ленинград огромную коллекцию рукописей и ксилографов. Арестован, обвинен в организации антисоветской группы, расстрелян в Москве

⁷² *Ярославцева-Вострикова Нина Павловна* (1902-1988). Родилась в Санкт-Петербурге, в семье конторщика. Окончила Государственное академическое театральное училище (1924), артистка Михайловского театра и Театра комедии (1922-1926). В 1927 поступила на тибетское отделение факультета Языка и материальной культуры ЛГУ. С 1931 – сотрудник ИВ АН СССР, занималась обработкой тибетского фонда. После ареста мужа уволена, 25.03.1938 арестована как жена «врага народа», осуждена на 5 лет ИТЛ, была в лагере в Потьме. Вернулась в начале 1950-х, работала в библиотеке Востфака ЛГУ

⁷³ В 1948-1962 в Ленинградской области построено более 200 малых гидроэлектростанций, которые должны были обеспечивать потребности небольших колхозов Северо-запада. Абсолютное большинство их было заброшено к 1980-м – в регионе была построена АЭС, колхозы укрупнены, и малые станции стали не нужны. К тому же на большинстве этих станций стояло оборудование, полученное по репарациям из Германии и Австрии, которое потом не обновлялось. С 1949 десять таких малых ГЭС были построены силами добровольческих стройотрядов студентов ЛГУ. В тексте упомянуты Медведковская ГЭС (на р. Лидь в Бокситогорском (Ефимовском) районе ЛО). Была сдана в эксплуатацию в 1950, проектная мощ. 168 кВт; Михалёвская (на р. Тихвинка, тот же район) сдана в эксплуатацию в 1953, мощ. – 176 кВт. Ныне обе заброшены

компания. Туда поехали такие ребята, как: Лёвка Цуцульковский⁷⁴, который в дальнейшем стал режиссером Ленинградского телевидения; Игорь Каракоз⁷⁵, который сделался директором всех его картин; Саша Грюнберг⁷⁶, который в дальнейшем стал очень известным иранистом, и ещё целая куча людей. Ну и, естественно, девочки, которые при них состояли, на которых женились, потом разводились... В частности, на это строительство не попал Вахтин. Но он попал на Медведковскую ГЭС и на следующую ещё. И, поскольку Вахтин был человеком очень общительным и весёлым, то он тут же влился в эту компанию. Я был тоже человеком заметным, потому что состоял в бригаде механиков. Там был такой «локомобиль» для распила досок, и мы следили за тем, чтобы он работал, чтобы смазка была. Постоянно какие-то стекляшки бились, мы обрезали бутылки и вновь заменяли разбившееся стекло. Короче говоря, такая была работа. И был там один парень, по фамилии Шубик, с юридического факультета. Он был техником-лейтенантом и собрал «молот-бабу», такой двухтактный молот, который забивает сваю. Я-то, конечно, никогда бы не разобрался в этом. Но он моментально разобрался в чертежах, и они всё собрали, при мне всё это сделали. Мы находились тоже в центре внимания, все нас знали. В общем, такая межфакультетская компания сформировалась. И душой её, конечно, вначале был Цуцульковский. Вообще, к тому времени его уже отчислили с Востфака. Но поскольку он был душой общества, и его все знали. Например, идёт университетское профсоюзное собрание. Все сидят с мандатами, выбирают состав университетского профкома – такой-то, такой-то. И вот: «От лица строителей выдвигают Цуцульковского». Ну, естественно, кто лучше Цуцульковского участвует в самодеятельности, и тому подобное? Всем всё понятно. Там выступают люди, говорят: «Но Цуцульковский же отчислен!» – «Ничего подобного, – отвечают им, – это неважно!» Собрание бушует час, страсти кипят! В конце концов, как-то успокоились, сказали: Ну ладно, Бог с ним! Только его нужно восстановить». Правда, он сам уже, по-моему, на это плюнул и поступил в другой вуз. Я точно не знаю куда, видимо, в Институт театра и кино⁷⁷, был такой на Невском.

---

⁷⁴ *Цуцульковский Лев Израилевич* (1926 г.р.), режиссёр. Родился в Москве, учился в ВИИЯ (1944-1945), на филологическом факультете ЛГУ (1946-1950), окончил режиссерский факультет Ленинградского театрального института им. А.Н. Островского (1958). Служил режиссёром в Ленинградском театре комедии (1961-1969), с 1970 работал на студии «Лентелефильм». Ставил телеспектакли, снимал документальные и игровые фильмы (более 30 работ). Преподаёт в Санкт-Петербургском государственном университете кино и телевидения (Ленинградский институт киноинженеров)

⁷⁵ *Каракоз Игорь Борисович* (1929-2012), кинематографист, журналист. Родился в Севастополе, окончил исторический факультет ЛГУ (1952), работал экскурсоводом и учителем истории. С 1958 – редактор документальных фильмов на Ленинградской студии телевидения, с 1967 – на Ленфильме (директор Второго творческого объединения, затем – первый заместитель директора киностудии). Директор нескольких картин. Возглавлял ленинградское представительство «Московских новостей», затем – петербургское представительство «Общей газеты». Преподавал

⁷⁶ *Грюнберг-Цветинович Александр Леонович* (1930-1995), лингвист, иранист, афганист. Д.филол.н.(1973), профессор Востфака ЛГУ. Родился в Ленинграде. Окончил Востфак ЛГУ (1952). Сотрудник ЛО Института языкознания АН СССР (с 1957). Исследовал индоиранские языки и диалекты Азербайджана, Туркмении, Афганистана, участник многих научных экспедиций. Служил переводчиком геологических экспедиций Министерства горных дел и промышленности Афганистана (1963-1968). С 1987 создал проекты письменности для ряда бесписьменных языков Афганистана

⁷⁷ Тогда назывался Ленинградским театральным институтом, с 1962 – Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, с 1993 – Санкт-

В общем, он занялся сначала фотографиями, и я о его судьбе знал только от Каракоза, с которым я учился на одном курсе, и мы общались по разным делам. Каракоз, конечно, никакого интереса к наукам не имел. Но он был, что называется, человеком «по жизни». Всегда готов был выпить, закусить, организовать какое-то мероприятие. Однажды он даже выступал с номером «Аптекарь»: вначале что-то мешает, потом пожует, роняет, теряет, подбирает... В общем, это был такой, прямо сказать, не очень высокого уровня номер. Но я (этот номер) как сейчас помню. Тогда же, всё равно, самодеятельность была интересна народу. Все мы с удовольствием присутствовали на тех концертах самодеятельности. В Москве, кажется, было немножко по-другому. Когда в 1950 году я жил две недели на Стромынке⁷⁸, там была не столько самодеятельность, сколько приглашенные артисты. Конечно, у каждого университета своя специфика, потому что МГУ был уже тогда огромен, а Ленинградский университет, строго говоря, был очень компактным, от дореволюционного стандарта практически не отличался. По существу, там (руководил) Вознесенский⁷⁹. Пока его не посадили, он старался восстановить дореволюционную структуру. Поэтому он на все факультеты рассаживал стариков, и было видно, что он хотел вернуться к традиционной структуре. На что ему, видимо, и в соответствующих заявлениях от его конкурентов, и было указано. Но я ещё застал тот момент, потому что они все «загremели» (в лагеря и тюрьмы) где-то в начале 1949 года. Я успел за 1947-1948 год всё это ещё застать и почувствовать, этот дух ещё витал...

СД: Каково Ваше мнение о довоенном советском китаеведении?

МС: Если говорить всерьёз, по своей идейной значимости наши 1920-1930 годы в китаеведении были нисколько не ниже китайских, я не говорю о мировых. Потому что, на самом деле, были связанные фигуры: Драгунов и Чжао Юань-жэнь. Это люди, которые очень много сделали для того, чтобы привести китаеведение к современному виду, и у них была некая общность мышления. Более того, они даже слегка конкурировали. Во всяком случае, Чжао Юань-жэнь немножко знал русский язык, потому что его предисловие к «Любовным песням Далай-ламы»⁸⁰ написано по-русски. Правда, видимо, без литературной правки, поэтому там не очень понятно. Может быть, писал не он. Но, во всяком случае, он следил за всем этим делом, и у них (с Драгуновым) открытия шли, не побоюсь этого слова – параллельно. Во-первых, Поливанов⁸¹, он не стеснялся никогда, он

Петербургская государственная академия театрального искусства. Находится на ул. Моховой, д. 34, несколько ближе к Литейному, чем к Невскому

⁷⁸ На ул. Стромынка, д., 32, в к. 1940-х – нач. 1950-х находилось студенческое общежитие МГУ

⁷⁹ *Вознесенский Александр Алексеевич* (1898-1950), экономист. В 1917 поступил в Петроградский историко-филологический институт. В 1921 перешёл на факультет общественных наук университета, окончил его в 1923. Преподавал. В 1940 в ЛГУ был создан политико-экономический факультет, деканом которого стал Вознесенский. Был ректором ЛГУ (1941-1947). Весной 1942 организовал эвакуацию ЛГУ в Саратов, где также исполнял обязанности ректора СГУ. В 1948 назначен министром просвещения РСФСР. Арестован в 1949 в рамках «ленинградского дела». Расстрелян в 1950

⁸⁰ Имеется в виду книга *Yu Dawchuan. Love-songs of the Sixth Dalai Lama Tshangs-dbyangs-rgya-mtsho. (Chinese and English translations, text, notes). Academia Sinica, Peiping, 1930.* Тибетский текст был транскрибирован Чжао Юань-жэнем

⁸¹ *Поливанов Евгений Дмитриевич* (1891-1938), японист, тюрколог, один из крупнейших лингвистов XX в. Окончил Практическую восточную академию по японскому разряду (1911), историко-филологический факультет Петербургского университета (1912), учился у И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы. В 1914, 1915, 1916 ездил в Японию, изучал разные диалекты японского языка, прежде всего фонетику. Приват-доцент кафедры японского языка Востфака (1915), приглашён деканом факультета Н.Я Марром (см. ниже).

как считал нужным, так всё и называл. И он открыл это, и назвал морфемой. И теория Чжао Юань-жэня относительно того, что в китайском языке нет лингвистической единицы, которая бы соответствовала слову в индоевропейских языках... По существу, Драгунов не решался этого сказать. Но у Поливанова фактически тоже никаких «китайских слов» тоже нет. И в этом смысле, конечно, пара – Драгунов плюс Поливанов, а также Чжао на другом конце мира – это связанные фигуры, которые с разных сторон занимались одной и той же проблемой. Они разбирали, что называется, самую основу китайского языка

СД: А в Европе тогда кто-нибудь всерьёз занимался китайской лингвистикой?

МС: В Европе тогда ещё не кончился XIX век, потому что европейские китаисты были в основном культуроведами. А такой действительно чистый лингвист как Карлгрен, в общем-то, не интересовался современным языком. В книге, которую он писал все 1940-е годы, а издал в 1949 году, и которая так и называется «Китайский язык»⁸², по существу, говорилось только о древнекитайском языке. Естественно, никаких там частей речи, членов предложения нет. И сказано, что для того, чтобы понять китайский язык, нужно читать, читать, читать, читать. И тот, кто вчитался в текст – тот знает китайский язык, а кто не вчитался – тот не знает. Это идеи, мягко говоря, китаеведения XIX века. Потому что Гумбольдт⁸³ прямо сказал, что односложное китайское слово – тогда морфем ещё не знали – имеет внутреннюю форму. Что дух китайского языка сосредоточен во внутренней

В 1914 вошёл в число основателей ОПОЯЗа (Общество изучения поэтического языка или Общество изучения теории поэтического языка) – объединения филологов и лингвистов т.н. «формальной школы». В 1917 примкнул к левым меньшевикам, возглавил отдел печати МИД Временного правительства. В ходе Октябрьской революции перешёл к большевикам и с ноября 1917 был одним из двух заместителей наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого. В 1918 из-за конфликта с Троцким покинул НКВД, вернулся к науке и преподаванию. С 1919 – профессор. В 1921 переехал в Москву, работал зам. начальника Дальневосточного отдела Коминтерна, заведовал восточным сектором в КУТВе. В 1921 послан Коминтерном в Ташкент для работы в законспирированном отделе по линии Синьцзяна и дунган. Служил профессором Среднеазиатского университета и замом председателя Государственного учёного совета Турккеспублики. Занимался проблемами тюркских языков, в т.ч. их латинизацией. Читал лекции в Москве, Владивостоке. В 1926 вернулся в Москву. В 1929 выступил с критикой «нового учения о языке» Марра, после чего подвергся травле. Был вынужден уехать в Самарканд (с 1931 – в Ташкент). После 1930 не мог публиковать свои работы в Москве и Ленинграде. С 1934 жил в г. Фрунзе (Бишкек), был профессором в Киргизском институте культурного строительства, изучал дунганский язык и переводил киргизский эпос «Манас». В 1937 арестован, вывезен в Москву. В 1938 осужден как «японский шпион» и расстрелян на полигоне «Коммунарка»

⁸² *Karlgren B. The Chinese Language: An Essay on Its Nature and History. New York, 1949*

⁸³ *Гумбольдт, Вильгельм фон (Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt, 1767-1835). Немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Один из основоположников лингвистики, как науки. Основатель Берлинского университета и т.н. прусской системы образования, воспринятой и в России. Родился в Потсдаме. Учил право, политику и историю во Франкфуртском (на Одере) и Геттингенском университетах. Переписывался с Шиллером, Гёте. В 1802-1819 был одним из ведущих прусских дипломатов, представлял Пруссию на большинстве конгрессов, сформировавших пост-наполеоновскую Германию. Министр образования Пруссии. Один из первых исследователей баскского языка. Первым высказал убеждение, что язык – это система, организованная по чётким правилам, а не просто набор слов. Был убеждён, что особенности языка зависят от степени развития и культурных особенностей его носителей. Заложил основы нескольких направлений в современной лингвистике*

форме слова. И этот дух может реализоваться, то есть, как бы превращаться в некий грамматический феномен.

СД: Это такое лингвистическое кантианство, я бы сказал.

МС: Ну, это всё-таки гумбольдтианство, потому что, честно сказать, в своём роде Гумбольдт несколько хуже Канта. Конечно, они в разных сферах работали. Но по уровню понимания сути дела Гумбольдт, действительно, не устарел до сих пор. И фон дер Габеленц⁸⁴ целиком был его учеником в этом смысле. Конечно, скорее всего, не прямым – они нигде не пересеклись по жизни. Но когда он, допустим, говорил об основном и производном значении слова – это, по существу, и есть дух и его реализация, его обращение в некий лингвистический феномен. И у Драгунова – то же самое, везде говорится об основном и производном значении морфемы. Т.е., по существу, речь идёт только о том, что первоначально точное, современное понимание грамматики китайского языка, конечно, было сразу же уловлено Гумбольдтом, который сумел это всё перевести на язык западноевропейской философии, и вообще, (вписал в) западноевропейское мышление. Потому что на самом деле этого мышления у современных китайских лингвистов, которые выучились в США и ведут бесконечные рассуждения о семантике и о всём прочем – всё равно, понимания вот этого у них нет до сих пор. Это серьёзная вещь, которую у нас как-то недооценивают. И вот эта линия, идущая от Гумбольдта к Габеленцу, и далее – к Поливанову... Поливанов был японистом, поэтому Габеленца мог и не читать. Но зато он знал немецкую романтическую философию. Как русскому интеллигенту начала XX века ему всё это было хорошо известно, эти вещи они хорошо знали. Конечно, Поливанов ни Гумбольдта, ни Габеленца нигде не цитировал. Но их идеи ему были не чужды, и он их, можно сказать, тоже воплотил. А Драгунов очень внимательно прочел Габеленца, у него и ссылки везде были на него... Дело в том ещё, что он всё писал в 1930-е годы, когда все эти морфемы и всякие такие вещи не приветствовались. И вообще, лингвистика занималась не тем. Я вот тут, благодаря случайным обстоятельствам, взял книжку Климова⁸⁵ (Вы не знаете, конечно, этого

---

⁸⁴ *Габеленц, Ганс Георг Конон фон дер (Hans Georg Conon von der Gabelentz, 1840-1893)*, лингвист, китаевед. Ещё в гимназии самостоятельно освоил голландский, итальянский и китайский языки. В 1860-1864 изучал право, государственное управление и лингвистику в Йене, с 1864 – на госслужбе в Саксонии, продолжил изучение восточных языков в Лейпциге. В 1876 получил степень доктора за перевод трактата Чжоу Дуньи 周敦頤 (1017-1073) *Тайцзи-ту шо 太極圖說* («Объяснение плана Великого предела»). В 1878 занял специально созданную для него профессорскую кафедру дальневосточных языков в Лейпциге – первую подобную кафедру в Германии. Среди его учеников были такие крупнейшие синологи как Вильгельм Грубе, Йохан де Гроот и др. С 1889 – профессор Берлинского университета. Автор многих работ о китайском языке, философии, литературе, индокитайских языках. Полагал, что из современных диалектов китайского языка лучше всего отражает его суть нанкинский диалект, и именно его призывал взять за основу единого китайского разговорного языка. Пекинский диалект он считал слишком испорченным и фонетически бедным. Его главный труд – многократно переизданная грамматика китайского языка (*Georg von der Gabelentz. Chinesische Grammatik: mit Ausschluss des niederen Stiles und der heutigen Umgangssprache. Leipzig, 1881*), которая считается одним из лучших аналитических обзоров классического китайского языка

⁸⁵ *Климов Георгий Андреевич (1928-1997)*, лингвист, кавказовед. Д.филол.н. (1965), профессор (1988). Родился в Ленинграде, в 1946 поступил на кавказское отделение Востфака ЛГУ. Позднее кафедра была переведена на Филологический факультет, который он окончил в 1952. С 1954 – сотрудник сектора кавказских языков Института языкознания АН СССР, затем – сектора общего языкознания. Ответственный секретарь журнала «Вопросы языкознания» (1971). Завотделом кавказских языков (1975)

Климова). Она называется «Типология языков активного строя»⁸⁶, а смысл её заключается в том, что существовал некий период развития языков, когда деление имён существительных на мужской, женский, средний род выглядело по-другому. И, по существу, людей интересовало другое: живой и мёртвый, или движущийся – не движущийся. Что, собственно говоря, это была чисто прагматическая классификация. Когда они называли предмет, они одновременно хотели сказать, кто это, живое или не живое, лицо или предмет. Конечно, дальше пошло: мужской – женский и более сложные системы классификации. А Климов сказал, что есть какая-то первоначальная система, когда существуют имена активные и неактивные. Это, конечно, чистейшая реконструкция. Но, на самом деле, это всё подтверждается очень экзотическими языками типа индейских языков, и то не всех.

СД: Но в русском же это есть частично? С нашими одушевленными и неодушевленными предметами?

МС: Ну да, конечно. На самом деле, Климов там и говорит, что это всё какие-то остатки наследия активного строя. Допустим, в грузинском языке, в кавказских языках – то же самое. У них же там нет родов. Но очень чётко различается движущийся предмет и недвижущийся...

Смысл заключался в том, что в 1920-е-1930-е годы, когда Марр⁸⁷ провозгласил новое учение о языке, лингвистика выглядела как «палеонтология речи». Потому что всех интересовала связь языка с мышлением, развитие. Как это всё развивается, как язык первобытного общества превращается в язык рабовладельческого, затем феодального и капиталистического общества. И что будет, когда наступит коммунизм – все языки сольются, и все будут говорить на эсперанто. Как раз вопрос общей теории и стадильности развития языка очень много рассматривался в СССР. И все наши крупные лингвисты того времени – Гухман⁸⁸, Чемоданов⁸⁹, потом ещё целый ряд людей, в т.ч.

---

⁸⁶ Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977

⁸⁷ Марр Николай Яковлевич (1864-1934). Востоковед, филолог, лингвист. Профессор (1902). С 1909 – адъюнкт по Историко-филологическому отделению АН, академик (1912). Директор Публичной библиотеки (с 1924). Вице-президент АН СССР (с 1930). Окончил Востфак Санкт-Петербургского университета, изучив все преподававшиеся на нём языки (1888). В 1923 выдвинул т.н. «новое учение о языке» («яфетическую теорию»), предложив новую концепцию формирования языков, резко противоречившую положениям современной лингвистики. В целом, эта теория не опиралась на научные аргументы или методологию, но авторитет Марра, смелость и своевременность выдвижения теории обеспечили ей поддержку властей. В 1921 создал в Петрограде Яфетический институт, позднее – Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра (ныне Институт лингвистических исследований РАН и Институт языкознания РАН). После смерти Марра его теория была единственной официально признаваемой, но большинство его учеников лишь маскировало марровской терминологией свои вполне научные исследования. В 1950 Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» развенчал теорию Марра, его имя было предано забвению. После 1956 был признан ряд его объективных заслуг. Но, в целом, деятельность Марра нанесла немалый вред российскому языкознанию

⁸⁸ Гухман Мирра Моисеевна (1904-1989). Лингвист, германист. Профессор (1940). Окончила историко-филологический факультет Азербайджанского госуниверситета (1925). С 1936 преподавала в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков, после 1945 – в ВИИЯ. Специалист в области общего и германского языкознания, теории грамматики, исторической типологии и теории литературного языка

⁸⁹ Чемоданов Николай Сергеевич (1903-1986). Лингвист, германист, историк науки. Профессор (1940), д.филол.н. (1971). Окончил филологический факультет МГУ (1930). В 1933-1941 преподавал в I Московском государственном институте иностранных языков и

Быховская⁹⁰ в Ленинграде, – они все занимались либо индейскими языками, либо языками арунта⁹¹ в Австралии, где всё это проявлялось в такой яркой форме. Потом, конечно, присоединяли кавказские языки, селькупские⁹², и всё прочее. И, конечно, Мещанинов⁹³ уже занимался другими вещами. Его интересовал конкретный синтаксис, и он уже занимался синтаксисом наших северных народов. Естественно, всё это происходило в терминах XIX века: морфемы – это были суффиксы и префиксы. А все значимые единицы называли «словами». Научный аппарат «нового учения о языке», прямо скажу, был

в МИФЛИ (завкафедрой общего языкознания). В 1941-1942 – профессор Свердловского университета, в 1942 вернулся в МГУ. Заведовал кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, кафедрой германской филологии. Декан филфака МГУ (1949-1950). Одновременно с преподаванием работал во Всесоюзном комитете по делам высшей школы при Совете Министров СССР – Министерстве высшего образования (в 1943-1948). Возглавлял научно-методический совет Минвуза СССР по иностранным языкам (с 1963)

⁹⁰ *Быховская Софья Львовна* (Сарра Абрамовна) (1887-1942). Лингвист, кавказовед. Окончила Ленинградский университет (1921). С 1920 – сотрудник Публичной библиотеки. Одновременно в 1920-1926 – сотрудник НИИ сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ). Исследовала финикийское влияние на древнюю Грецию. С конца 1922 – стала ученицей Н.Я. Марра. С 1927 – внештатный, с 1930 – штатный сотрудник Яфетического института (Институт языка и мышления АН СССР). Ездил в научные экспедиции на Кавказ (Грузия, Дагестан). Преподавала в Историко-лингвистическом институте, ИФЛИ, ЛГУ, работала в Институте народов СССР и Институте национальностей им. Нариманова (Москва). Завотделом литератур на языках народов СССР Публичной библиотеки (1930-1934). С февраля 1934 и.о. учёного секретаря Института языка и мышления. Погибла во время эвакуации из блокадного Ленинграда

⁹¹ Также аранда, аррернте, аррарнта – одно из аборигенных племен Центральной Австралии. Говорят на полудюжине родственных диалектов, имеют очень развитый язык жестов. Современная численность носителей языка – чуть менее трёх тысяч человек

⁹² *Селькупский язык* (до 1930 именовался остяко-самоедским). Принадлежит к самодийской группе уральской семьи. Распространён на северо-востоке и востоке Западной Сибири, делится на 4 основных диалекта. Число носителей – около 1 тыс. чел.

⁹³ *Мещанинов Иван Иванович* (1883-1967). Лингвист, археолог. Профессор Института живых восточных языков (1930). Академик АН СССР (1932). Секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (с 1934). Директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (1933-1937). Окончил юрфак Петербургского университета (1907). В 1910 окончил Санкт-Петербургский археологический институт, вёл раскопки на Кавказе и в Причерноморье. В 1910-1923 заведовал историческим архивом Археологического института, работал в петербургских музеях. Увлёкся лингвистикой, стал одним из учеников Н.Я. Марра. После смерти Н.Я. Марра, в 1935-1950 – директор Института мышления и языка АН СССР, был главой официальной советской лингвистики. Не имел специального лингвистического и исторического образования. Основные труды написал уже будучи академиком. Внёс существенный вклад в изучение синтаксиса, типологии, в дешифровку урартского языка. В отличие от Марра и многих его адептов, никогда не использовал в научной полемике политические выпады. С 1940-х отверг абсолютное большинство идей Марра. В 1948-1949 подвергался критике со стороны ортодоксальных марристов. После разгрома марризма в 1950 лишился поста директора института и секретаря Отделения АН СССР, но продолжал работать и не был лишён ни звания академика, ни госнаград (в работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», ставшей приговором марризму, честность Мещанинова как учёного была специально отмечена «верховным» языковедом)

аппаратом XIX века. По правде говоря, Бодуэн⁹⁴ является одним из создателей современного языкознания. Они работали одновременно с Соссюром⁹⁵ и пришли к примерно одним и тем же результатам. Другое дело, что, как человек более строгого мышления, Соссюр сумел сформулировать это более жестко. И, естественно, это было подхвачено всеми.

Но надо учитывать, что в то время Бодуэн на лекциях по языкознанию на Высших женских курсах рисовал на доске: «свинья простая», «свинья понурая» и «свинья торжествующая» (намекая на руководство России, которое ему очень сильно в то время не нравилось). Потом, правда, оно сменилось на, так сказать, «более совершенное». И, естественно, в этих условиях ему было не до формулирования общей теории. Я в своё время прочитал статью о том, что Соссюр подцепил идеи Бодуэна относительно прежде всего системности и фонем. Потому что, конечно, у Бодуэна было чёткое представление о фонеме – что это не есть звук, а есть некая абстракция, как он говорил: «конструкт». И он это публиковал в «*Indogermanische Forschungen*»⁹⁶, и Соссюр мог это прочесть. Бодуэн это опубликовал не то в 1909, не то в 1910 году А курсы Соссюра начались с 1907 года, поэтому эту идею он мог подхватить. Знаете, это уже вещи, которые не поддаются никакому рациональному учету. Но я просто хотел сказать, что, на самом деле, это были сходные фигуры. Очень часто забывают, что в разных странах, иногда на разных континентах, появляются люди, которые приходят к одной и той же мысли. На самом деле системные идеи Соссюра... когда о них в 1916 году сделали доклад, все выслушали, но сказали: «Извините, но мы это знаем». Это есть во всех учебниках по языкознанию. Тогда ещё была война, и шёл очень активный русско-французский диалог, потому что французы всё приезжали и спрашивали: «Нельзя ли солдатиков во Францию прислать, а то у нас *roilus*⁹⁷ не справляются». И поэтому, естественно, о последних достижениях французской лингвистики был сделан доклад. Я, честно говоря, не знаю, кто это делал, потому что я только под старость заинтересовался историей науки. И то, не чтобы её исследовать, а чтобы узнать, что там было... Так вот, общая реакция зала была такова: а что тут нового?

---

⁹⁴ Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (Ян Нецислав Игнаций Бодуэн де Куртенэ, *Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay*, 1845-1929). Лингвист, один из создателей современного языкознания. Профессор (1875), член Польской академии наук (1887), членкор АН (1897). Родился под Варшавой. Преподавал в Казанском (1874-1883), Юрьевском (Дерптском) (1883-1893), Ягеллонском (1893-1899), Санкт-Петербургском (1900-1918), Варшавском (после 1918) университетах, на Высших женских курсах. В 1918 жил в Польше, боролся за права нацменьшинств. В 1922 выдвигался кандидатом в президенты Польши. Один из пионеров типологического, сопоставительного изучения языков. Автор теории фонем и фонетических чередований, основоположник фонологии и экспериментальной фонетики. Одним из первых стал использовать математические методы в лингвистических исследованиях

⁹⁵ Соссюр, Фердинанд де (*Ferdinand de Saussure*, 1857-1913). Лингвист, специалист по индоевропейским языкам, основатель семиологии и структурной лингвистики, стоял у истоков Женевской лингвистической школы. Учился в Женеве, Лейпциге, Берлине и Париже. Защитил диссертацию в Лейпциге (1879). Преподавал в парижской Высшей школе практических исследований (1880-1891), профессор Женевского университета (1891). Основная работа – «Курс общей лингвистики», издана посмертно по материалам лекционного курса, прочитанного в 1907-1911

⁹⁶ Журнал «*Indogermanische Forschungen*». Основан в 1892 как ведущий журнал, посвященный лингвистике. Видимо, имеется в виду следующая публикация: *Baudouin de Courtenay J. Zur «Sonanten» Frage // Indogermanische Forschungen. Straßburg, 1909. Bd. XXV. S. 77-85*

⁹⁷ Жаргонное название французских солдат в Первую мировую, буквально «лохматые, шерстистые»

И дальше это всё попало в руки Марра, который был категорически против. Он был настоящим этимологом, ничего интересного там не было...

В общем, платили только за такое, так что публика сразу занялась палеонтологией речи. Помню (я это застал), нам показывали в фонетической лаборатории фильм о кинетической речи. Фильм информировал о том, как индейцы Северной Америки разговаривают друг с другом жестами. В частности, там был кусок из американского фильма, где один индеец выпивает в баре. В это время входит другой индеец, и первый на обводит ему груди такой кружок – это шерифская звезда. Значит, здесь поблизости находится шериф. Я запомнил этот кадр, но там было ещё много всего, про глухонемых... Это был большой научно-популярный фильм. Все его сейчас, наверно, забыли. Но поскольку я тогда был совсем юн, мне было лет 19, и я запоминал всё подряд, фильм этот я тоже, естественно, запомнил. По-моему, его нам демонстрировал Холодович. Но почему-то демонстрировал не в лекционном зале – там был такой большой актёрский зал на филфаке. Вот в этом зале, на втором этаже здания Востфака, Холодович читал нам общее языкознание. Но почему-то смотреть кино мы пошли в другой зал. Думаю, потому что кинооборудование у них было в фонетической лаборатории, во дворе. Предполагалось, что поскольку нам преподают новое учение о языке, мы должны знать, в частности, о кинетическом языке, как разновидности речи.

СД: В то время это была ещё основная теория, т.е. ещё не развенчали Марра?

МС: Марра развенчали в 1950-м году. В 1949 году я прослушал Новое учение о языке Холодовича, который читал его первый раз после Мещанинова. Потому что студентам на курс старше меня ещё Мещанинов читал. Была такая традиция, что на Восточном факультете Мещанинов лично читал «Новое учение» о языке. Но, видимо, что-то произошло и в 1949 году, и с 1 сентября 1949 года этот курс читал Холодович. По правде говоря, я прослушал всё это дело. Но, видимо, я был слишком большой рационалист, хотя и попытался понять все эти сложности... Он там приводил японский пример. Как сейчас его помню: *каминари-ва ковай* 雷わ怖い. «Каминари» – это «гром», а «ковай» – это «бояться и устрашать». Это, говорит, такое состояние языка, когда человек говорит, и его можно понять в двух смыслах: что «я боюсь грома» и, допустим, «гром опасен». В дальнейшем это всё превратилось в его теорию глагольных диатез. Потому что, видимо, тогда он только начал всё это разбирать – что существуют диатезы действительные, страдательные и аккумулятивные. И поэтому действительно «пугать» и «бояться» – это одно и то же. Только одно «пугать» это каузатив, а «бояться» – это интранзитив.

СД: У М.В. Крюкова это есть, в учебнике древнекитайского языка. Каузативное значение предиката

МС: В принципе это действительно тот круг значений, которые принимает глагольная морфема и в японском языке, и в древнекитайском. Но «новое учение» о языке давало этому характеристику стадиальности. Что есть такая стадия языка, когда одно и то же слово имеет и такое, и этакое значение. Что это стадия, а в дальнейшем она преодолевается, и всё такое. В дальнейшем у Холодовича это превратилось в теорию диатез. Извините, я, кажется, очень далеко ушёл.

СД: Нет-нет, как раз очень интересно! Потому что у нас в других интервью всё больше истории, и там своя кухня. А лингвистов нет. Так что всё это очень важно для нас!

МС: Ну, вот так это всё выглядело. Так что, с Драгуновым у нас завершилась очень важная эпоха, которая была, что называется, на мировом уровне.

СД: Чем можно объяснить, что это новое в изучении китайского языка было у нас и в Китае, а в Европе не было. Из-за революций?

МС: Просто лингвистика – консервативная наука. Поймите, наука – это прежде всего люди. Кто (и как) занимается наукой, так наука и выглядит. Если наукой начинают заниматься сравнительно молодые люди, которые не вполне удовлетворены нынешним состоянием дел, и они знают о своём предмете немножко больше того, что написано в учебниках... А ведь учебники писали всё-таки не лингвисты, а культуроведы. По существу, из серьезных лингвистов в китаистике был Габеленц, потом там был Куран⁹⁸. В Германии был Арендт⁹⁹. Но Арендт тоже был скорее культуроведом, хоть и с уклоном в лингвистику. Короче говоря, это была ещё наука, тяготеющая по методам к XIX веку. По существу, современной наукой было, конечно, сосюррианство 1920-х годов. В Ленинграде Щерба¹⁰⁰ готовил людей у себя в семинаре, и Драгунов был как раз одним из них. Драгунов, его жена Екатерина Николаевна, и ещё несколько человек, которые потом рассеялись по пединститутам и оказались – кто где. Кто как мог устроился по общему языкознанию. Фамилий я их не помню, хотя Екатерина Николаевна мне много раз об этом говорила. Понимаете, в чём дело, у меня уже были интересы немножко другие. Конечно, если бы сейчас мне бы удалось с ней поговорить, я бы знал, какие вопросы нужно задавать. А тогда я, что называется, был «гол как сокол» – аспирант, один как перст, здесь, в Москве. Вначале живу по квартирам, потом в общежитии. У меня проблем было более чем достаточно. И хотя, конечно, не могу сказать, что я был полностью равнодушен к истории науки, но – своих дел хватало... Школа эта была. Драгунов, по счастью, в этом

---

⁹⁸ *Куран, Морис* (Maurice Auguste Louis Marie Courant, 1865-1935). Лингвист, кореевед, китаист, японист. Родился в Париже, закончил юридический факультет Сорбонны (1886) и Национальную школу живых восточных языков (École nationale des langues orientales vivantes), где учился вместе с Шаванном (1889). С 1889 стажировался при французском посольстве в Пекине, с 1890 – переводчик при посольстве. Затем работал во французских посольствах в Корее и Японии. С 1895 преподавал на филологическом факультете Лионского университета. Защитил докторскую диссертацию (1913). С 1921 – секретарь Франко-китайского института в Лионе (Institut franco-chinois de Lyon), одним из основателей которого он был. Один из основателей французского корееведения

⁹⁹ *Арендт, Карл* (Carl Arendt) (1838-1902). Лингвист, китаист. В 1856-1859 изучал языкознание в берлинском университете Фридриха-Вильгельма. В 1865-1887 работал переводчиком в немецком посольстве в Пекине, дважды, в 1866 и в 1869-1873, исполнял обязанности руководителя консульства в Тяньцзине. С 1887 – преподаватель китайского языка в Семинаре восточных языков (Seminar für Orientalische Sprachen) – основанном в 1887 первом в Германии специальном востоковедном учебном заведении при университете Фридриха-Вильгельма. Внёс большой вклад в изучение китайского разговорного языка (прежде всего северных диалектов), китайской грамматики

¹⁰⁰ *Щерба Лев Владимирович* (1880-1944). Языковед, один из создателей современной лингвистики. В 1898 поступил на естественный факультет Киевского университета. В 1899 переехал в Петербург, перевелся на историко-филологический факультет Петербургского университета, который окончил в 1903. Ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ. В 1906-1908 изучал новейшие тенденции в языкознании в Лейпциге, Париже и Праге, занимался тосканскими и лужицанскими диалектами. Приват-доцент Петербургского университета (1909), также преподавал на Высших женских курсах. В 1909 создал в Петербургском университете лабораторию экспериментальной фонетики, которая ныне носит его имя. Доктор наук(1915), профессор(1916). Членкор(1923), академик АН СССР (1943). Развил предложенную Бодуэном де Куртенэ концепцию фонемы, придав ей современный вид. Основатель Ленинградской фонетической школы. Изучал широкий круг вопросов языкознания: синтаксис, грамматика, взаимодействие языков, научная организация словарей и т.п. Преподавал до 1941, умер в Москве

семинаре Щербы получил навыки настоящего лингвистического анализа. А потом он поехал к дунганам¹⁰¹, в Киргизию. Ну, не то, чтобы поехал... На самом деле, приехал Невский¹⁰², и Алексеев отослал Драгунова, чтобы он не лез в тангутские дела. На самом деле, к моменту прибытия Невского Драгунов уже несколько работ о тангутском успел написать, причём очень толковых.

СД: Это было желание Невского, это было условие возвращения? Он сам не хотел конкурентов?

МС: Нет, дело вот в чем. Когда я впервые попал в Институт Востоковедения, Зоя Ивановна Горбачёва¹⁰³ говорила, что востоковедение губит монополизм. Фактически получается так, что если человек разрабатывает какую-то тему, то он никого в неё пускать не собирается. Хотя мне это уже тогда не нравилось. Я говорю: «Зоя Ивановна, тем-то сколько! Поле деятельности совершенно неизмеримое, не одно – так другое. Не сходя с места можно тысячу тем назвать, любую разрабатывай!» Она говорит: «Нет, Вы не понимаете. На самом деле, все хотят разработать какую-то тему и получить известность и славу. Потому что, когда ты один из разработчиков – ну, молодец! Но когда ты разработал что-то монополично, то, естественно, тебе положены более весомые награды... Я, конечно, не собираюсь обвинять Невского, он был не такой человек. Но получилось так, что в тот момент, когда появился Невский, работы Драгунова по тангутоведению, в общем, закончились. Он начал заниматься проблемами латинизации [китайского языка], а в дальнейшем вообще получил командировку в Киргизию, где занимался дунганским

---

¹⁰¹ *Дунгане* (самоназвание – *хуэй*). Народ, живущий в основном в Киргизии, Южном Казахстане и Узбекистане. Потомки китайцев-мусульман, переселившихся в пределы Российской империи в 1870-1880-х, после подавления маньчжурскими войсками восстания мусульман в 1862-1869 в провинциях Шэньси и Ганьсу и восстания тюркского населения Синьцзяна 1864-1878, в котором китайцы-мусульмане также приняли участие. Язык дунган включает 2 диалектных группы: на базе шаньсийского диалекта китайского языка и на базе ганьсуйского. Для записи использовался арабский алфавит. В 1928 создан, а в 1932 реформирован дунганский алфавит на основе латиницы. В 1930-х, при участии А.А. Драгунова и Ю.Я. Яншансина, начата разработка кириллического алфавита (введён в 1953). Современная численность дунган – около 110 тыс. чел.

¹⁰² *Невский Николай Александрович* (кит. 聶歷山) (1892-1937). Лингвист, этнограф, историк, один из пионеров тангутоведения. Доктор наук (1935). В 1909 поступил в Санкт-Петербургский технологический институт. Через год перешёл Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1914 по китайско-японскому разряду. Ученик В.М. Алексеева и А.И. Иванова, Л.Я. Штернберга. В 1915 послан на стажировку в Японию, где остался после 1917. Пионер изучения языка и фольклора айнов, коренного населения Окинавы, тайваньских аборигенов. Автор ряда работ по японскому фольклору. С 1922 преподавал русский язык в Осакском институте иностранных языков. Около 1923-1924 заинтересовался тангутским языком. После встречи в Пекине с А.И. Ивановым это становится основным направлением его работы. В 1929 вернулся в СССР, где хранились почти все доступные тангутские тексты. В 1933 разрешён приезд в СССР его японской жены и дочери. Работал в Институте востоковедения, Эрмитаже, на Восточном факультете, писал работы по тангутоведению, подготовил учебник японского языка. В октябре 1937 арестован, 19.11.1937 осуждён «за измену родине» (ст.58, п.1а) (как «организатор японской шпионской сети»). 24.11.1937 расстрелян вместе с женой

¹⁰³ *Горбачёва Зоя Ивановна* (1907-1979). Китаевед, библиограф. Родилась в Петербурге. Окончила исторический факультет ЛГУ (1930). Сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1936). Занималась историей крестьянских восстаний в Китае

языком. Это как любое событие: может читаться и справа налево, и слева направо. Так что, в какую сторону хотите, в такую и читайте!

СД: Просто интересно, в чём там дело было? Может, рабочая ставка была одна?

МС: Нет, дело не в этом. Тема не имеет значения, потому что ставки даются не под тему и, теоретически, никто не мог бы помешать Драгунову взять что-то ещё. Допустим, ты, Невский, занимаешься «Морем письмен»¹⁰⁴, а я буду заниматься фонетикой. Но, как видите, этого не произошло, потому что Невский тут же выпустил обзор всех фонетических работ по фонетике тангутского языка, где было и «Море письмен», и отдельная работа по фонетическим таблицам, и, вместе с ними, ещё и *Баю-юнь*¹⁰⁵. Видимо, *Баю-юнь* Невский просмотрел, но не до конца, потому что конец был полностью «разлопушен», просто как кочан капусты. Я же рассказывал, что в своё время я эти листочки сложил, бумажкой переложил и сказал, что когда вернусь с Тайваня, тогда вам всё и доделаю. Возвращаюсь – всё уже! Говорят: «Японцам продали». Говорят: «Мы не можем, это будет некорректно по отношению к нашим партнёрам!» «Тьфу, ты – говорю, – партнёры нашлись, Нисиды»¹⁰⁶...

В конечном счёте, они могли бы совершенно спокойно вдвоем сделать всё, что нужно. Более того, фонетическую часть Драгунов, конечно, сделал бы так, как Невскому и думать было невозможно. Потому что Невский был культуролог. Он прекрасно знал японский язык и японскую культуру. Кроме того, и буддизм он знал хорошо. И Китай он тоже неплохо знал, хотя, на самом деле, Китай не был прямым объектом его исследований и изучения. Для него китайский язык это был *камбун*¹⁰⁷, который они все читали. Другое дело, что я не считаю, что китаисты имеют монополию на изучение тангутского...

Невский был человеком очень широкого дарования. У него было действительное научное дарование, особенно языковое. Другое дело, что для него теория языка была, в общем, далека. Но когда дело доходило до практического изучения какого-то языка, он его быстро осваивал. Тем более, например, тибетский язык он точно не учил в университете. Он в Японию приехал со знанием русского и японского языка, но как только ему попались эти транскрипции, он тут же их освоил... Тем более, что в Японии

---

¹⁰⁴ «Море письмен» (*iwā ngōn 對踏*). Этимологический словарь тангутского языка, объясняющий основные принципы тангутской письменности. Русский перевод см.: Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступит. статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. I-II. М., 1969

¹⁰⁵ *Вэнь-хай баю-юнь 文海寶韻* («Драгоценные рифмы Моря письмен») – сокращённая версия словаря «Моря письмен», охватывающая, при этом, некоторое количество знаков, отсутствующих в дошедших до нас копиях «Моря письмен». Текст издан в Японии, см.: *Ши Цзинь-бо, Накадзима Мики* и др. 史金波, 中嶋幹起 等. Дэн-но: сори «Бункай Хо:ин» кэнкю 電腦処理 《文海宝韻》研究 (Компьютерная обработка «Драгоценных рифм моря письмен»: исследование). Токио, 2000. В современном научном обиходе тангутские названия сочинений нередко заменяются их китайскими переводами

¹⁰⁶ *Нисида Тацуо 西田龍雄* (1928-2012). Один из крупнейших японских лингвистов, тангутовед. В 1951 окончил филологический факультет Киотоского университета. С 1958 преподавал в том же университете. В 1962 защитил докторскую диссертацию по тангутоведению. Был одной из основных фигур в мировом тангутоведении, разработал одну из фонетических реконструкций тангутского языка

¹⁰⁷ *Камбун* (иногда – канбун, 漢文) – один из письменных языков средневековой Японии, основанный на классическом китайском литературном языке (*вэньянь*). Существовал с IX по XIX вв. Отменён как язык официальной письменности при революции Мэйдзи

тибетологов было достаточно много, тот же Исихама¹⁰⁸ был ещё жив. Естественно, Невский получил необходимые консультации по тибетскому языку, научился пользоваться всеми словарями. В библиотеках Японии была достаточно полная коллекция книг по языкам восточной Азии. Может быть, даже полнее, чем в ИВАНе, и уж явно не хуже, чем в Европе... Я уж не говорю про Америку. Там в этом смысле тогда ещё почти ничего не было. Когда им потребовалось открыть кафедру Китая или китайского языка, они пригласили Петра Будберга¹⁰⁹. Я вам рассказывал, как он мне письмо прислал?

СД: Нет, расскажите, пожалуйста!

МС: Я тоже не знал этого, но теперь-то мы все знаем, что это Мария Будберг¹¹⁰ (известная авантюристка) «подвела под монастырь» Пастернака. На самом деле, это была очень известная семья. По-моему, впервые я услышал эту фамилию от Алексева. Но, честно говоря, не придавал значения. А когда началась «оттепель», я начал переписываться с Хасимото¹¹¹ и предложил: я чего-то написал, давайте обмениваться литературой. Людям,

---

¹⁰⁸ *Исихама Дзюнтаро* 石濱純太郎 (1888-1968). Филолог, тибетолог, специалист по языкам Восточного Туркестана. В 1911 окончил филологический факультет Токийского университета, преподавал в Киотоском университете, Осацком институте иностранных языков, Кансайском университете. В 1925, как считается, первым предложил термин *Dunhuang studies* (дуньхуан сюэ 敦煌學). В 1942 основал Осацкое общество изучения языка. С 1949 – профессор Кансайского университета. Основания сфера научных интересов – буддийские тексты на уйгурском языке, тексты на письменностях Восточного Туркестана, тангутские буддийские тексты

¹⁰⁹ *Будберг Петр Алексеевич* (Peter Alexis Boodberg) (1903-1972). Китаевед, филолог. Доктор наук (1930). Профессор (1948). С 1963 – президент Американского Восточного общества (Amercian Oriental Society). Родился во Владивостоке, в семье генерала из влиятельной остзейской баронской династии. В 1915 был отправлен в Харбин, затем продолжал изучение китайского языка в Восточном институте во Владивостоке. В 1920-1921 семья Будберга оставила Россию и поселилась в Сан-Франциско. В 1924 окончил Калифорнийский университет (Беркли). С 1932 преподавал китайский язык в том же университете. Автор работ по китайской письменности и исторической фонологии

¹¹⁰ *Закревская-Бенкендорф-Будберг Мария Игнатьевна* (1892-1972). Дочь И.П. Закревского (1839-1906), юриста, сенатора. В юности вышла замуж за И.А. Бенкендорфа, дипломата, работавшего в русском посольстве в Берлине, также работала в посольстве. В 1919 её муж был убит крестьянами в родовом замке в Эстонии. Вернулась в Петроград, вышла замуж за барона Будберга (возможно, фиктивно, чтобы получить эстонское гражданство и возможность навещать оставшихся в Эстонии детей). Работала в издательстве «Всемирная литература». Была секретарём, затем гражданской женой М. Горького. Ей посвящена «Жизнь Клим Самгина». В 1920 познакомилась с Г. Уэллсом. Их связь возобновилась в 1933, когда М.И. уехала в Англию, и продолжалась до смерти писателя. Была в близких отношениях со многими знаменитостями своего времени. Подозревалась в работе на советскую разведку (в СССР – в шпионаже в пользу Британии). В конце 1950-х приезжала в СССР и, в частности, встречалась с Пастернаком. Об этой встрече, от которой у писателя осталось двойственное впечатление (он ожидал встретить роковую женщину, покорявшую лучших писателей своего времени, а встретил даму, которая больше всего интересовалась его предпочтениями в области цветов галстуков и кулинарными пристрастиями), в среде московской интеллигенции ходило немало анекдотов

¹¹¹ *Хасимото Мантаро* 橋本萬太郎 (1932-1987). Синолог, лингвист. В 1966 защитил докторскую диссертацию в университете Огайо. Занимался изучением китайских диалектов (хайнаньского, хакка), исторической фонологией древнекитайского языка, историей языка

статьи которых я читал, я писал письма, в которых сообщал, что с удовольствием прочёл Вашу статью, и теперь свою высылаю. Это «детское» увлечение такое у меня было. В частности, я не знал даже точно, русский ли Будберг, или нет. Но я ему послал какую-то свою работу – какую, уж не помню. Не тангутскую, точно. Какие-то мои ранние, чисто китаеведческие работы. И, вдруг, получил от него письмо на русском языке, в дореволюционной орфографии. Это письмо у меня где-то хранится, я видел его на даче, если только его не истопили... И он пишет: «Боже мой, получил такое известие из России!». Когда я потом уже сам был в Беркли, то спросил про Будберга. Мне сказали, что, мол, умер в прошлом году. Встретиться мне с ним так и не удалось, а то бы я обязательно с ним встретился! Это была бы интересная встреча!

Так что, вот как всё обстояло с тангутоведением. Никто не знает, что было лучше, что хуже. История, что называется, вариантов не имеет. Конечно, если бы Драгунов занялся фонетической реконструкцией, то, я уверен, он сделал бы это очень быстро! Потому что это всё естественно вытекало по тем материалам, которые уже подготовил Невский. По существу, когда я начал эту работу, я пользовался той тетрадью, в которую Невский перенёс содержание словаря «Море письмен». Правда, без последней части. Он дописал до 64-ой рифмы, а дальше всё – его арестовали! Но, в принципе, эта работа была проделана, и я об этом специально написал в предисловии. И, конечно, ван Дрим¹¹², не упустил из виду где-то написать, в каком-то своем произведении, что вот, как мне рассказала Кепинг¹¹³, Софронов пользовался материалами Невского. Да, пользовался, и написал об этом в предисловии!¹¹⁴ Ну, вот как Вы это назовете? Это всё к вопросу о «русских жуликах», которые только и смотрят, как бы себе присвоить славу.

---

¹¹² *Дрим, Жорж ван* (George van Driem, 1957 г.р.). Лингвист, один из крупнейших специалистов по малочисленным языкам Южной Азии. В 1983 закончил Лейденский университет. В 1984-1990 и в 1995-2009 – сотрудник и преподаватель того же университета. профессор (1999). В 1990-1995 – научн. сотр. Голландской академии наук. С 2010 – завкафедрой исторического языкознания, директор Института языкознания (Institut für Sprachwissenschaft) Бернского университета. С 1983 ведёт полевые исследования в Гималаях. В 1989-1992, по поручению бутанского правительства, составил грамматику государственного языка дзонг-кэ, его романизацию и лингвистический атлас Бутана. Также написал грамматики двух языков восточного Непала – лимбу и думи, грамматику языка бумтханг (центральный Бутан). Автор 2-томной энциклопедии «Языки Гималаев» (*van Driem George. Languages of the Himalayas: An Ethnolinguistic Handbook of the Greater Himalayan Region : Containing an Introduction to the Symbiotic Theory of Language. Vol. I-II. Leiden, 2001*). Автор т.н. концепции симбиотизма, которая рассматривает человеческое сознание – и язык, как его наиболее яркое проявление – как своего рода симбионта человеческого тела, который развивается по дарвиновским законам эволюции – приспособляясь к окружающим условиям и вытесняя менее приспособленных. В 1980-е ван Дрим много работал в Ленинграде, изучая тангутские тексты

¹¹³ *Кепинг Ксения Борисовна* (1937-2002). Тангутовед, китаевед. Родилась в Тяньцзине, в семье белого офицера (мать – сестра митрополита Виктора (Святина) – последнего начальника Русской духовной миссии в Пекине). Окончила школу при Обществе советских граждан в Тяньцзине (1954), после этого семья вернулась в СССР. Поступила в Среднеазиатский государственный университет в Ташкенте, в 1955 перевелась на кафедру китайской филологии Восточного факультета ЛГУ, который окончила в 1959. С 1959 – сотрудник ЛО ИВ АН СССР. С середины 1960-х занялась тангутоведением. В 1986 защитила докторскую диссертацию по тангутской морфологии

¹¹⁴ Речь идёт о предисловии к книге М.В. Софронова и Е.И. Кычанова «Исследования по фонетике тангутского языка (предварительные результаты)» – М., 1963. При подготовке этой книги авторы пользовались рабочими тетрадями Н.А. Невского, в которых он начал работу по реконструкции тангутской фонетики

СД: Ну, это тоже такой архетип. Я с детства слышал, что материалы Невского потом кто-то присвоил. Это такой постоянный мотив!

МС: Понимаете, дело не в этом. Я вам рассказывал, как долго не могли найти эту рукопись (тангутского словаря Н.А. Невского – СД)¹¹⁵. Её долго разыскивали, пока Конрад¹¹⁶ не позвонил Холодовичу и не спросил: в чём дело, почему до сих пор её нет? Холодович пошёл, нашёл и вытащил её. Возможно, Горбачёва не хотела отдавать это, что называется, первому попавшемуся человеку. Мы не знаем, кто и чего у неё просил. То, что она сама не могла это освоить, это точно. Эта задача была не для неё.

СД: Да и не для кого. В итоге же издали только факсимиле, не могли даже сделать набор

МС: Хотя, строго говоря, то, что было реально сделано, всё равно, прошло через неё, и она этим занималась. Другое дело, что когда это потребовал Конрад, она поняла, что дело будет доведено до конца. Ведь чего боятся в таких случаях? Схватят, затаскают, в итоге потеряют. Даже если она нарочно кому-то не давала, я её в общем понимаю. Я бы тоже не дал!

СД: Ну да, такое сокровище! Тем более, тогда с копированием было плохо

МС: Ну, фотография была всегда. В Ленинграде была фотолаборатория ЛАФОКИ¹¹⁷, видимо, лучшая в СССР, которая, кажется, действительно могла что угодно сделать в

---

¹¹⁵ Незавершенный рабочий словарь тангутского языка, над которым Н.А. Невский работал до ареста. Рукопись была издана факсимильным способом в составе двухтомника «Тангутская филология» в 1960, за который в 1961 Н.А. Невскому посмертно присуждена Ленинская премия. Двухтомник вышел в свет благодаря усилиям Н.И. Конрада (см. ниже), рукописи были подготовлены к печати З.И. Горбачёвой. Это был первый словарь тангутского языка, который, несмотря на незавершенность, оказал огромное влияние на развитие всего мирового тангутоведения – тангутские тексты наконец стало можно читать

¹¹⁶ *Конрад Николай Иосифович* (1891-1970). Востоковед: японист, китаевед. Профессор (1926), академик АН СССР(1958). Окончил Востфак Петербургского университета и японское отделение Практической восточной академии (1912). В 1914-1917 был на стажировке в Японии. По возвращении некоторое время работал в НКВД, вместе с Е.Д. Поливановым. Ректор Орловского университета(1919-1922). Преподаватель Ленинградского института живых восточных языков(1922-1938). Преподавал на географическом факультете ЛГУ, в 1934-1936 читал лекции в Институте красной профессуры. С 1931 – сотрудник ИВ АН СССР, заведовал Японским кабинетом. 29.06.1938 арестован, обвинён в шпионаже в пользу Японии. Подвергался пыткам, 10.11.1939 приговорён к пяти годам ИТЛ за измену Родине (ст. 58, п. 1а), отправлен в Канск. В 1940-1941, оставаясь в заключении, работал по специальности. 8.09.1941 освобождён. С тех пор жил в Москве. Сыграл большую роль в переносе основной базы ИВ АН СССР из Ленинграда в Москву. Профессор МИВ, МГУ (1941-1950). Автор многих работ о Японии и Китае. Первым в советской науке предложил концепцию «восточного ренессанса», работал над изучением параллелей в историческом и культурном развитии Запада и Востока. Редактор «Большого японо-русского словаря»(1970). Глава редколлегии серии «Литературные памятники»(1962-1970)

¹¹⁷ Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии «ЛАФОКИ» Российской академии наук. В 1930 преобразована из Центральной фотолаборатории АН СССР, которая, в свою очередь, была создана на базе фотолаборатории Русского фотографического общества. В 1936 был организован фотоархив ЛАФОКИ со статусом фотоархива АН СССР (сегодня собрание насчитывает более 30 тыс. единиц хранения). С

любом масштабе. Помню, я сам был у них однажды и наблюдал, как они работают. На том уровне – великолепно.

СД: Вы рассказывали, что там было дореволюционное оборудование

МС: Нет, дореволюционное оборудование было в фонетической лаборатории. А ЛАФОКИ – это означает «лаборатория фото-кино». Но она тоже помещалась где-то недалеко, всё в одном месте, на Биржевой линии. Два шага пройти, и уже там. Так что, на самом деле все эти разговоры о Горбачёвой мне не кажутся серьёзными, потому что, как только она увидела, что всё это попадает в надёжные руки, она сразу же это отдала. Я, конечно, тоже думаю, что она знала, где всё это лежит. Но знала не она одна. И прятала, видимо, не она. Потому что Холодович пришёл, и тут же нашёл!

СД: А почему это было у неё?

МС: Потому что она была человеком, который сохранил традицию

СД: Ирина Фёдоровна Попова¹¹⁸ говорила, что в 1938 году из НКВД вернули архив Невского, что его вернули в Институт

МС: Ну, не знаю! Я этого ничего не знаю, хотя сам этот архив видел и им пользовался. Я, допустим, не знал, что этот архив арестовывали

СД: Я так понимаю, что-то было в Институте. А то, что у него взяли дома, в 1938 году, вроде бы, вернули в Институт

МС: По правде говоря, я не слышал таких историй. Но знаю только, что, может быть, потом обыск был. Когда их арестовывали, как его уводили, мне рассказал Конрад. Они жили на одной площадке, дверь в дверь. И когда их повели, то девочку¹¹⁹...

СД: Исоко-сан¹²⁰ арестовали через несколько дней. Их не сразу обоих арестовали

МС: Когда арестовывали его жену, то она, поскольку девочка остаётся дома, позвонила Конраду и попросила присмотреть за девочкой, сказав, что скоро вернётся. И

2000 входит в состав Центра компьютерных коммуникаций Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Адрес: набережная Макарова, д. 2

¹¹⁸ *Попова Ирина Фёдоровна* (1961 г.р.). Китаевед, д.и.н.(2000), профессор СПбГУ. В 1978 окончила школу в Москве, поступила на отделение истории Китая Востфака ЛГУ. С 1986 – сотрудник ЛО ИВ АН СССР. С 2003 – директор Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН, который в 2007, в значительной мере благодаря её усилиям, преобразован в Институт восточных рукописей РАН. Специалист по истории и государственному управлению эпохи Тан

¹¹⁹ Дочь Н.А. Невского, Елена (Нелли) (1928 г.р.)

¹²⁰ *Ёродзуя (Мантани) Исо (Исоко)* (萬谷イソ, 萬谷磯子, 1901-1937). Супруга Н.А. Невского. Родилась на Хоккайдо. Получила музыкальное образование, пела, играла на традиционном инструменте *бива*. Выступала как профессиональная исполнительница старинных баллад (артистический псевдоним Кёкурэн). В 1922 вышла замуж за Невского, брак зарегистрирован в 1929 в Генконсульстве СССР в Кобе, незадолго до отъезда Невского в СССР. После отъезда мужа подвергалась преследованиям японской полиции, подозревалась в шпионаже (как и сам Невский). В 1933 вместе с дочерью выехала в СССР. С осени 1934 преподавала японский язык в Ленинградском восточном институте. Арестована через четыре дня после Н.А. Невского, обвинена в шпионаже в пользу Японии. Свою вину не признала. Расстреляна в один день с мужем

та, увидев Наталью Исаевну¹²¹, радостно бросилась к ней. А Мать ей вдогонку кричит: «Мама-э горан ままえ阿覽», то есть «Посмотри на маму!» Вот последнее, что она слышала, хотя она побежала и, не знаю, оглянулась она, или нет.

Ну, естественно, я же не мог Конрада переспрашивать, уточнять, когда он это рассказывал. Я запомнил общий смысл. Запомнил, что их арестовали вместе. И что девочку надо было как-то пристроить, и она оказалась в семье Конрадов. Детей у них не было, домработница была... Но, правда, и сам Конрад тоже вскоре «сел». И куда она делась дальше, я не знаю. Попала в семью к Владимирцовым¹²²? Нелли в дальнейшем вышла замуж за Владимирцева-младшего. Не там ли её пристроили?

И вот, Горбачёва, по существу, стала связующим звеном. Получилось так, что кроме Горбачёвой некому было заняться тангутским фондом.

СД: А какова её научная судьба?

МС: А судьба её печальна! С ней очень нехорошо поступила наша китаистическая молодёжь. Тут такая тёмная история – она была замужем за китайцем, фамилия его была что-то вроде Осипов или Смирнов – как у них у всех, псевдоним. И вот, когда его арестовали, он провёл в тюрьме много лет, десять или пятнадцать. Она его отказалась принять, сказала, что всё кончено. У неё был такой Петров¹²³, из бывших востоковедов. Но непосредственно по востоковедению он уже не работал, а работал у них в библиотеке, в Институте. Кстати у них была очень прочная семья. Детей, конечно, никаких уже быть не могло. Ну, и молодые ребята для того, чтобы воздать должное за «преступления» в эпоху сталинских репрессий, составляя большинство переехавших, они её не переехали по науке. В результате, она была вынуждена из Института уйти. Но без работы она не осталась, и её направили в г. Тихвин, в мемориальный музей Римского-Корсакова. Он был родом из Тихвина. И они там организовывали научную работу, и даже провели конференцию. Я тогда большую часть времени проводил в Питере. Меня туда даже звали: не хотите ли посетить конференцию памяти Римского-Корсакова? Там работа кипела. Она была человеком деятельным. Куда партия её направляла, там она и работала, серьёзно и ответственно. Конечно, после всей этой истории оказаться в Тихвине, в музее... Но она сразу начала работу.

---

¹²¹ *Фельдман-Конрад Наталья Исаевна* (1903-1975). Японист, переводчик, д.филол.н. (1972). Супруга Н.И. Конрада. Окончила факультет общественных наук Ленинградского университета (1924), в 1925 – Ленинградский институт живых восточных языков (училась у Н.И. Конрада, за которого вскоре вышла замуж). В 1931-1934 преподавала в ЛИФЛИ, в 1941-1949 – в МИВ. С 1935 – член Союза писателей СССР (как переводчик японской поэзии). Участвовала в подготовке «Большого японско-русского словаря»

¹²² Е.Н. Невская жила у Н.И. Конрада до его ареста. Затем – у Т. Крыловой, родственницы Н.А. Невского. В 1941-1942 – в Свердловске, в семье Серовых (также родственников отца), затем воспитывалась в семье В.Л. Афросимова, троюродного брата Н.А. Невского. После окончания школы училась в Ленинграде, вышла замуж за М.Б. Владимирцова, младшего сына монголиста, академика Б.Я. Владимирцова (1884-1931)

¹²³ *Петров Николай Александрович* (1908-197?), китаевед, к.филол.н.(1955). В 1930 направлен Выборгским райкомом на учебу в Ленинградский восточный институт на китайское отделение. С 1933 работал в ИВ АН СССР секретарем китайского кабинета. С 1935 на дипломатической работе, служил секретарем советского консульства на станции Пограничная. В 1937, после закрытия консульства, вернулся на работу в ИВ АН СССР. В 1940 призван на военную службу, воевал в советско-финской и Великой Отечественной войнах, был политработником (с 1942 служил на Дальнем Востоке). Уволен в запас в 1953 в звании полковника, вернулся в ЛО ИВ АН СССР. Заведовал Архивом востоковедов (1953-1957). Занимался описанием китайских ксилографов. В 1961 уволился из института, жил в Тихвине

СД: А чем она занималась до того?

МС: Она была учёным секретарем Китайского кабинета и занималась научным хозяйством. Она всегда дружила со студентами. Я помню, с удовольствием со студентами разговаривала, давала книжки и была человеком очень общительным. Для студентов нашего возраста она сделала очень много: показать исследовательский институт, привить интерес к делу. Её косвенная роль, я считаю, была велика. Но молодёжи того времени, конечно, не нравилось, что она не вылезала из парткомов, была членом партбюро. Вольнолюбивые шестидесятники этого ей простить не могли. Она была системным человеком, но принадлежала не только системе ВКП(б)-КПСС, но и системе востоковедения. И когда так повернулась судьба, стала принадлежать уже системе общей культуры.

СД: Т.е. то, что к ней попали эти материалы, это в значительной степени потому, что она отвечала за хозяйство?

МС: Как я знаю от Конрада, на самом деле то, где находились материалы, знала не она одна. Как всегда, все бегали жаловаться Конраду. На меня тоже, помню, Солнцев¹²⁴ неоднократно жаловался. Говорил, что худшего нарушителя дисциплины во всём Институте востоковедения не найдешь... Жалобы шли со всех сторон. Мы не знаем, с каких именно, и кто жаловался. Но он рассказал: понимаете, когда я наслушался всех этих разговоров, что никто и ничего найти не может, я позвонил Холодовичу и сказал: «Александр Александрович, в чём дело, почему до сих пор ничего нет?» «Да ладно, – он говорит, – они тут сами в своих собственных карманах запутались. Я завтра же возьму и принесу». И действительно, на следующий день принёс. Я уж не знаю, кому он это всё отдал. То ли, может быть, самой Горбачёвой, то ли ещё кому-то. Но вряд ли он в Москву это Конраду повез.

СД: А почему она готовила эту «Тангутскую филологию» к печати, а не кто-нибудь другой?

МС: Во-первых, потому что она единственный человек, который к тому времени реально сохранил хоть какую-то связь. Я Вам рассказывал, как Драгунов меня для консультаций вызвал к себе туда наверх, в ИВАН, где помещались хранилища. Как он вышел оттуда в сером халате, весь покрытый лёссовой пылью Хара-хото и сказал: «Вы знаете, я сейчас занимаюсь тут не китаистикой, а систематизацией тангутского каталога». И вот если вы возьмете каталог – там же прямо сказано, с какого по какой номер, кто, где. Драгунова там, прямо скажем, немного, потому что он особенно не надрывался, потому что интерес к этому делу был потерян. Тем более, что у него уже накопился материал на книгу, которую он хотел всё-таки издать. Кроме того, его, конечно, болезнь подвела. Однажды Драгунов был в составе какой-то комиссии, которая проверяла то ли детский сад, то ли детский дом. Он туда зашёл и заразился скарлатиной. В возрасте, наверно, лет пятидесяти заболел скарлатиной, отчего его сердце резко ухудшилось. Он умер в возрасте

---

¹²⁴ Солнцев Вадим Михайлович (1928-2000). Востоковед-лингвист, вьетнамист, китаевед, алтаист. Дфилол.н. (1971), профессор, членкор АН СССР (1984). Окончил МИВ (1949). Преподавал в МИВ(1949-1954), в МГИМО МИД СССР (1954-1959), в ВИИЯ. Сотрудник ИВ АН СССР (с 1958). Один из главных вдохновителей и многолетний руководитель Советско-вьетнамской лингвистической экспедиции (основана в 1979), благодаря работе которой изучены многие малочисленные и бесписьменные языки Вьетнама. В 1987 возглавил Институт языкознания АН СССР. Руководитель авторского коллектива «Большого вьетнамско-русского словаря»

пятидесяти пять лет. Вот в чём дело. Поэтому ему, естественно, уже было не до этого. А Горбачёва, я думаю, ценность всей этой темы знала.

СД: А откуда?

М.С.: Ну как, откуда? Во-первых, тангутоведение в довоенные годы, вернее, в 1930-е годы, было, что называется, «козырным тузом» Института востоковедения. Везде писали, что у нас ведётся такая эпохальная работа, которая откроет всякие тайны... Наверно, Вы знаете, что Максим Горький в своё время сделал такой альманах, который назывался «День мира»¹²⁵. Я сам в руках его не держал, но фотографии обложки видел. Считалось, что его будут каждый год выпускать. Но потом оказалось, что больше не выпускали. И как раз там, в альманахе «День мира» была помещена фотография Невского, как учёного, который занимается расшифровкой древнего языка¹²⁶. Так что, когда-то это была очень актуальная тема, которая всю пропагандировалась, чего в дальнейшем уже не было. Потом был Тишина. Ни слова о тангутоведении и о том, что за работа ведётся, кто чего делает – ни слова. Хотя того же Кычанова японцы и китайцы хорошо знают. А у нас – ну, да, есть там какой-то... Понимаете? Фактически единственный новый всплеск был в 1961 году, когда за «Тангутскую филологию» дали Ленинскую премию. Я помню, что меня тогда разыскали сотрудники радио и попросили прочитать транскрипцию из нашего *Чжан-чжун чжу*¹²⁷. И я им пару строк прочитал.

Так что, понимаете ли, Наука нуждается в рекламе. И Невскому эта реклама была сделана. И я какое-то время грелся в лучах славы Невского. Ни Кычанову, ни мне уже ничего в этом смысле не досталось. Не подумайте, что я как-то об этом жалею, и мне как-то хотелось этой самой всесоюзной славы. Всё это чепуха! Тем более, я сам на много лет расстался с тангутскими исследованиями когда перешёл в Институт Дальнего Востока. Тогда у меня публикации по тангутским проблемам были лишь только в связи со всякими международными конгрессами. То есть, когда нужно было участвовать в каких-то конгрессах, я готовил для них вещи по тангутскому. А так, моей текущей работой была китайская диалектология, китайская социолингвистика. И потом, конечно, историческая фонетика китайского языка. Но это было уже в связи с моим преподаванием. В принципе, поскольку появилась такая возможность, я какое-то время посвятил исторической фонетике китайского языка и пытался осмыслить ту работу Ли Жуна¹²⁸, которая была

---

¹²⁵ «День мира». / Под ред. М. Горького и М.Е. Кольцова. М., 1937. Книга была задумана Горьким как некий мгновенный снимок всего мира. Был выбран один день – 27 сентября 1935, и в книгу вошли очерки о том, что происходило в этот день в разных уголках мира

¹²⁶ Н.А Невский упомянут в «Дне мира» на с.584. В номере нет его фотопортрета, но есть заметка о «профессоре Невском», который работает над «восстановлением звучания исчезнувшего языка Си-Ся»

¹²⁷ Имеется ввиду единственный сохранившийся тангутско-китайский словарь «Своевременный перл в ладони тангутского и китайского языка» (納嚙鯁樞腎樗萩睐 *Mi ža ngwu ndzje mbu rja ngu nje*¹²⁷; 番漢合時掌中珠 *Фань хань хэ-ши чжан-чжун чжу*), составленный в 1190 году тангутским учёным Квельдэ-риепху

¹²⁸ Ли Жун 李榮 (1920-2002). Один из крупнейших китайских лингвистов XX в., фонолог, диалектолог. Родился в пров. Чжэцзян. В 1939 поступил на факультет китайской филологии Юго-Западного объединённого университета (Си-нань лян-хэ дасюэ 西南联合大学) в Куньмине. В 1943 поступил в аспирантуру Языковедческого отделения Института филологии Академии Пекинского университета (Бэйцзин-дасюэ Яньцзю-юань Вэнь-кэ яньцзю-со Юй-сюэ бу 北京大学研究院文科研究所语学部), которую окончил в 1946, после чего работал в Пекинском и Шаньдунском университетах. С 1950 – сотрудник Института языкознания Китайской академии наук (Чжунго кэсюэ-юань Юйянь яньцзю-со 中国科学

опубликована в 1952 году. Действительно, это был прекрасный материал, который требовал осмысления.

СД: Это что за работа?

МС: Она называлась «Фонетическая система *Це-юня*»¹²⁹. Хотя на самом деле системы-то никакой не было! Он там привёл рифму за рифмой и чтение *фань-це*¹³⁰, и какие есть сочетания инициалей и финалей По существу, я и сделал систему-то эту¹³¹, потому что у меня получилось четыре дистрибутивных типа, которые, в общем-то, не полностью совпадали с четырьмя строчками фонетических таблиц. Они частично совпадали, частично не совпадали. В дальнейшем, когда я уже приехал в Корнелл¹³², у меня была беседа с Бодманом¹³³ на эти темы. Действительно, бывает так, что человек угадывает. Я, конечно, никогда в жизни не решился бы сделать такой вывод, имея на руках десяток примеров тибетских и десяток примеров китайских. А он сделал вывод, что вот эта вторая строка или второй *дэн* восходит к древнекитайской медиали *эр*. Т.е. эта

院语言研究所) в Пекине (ныне в составе КАОН). Позднее был замдиректора, директором этого института, отвечал за работу группы по изучению диалектов. С 1979 – ответственный редактор журнала *Фаньянь* 方言 (Диалекты), созданного во многом по его инициативе. С 1981 возглавил Всекитайскую ассоциацию по изучению диалектов китайского языка (Цюаньго ханьюй фаньянь-сюэ сюэхуй 全国汉语方言学学会)

¹²⁹李榮. 切韵音系 李 君. Фонетическая система Це-юня. Пекин, 1952 (2-е изд. - 1956).

Це-юнь 切韻 («Рифмы, [изложенные посредством фань]це») – первый словарь рифм, изданный в 601 г. н.э. Подготовлен под руководством Лу Фа-яня (581-618), важнейший источник по фонетике среднекитайского языка

¹³⁰ *Фаньце* 反切 – метод транскрипции знака, методом разделения его на инициаль и финаль. Транскрипция осуществляется двумя знаками, один из которых имеет такую же инициаль, как транскрибируемый знак, а второй – такую же финаль. Считается, что метод был разработан в III в. н.э. Сунь Янем 孫炎. Старейшие дошедшие до нас примеры использования относятся к середине VI в.

¹³¹ Эта работа выполнена М.В. Софроновым при подготовке фонетической реконструкции тангутского языка. См. Софронов М.В. Грамматика тангутского языка. Т. 1-2. М., 1968. Т.2

¹³² *Корнелльский университет* (Cornell University). Один из крупнейших университетов США, входит в т.н. Лигу плюща. Находится в г. Итака, штат Нью-Йорк. Основан в 1865

¹³³ *Бодман Николас* (Nicolas Cleaveland Bodman, 1913-1997). Синолог-лингвист, один из крупнейших авторитетов в сино-тибетских исследованиях. В 1935 поступил в Гарвард, но через год бросил учёбу и несколько лет работал клерком. В 1941 поступил на военную службу в ВМФ США, провёл войну на базе в Перл-Харборе, где входил в группу по дешифровке кодов японского флота. В те годы начал учить китайский. В 1945 поступил в Йель, защитил докторскую диссертацию по лингвистике (1950). До 1962 работал в Институте зарубежной службы (Foreign Service Institute) – главном образовательном учреждении для дипломатов. В 1951-1952, по просьбе британского правительства, организовал в Малайе для колониальных служащих курсы языка хакка. В 1955-1957 работал на Тайване, затем возглавлял департамент дальневосточных языков Института зарубежной службы. В 1961-1962 работал в Даржилинге, вёл полевые исследования гималайских языков. В 1962-1979 работал в Отделении современных языков при Корнелльском университете, преподавал китайский язык, китайские диалекты и историю китайского языка. В 1968-1969 изучал диалекты группы минь в Гонконге, тибето-бирманские языки в Катманду. После выхода на пенсию продолжал занятия наукой, изучал диалекты *минь* в Фуцзяни, читал лекции в университетах КНР

медиа́ль эр, её существование было доказано Масперо¹³⁴ и Карлгреном. Кстати, эти две фигуры, одновременно занимались одним и тем же, искали медиали. Карлгрен – в Швеции, а Масперо – во Франции, Но Масперо, как человек, более широких масштабов, ещё и буддизмом интересовался. Но, тем не менее, он был в курсе.

Вот Вы меня спрашиваете, какими были европейские китаисты? Были культуроведы. Тот же самый Масперо. Стоило только Карлгреному опубликовать свою реконструкцию в 1919 году¹³⁵, как он уже в 1921 написал «Чанъаньский диалект в эпоху династии Тан»¹³⁶. (Доказывал), что на самом деле Карлгрен совсем не то реконструировал, что столица находилась в Чанъани. Соответственно, диалект – столичный. И нечего дурака валять, и рассуждения Карлгрена о том, что это есть некий единый язык – это неверно. И в этом смысле Масперо был прав. Потому что, конечно, уже тогда китайский язык представлял совокупность диалектов.

Но дальше уже шли наши разработки. В том числе, конечно, и китайских филологов, которые показали, что на самом деле – да, диалект Чанъани был, и этот диалект лежал в основе официального языка. И японцы, когда приехали изучать буддизм, они взяли именно его. И весь этот кан-он¹³⁷ японский, это и есть диалект Чанъани. Соответственно, *Це-юнь*, который реконструировал Карлгрен, это был уже памятник совсем другого языка, который вобрал в себя поэтическую практику того времени. А рифмовали тогда... т.е. говорили они на чанъаньском диалекте, а рифмовали уже на немножко другом. Потому что на самом деле там ещё действовала традиция *Ши цзина*. И как же мы будем на чанъаньском диалекте рифмовать? Это что же, мы должны отступить от *Ши цзина*? Это будет очень большим отступлением от правил рифмы на китайском языке. Поэтому естественно, Масперо этого ещё не мог знать. Но письменность он знал прекрасно и привел кучу примеров, которые частично опровергали, частично подтверждали теорию Карлгрена. Но Карлгрен, в отличие от него, тут же накатал серию статей, обобщил это дело, а Масперо ограничился французским таким замечанием. В общем, каждый выступил в своём репертуаре, исполнил, что называется, национальный анекдот.

И Бодман... я бы, конечно, никогда на это не решился. Но я ему сказал: «В чём я с Вами полностью согласен, так это в том, что тут что-то было. Но в тот момент, когда этот словарь составлялся, там этого уже ничего не было. Раньше – пожалуйста!» Но он был недоволен, потому что хотел, чтобы я ему сказал, что это всё было и отражалось где-то в IV-VI веке. Но в IV-VI веке этого уже точно не было.

---

¹³⁴ *Масперо Анри* (Henri Maspero, 1883-1945). Синолог, вьетнамист. Сын египтолога Гастона Масперо. Изучал право и китайский язык в Специальной школе живых восточных языков (до 1914 – Национальная школа живых восточных языков). С 1908 работал во Французской школе Дальнего Востока в Ханое, изучал языки и обычаи народов Индокитая. Профессор(1911). С 1918 руководил кафедрой китайского языка Коллеж де Франс (сменил Э. Шаванна), кафедрой китайской цивилизации в Сорбонне и отделением китайских религий в Практической школе высших исследований. С 1935 – член Академии надписей и изящной литературы. 28.07.1944 арестован немцами по подозрению в участии в Соппротивлении (в котором участвовали его сыновья). 17.03.1945 умер в Бухенвальде. Внёс огромный вклад в изучение истории древнего Китая, даосизма, буддизма, китайских документов из Дуньхуана, исторической фонологии китайского языка

¹³⁵ Имеется ввиду издание докторской диссертации Б. Карлгрена: Karlgren B. Études sur la phonologie chinoise. // Archives d'études orientales. Vol. 15:3. Appelberg, 1919

¹³⁶ *Maspero H.* Le dialecte de Tch'ang-ngan sous les T'ang. // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Vol. 20 (1920)

¹³⁷ Кан-он 漢音 – наиболее распространённые «китайские» чтения знаков в японском языке, заимствованные во времена династии Тан (618-907), преимущественно из столичного диалекта Чанъани

Более того, был там «л» или «р» – это тоже выдумки, что Яхонтова, что Старостина¹³⁸. Они исходили из общетипологических предпосылок, что «л» точно есть. Давайте посмотрим, что там Гринберг¹³⁹ нам говорит? А Гринберг нам говорит, что если в языке есть «л», то должно быть и «р». Ну, у него в статистике так получалось. Он по африканским племенам сделал такую статистику. Сейчас этого уже несколько стесняются, а тогда это была авторитетная ссылка: У Гринберга есть! Как же?!. Но поскольку «л» уже занято, то – что, давайте сюда «р» тогда. Хотя, на самом деле, я не могу сказать, что я категорически это опровергаю. Потому что ясно, что там что-то было. Но вот что именно? Конечно, как всегда, может оказаться какая-то абсолютно неожиданная вещь!

Поэтому всеми этими вещами мне приходилось заниматься в силу жизненных обстоятельств. Но ясно было только одно, что Солнцев меня из ИВАНА выжил бы точно. То есть, они бы меня подвели под какой-нибудь монастырь, это точно. Потому что я же помню, как это было. Вы, наверно, знаете историю с Юрой Глазовым¹⁴⁰? Не знаете? Был такой диссидент. У нас была такая «структурная» группа, состоявшая из Лекомцева¹⁴¹, Огибенина¹⁴², Глазова и меня. Всего 4 человека там было, в этой структурной группе. Мы

---

¹³⁸ *Старостин Сергей Анатольевич* (1953-2005). Китаевед-лингвист, компаративист. Изучал японский. Д.филол.н. (1992), членкор РАН (1997). Сын литератора и переводчика А.В. Старостина (1919-1980). Окончил Отделение структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ (1975), Тема канд. диссертации (1979): «Реконструкция древнекитайской фонологической системы». Тема докт. диссертации – проблемы алтайской реконструкции. Работал в Институте языкознания РАН, заведовал Центром компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ. Внёс большой вклад в сравнительно-историческое языкознание, изучение родства языков, мечтал реконструировать единый праязык *Homo sapiens*

¹³⁹ *Гринберг Джозеф* (Joseph Harold Greenberg, 1915-2001). Лингвист, один из основателей современной лингвистической типологии. С детства серьёзно занимался музыкой, даже выступал с концертами. Поступил в Колумбийский университет, изучал языки американских индейцев, затем вёл полевые исследования языка хауса в Нигерии – темой его докторской диссертации было влияние на этот язык ислама. В 1940 продолжил обучение в Йеле. В годы войны служил в войсках связи, занимался дешифровкой вражеских кодов. Участвовал в высадке в Касабланке в ноябре 1942. После войны преподавал в Университете Миннесоты, с 1948 преподавал антропологию в Колумбийском университете. С 1962 – профессор кафедры антропологии Стэнфордского университета в Калифорнии, где работал до конца жизни (с 1985 – почётный профессор). Был первым лингвистом, избранным в Национальную академию наук США. Президент Ассоциации африканских исследований (1965) и Американского лингвистического общества (1976). Внёс большой вклад в генетическую классификацию языков Тропической Африки. Разработал методику массового типологического сравнения языков

¹⁴⁰ *Глазов Юрий Яковлевич* (1929-1998). Лингвист, антрополог, диссидент. К.филол.н. (1962). Окончил МИВ (1952). Редактор восточной редакции Государственного издательства иностранных и национальных словарей (1952-1957). Сотрудник ИВ АН СССР (1960-1968). Тема кандидатской диссертации: морфологический анализ тамильского языка. В конце 1960-х занялся правозащитной деятельностью, за что в 1968 уволен из ИВ АН СССР. В 1972 уехал в США, работал в университете Дальхузи (Новая Шотландия, Канада), опубликовал ряд книг о советском обществе

¹⁴¹ *Лекомцев Юрий Константинович* (1929-1984). Лингвист, вьетнамист, индолог. Д.филол.н. (1978). Окончил филологический факультет МГУ (1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1958). Автор многих работ по семиотике и структурной лингвистике

¹⁴² *Огибенин Борис Львович* (Boris Oguibénine, р. 1940). Лингвист, санскритолог, буддолог, индолог. К.филол.н. (1966). Окончил филологический факультет МГУ (1962). Сотрудник

были «структуралистами» в Институте Востоковедения. И когда начались все эти «подписания»¹⁴³ – подписались все, за исключением меня. Ну, правда, мне никто и не предлагал. Нужно прямо сказать, такого предложения не было. Но там получилась такая вещь: хотя Лекомцев подписывал, ему ничего, в общем-то, не было. Точно так же, как, допустим, Топоров¹⁴⁴ в Институте славяноведения – с ним там партбюро поговорило, сказали: «Ну ладно, Владимир Николаевич, подписали, и Бог с вами! Сидите мирно и не выступайте!..» То же самое было сделано с Лекомцевым, поскольку он был вьетнамистом. Солнцев тоже вьетнамским интересовался. И вообще, он как-то к Лекомцеву хорошо относился, потому что не считал своим конкурентом. И с ним он тоже провёл профилактическую беседу ...

Но там было несколько писем – и Глазов подписал какое-то самое опасное письмо! Естественно, весь институт, партком был всполошён. А я как раз накануне уехал в Питер в командировку. Секретарем парткома тогда был Игорь Латышев¹⁴⁵, я потом с ним в Париже встречался, в 1973 году, когда был Конгресс¹⁴⁶. Он вполне нормальный такой был тогда, будто бы ничего и не было. А в то время всё было совершенно по-другому. Общее собрание Отдела языков – обсуждается вопрос об антисоветском или антисоциальном поведении Глазова. Народ собирается, приходит Латышев. Оглядывается по сторонам и спрашивает: «Где Софронов?» Солнцев с виноватым видом говорит: «Вы знаете, он вчера уехал в командировку». А Рождественский Юра¹⁴⁷ пришёл – на такие собрания полагалось ходить. Ну, естественно, он голосовал за исключение, отчисление Глазова. Естественно, поскольку он-то был самым крупным диссидентом, больше всех. Правда, ничего не подписывал, хотя ему-то могли даже и предложить. Но он ничего не подписывал.

Вы себе, наверно, не представляете, как выглядел Институт Востоковедения в 1960-е годы! Там были огромные коридоры. Куча народу ходит. Такие группки везде стоят, и во

ИВ АН СССР (1966-1974). В 1974 уехал за границу. С 1988 – профессор и завкафедрой санскрита Страсбургского университета (Франция)

¹⁴³ Видимо, имеется в виду подписание в те годы в СССР правозащитных писем

¹⁴⁴ *Топоров Владимир Николаевич* (1929-2005). Филолог, мифолог, лингвист. Д.филол.н. (1988), академик АН СССР (1990). Окончил филфак МГУ (1951), и аспирантуру того же факультета (1954). Сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР / Института славяноведения РАН (1954). Завсектором структурной типологии. Один из основателей Московско-тартуской семиотической школы. Член редколлегий многих научных журналов и международных научных обществ. Член Академии наук Латвии, Семиотического общества США. Лауреат Госпремии (1990) за участие в работе над энциклопедией «Мифы народов мира» (отказался от премии в знак протеста против политики советского руководства, приведшей к трагическим событиям в Вильнюсе 13 января 1991), премии А.И. Солженицына (1998, первый из тех, кому она была вручена), премии имени Андрея Белого (2003). Награждён высшими наградами Литвы. Автор многих работ по санскриту, балтийским и славянским языкам, мифологии. Вместе с Вячеславом Ивановым создал «теорию основного мифа», выделив в качестве основного сюжета индо-европейской мифологии сюжет борьбы Громовержца со Змеем

¹⁴⁵ *Латышев Игорь Александрович* (1925-2006). Востоковед, японист. Д.и.н. (1967), профессор (1981). Окончил МИВ (1949). Сотрудник ИВ АН СССР / ИВ РАН, завотделом Японии (1966-1987). В 1957-1962, 1973-1979, 1987-1993 – собкор «Правды» в Японии. Автор многих работ по новейшей истории Японии

¹⁴⁶ XXIX Международный конгресс востоковедов

¹⁴⁷ *Рождественский Юрий Владимирович* (1926-1999). Китаевед-лингвист. Д.филол.н. (1970), профессор (1975). Окончил МИВ (1952), преподавал в МГИМО МИД СССР (1952-1959), в 1-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (1961-1971), на филфаке МГУ (с 1971). Завкафедрой общего языкознания (с 1973). Сотрудник ИВ АН СССР (1959-1971)

всех этих группах обсуждают международные и внутривластные проблемы. То есть, очень интересное время было. Сейчас вспоминаю – Бог мой! Сейчас, конечно, этого нет. Но Отдел Китая вообще в этом смысле какой-то был всегда очень угрюмый. В Хохловский переулок¹⁴⁸, как правило, никто не ходил, там были какие-то свои компании. А в Армянском переулке – там, действительно, все были ребята, которые где-то в 1960-м году только в аспирантуру пришли. И, конечно, все, так сказать, «били копытом». Всем хотелось в политику... Конечно, время было такое! Как ни говорите, разгар «оттепели». И все на всё это реагировали, каждый по-своему. В общем, было такое время. Рождественский там проголосовал. Ему было страшно неудобно, он потом ушёл в отпуск, долго пропадал. Потом, когда все это забылось, он вновь появился, и никаких, в общем-то, последствий... Конечно, все прекрасно понимали: получить такие неприятности, в общем-то, не из-за чего.

На самом деле Юра повёл себя, в общем-то, очень неосторожно. Ну, я уж не буду про него говорить, Бог с ним! Потому что я-то его как раз очень хорошо знал. И он очень доверительно со мной всегда беседовал, за исключением последних лет, когда он для себя решил, что, во-первых, бросает востоковедение и переходит на социологию. И выглядело это всё, нужно прямо сказать, довольно глупо, потому что тогда ещё в газете «Вечерняя Москва» писали объявления о разводах. Ну, и там два типа (объявлений): живёт, но не прописана, и – прописана, но не живёт. И вот он сделал какую-то статистику. И, как сейчас помню, созвал всех на свой доклад, и общим выводом был такой: что советская семья – это семья без денотата. Вот, такой у него был вывод.

СД: Денотат – это что такое?

МС: Семья без денотата. Денотат – это содержание некоего термина. Есть денотат, есть сигнификат. Денотат – это прямое содержание, а сигнификат – содержание ассоциативное. Есть «молния» как предмет, а есть «молниеносный» – в смысле «быстрый». «Молния» – это денотат, а «молниеносный» – сигнификат той же самой молнии.

СД: И что с ним потом стало?

МС: Ну, что? В конечном счёте, он потом эмигрировал, поехал в Америку. Как мне потом рассказали, его социология в Америке никому, конечно, не понравилась. Ну, то, что советская семья, это семья без денотата, кому-то может быть и понравилось. Может, сказали: развейте дальше эту мысль. Но как уж бы он её развил, я не знаю. Поэтому там он выступал как индолог. А он, в общем-то, занимался дравидийскими языками. И у него действительно, я видел собственными глазами, были какие-то работы по дравидийской морфологии. Но он рвался в политику. Для него все это было чепуха, он хотел заниматься политикой, он был человек политический. И, конечно, когда он приехал в Штаты, то оказалось, что, по существу, есть возможность только преподавать в колледже. Что преподавать? Ну, конечно, он в несколько университетов ездил с лекциями – что называется, предлагал свои услуги. И мне Станкевич¹⁴⁹ из Йеля сообщил: «Ну, как же,

---

¹⁴⁸ В Хохловском переулке находился Отдел Китая ИВ АН СССР, созданный в 1960 на основе Института китаеведения АН СССР

¹⁴⁹ *Станкевич Эдвард* (Edward Stankiewicz) (1920-2013). Лингвист, структуралист, один из крупнейших западных славистов XX в. Родился в Варшаве, в Польше, там же закончил среднюю школу. В 1939 родители переправили его в г. Львов, где он продолжал обучение в университете. Вся его семья погибла во время Холокоста. После прихода немцев Станкевич попал в гетто, где, благодаря таланту художника, успешно подделывал разного рода справки и документы. В 1943 бежал в Днепропетровск, но был пойман гестапо и отправлен Бухенвальд, где пробыл до конца войны (позже издал книгу воспоминаний о своей жизни во время войны). После войны работал переводчиком в американской армии,

приезжал. Прочёл лекции, но что-то не произвел впечатления, поэтому...» Конечно, у него была мысль пристроиться там по дравидийским языкам. Но американские индологи его, конечно, не восприняли, потому что у него не было нужного образования. Он окончил синьцзянское отделение, по уйгурскому. Немножко знал китайский, в той мере, в какой его давали в синьцзянском отделении. Но дело в том, что потом он забыл и уйгурский, и китайский, и занялся вот этими дравидийскими языками. А потом, когда в СССР началась «оттепель», он, естественно, заинтересовался социологией. Но, пять же, его интересовало разоблачение Советского Союза и критика тоталитарного режима. Вот он избрал эти два предмета, сделал их предметом своего изучения и деятельности. И, в результате, по последним сведениям, которые у меня были, он какое-то время преподавал в колледжах восточную мифологию. Что это такое было, я не знаю. Но, в конечном счёте, он плюнул на всё, пошёл на поклон к Якобсону¹⁵⁰ и сказал: Роман Осипович, выручайте. Якобсон сказал, ну, есть там одно место в Галифаксе. Это, правда, Канада. Но, всё равно, Америка рядом, граница такая прозрачная, можешь в любой момент приехать в Сиэтл. И Юра там застрял. Видимо, он очень переживал. Потому что у него, конечно, была надежда на то, что он сделает там, в Америке, какую-то карьеру – не то научную, не то политическую, что-то такое... Вообще, даже научную карьеру делают люди, если не «пассионарные», то, в принципе, всерьёз увлеченные чем-то, которые согласны потратить время на всё это. Видимо, у Юры этого чего-то для не хватало. Но, он был всё-таки честным человеком.

СД: С языком, наверное, не всё гладко было?

учился в Риме. В 1949 уехал в США, получил диплом Чикагского университета, в 1954 защитил докторскую диссертацию в Гарварде. В 1971-1991 – профессор славянских языков и литератур в Йельском университете

¹⁵⁰ *Якобсон Роман Осипович* (Roman Jakobson, 1896-1982). Филолог-лингвист, структуралист, литературовед. Окончил Лазаревский институт восточных языков (1914), Московский университет (1918). В 1915 стал одним из основателей Московского лингвистического кружка, был его председателем до 1920. Работал в Московском университете (1918-1920). Дружил с Маяковским. В феврале 1920 уехал в Таллинн в качестве сотрудника РОСТА, оттуда в июле того же года – в Прагу, переводчиком миссии Красного Креста. До 1928 работал в советском полпредстве (с 1923 – заведующий бюро печати), подозревался властями в шпионаже в пользу СССР. В 1926 стал одним из основателей Пражского лингвистического кружка – одного из важнейших центров мирового структурализма, был его вице-президентом. В 1930 защитил докторскую диссертацию о сербско-хорватском стихосложении в Немецком университете Карла-Фердинанда (немецкая часть Карлова университета) в Праге. В 1931 переехал в Брно, преподавал русскую филологию и древнечешскую литературу в Масариковом университете. В 1937 получил чешское гражданство. В 1930-е входил в круг евразийцев. В 1939 уехал в Данию, затем в Норвегию. В апреле 1940 бежал в Швецию. Весной 1941 отплыл в США. Преподавал в Колумбийском университете (1943-1946), в 1944 стал одним из основателей Нью-Йоркского лингвистического кружка и его журнала «Word». В 1946-1949 работал на кафедре чехословаковедения Колумбийского университета, которую был вынужден покинуть из-за обвинений в прокоммунистических взглядах (причиной стало опровержение им гипотезы Андре Мазона о поддельности «Слова о полку Игореве»). Профессор славянских языков и литературы в Гарварде (1949-1965), профессор Массачусетского технологического института (с 1957). Гражданин США (1952). В 1959 основал журнал «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», стал его главредом. Поддерживал хорошие отношения с советской наукой, часто бывал в СССР, был своего рода связующим звеном между советскими и западными учёными. Член десятков научных обществ. В 1956 возглавлял Лингвистическое общество Америки

МС: Нет, с английским у него всё было более менее в порядке. Но для того, чтобы говорить на английском, как англичанин, или хотя бы как американец... На самом деле, различие культуры (обычно) бросается в глаза. И мы иностранцам легко прощаем это различие. В то время как они менее снисходительно относятся к людям, которые не в курсе. В Америке в этом смысле легче, потому что там кругом люди, которые, честно говоря, ни к какой культуре не принадлежат. И, фактически, они живут современной культурой. Весь язык там состоит из цитат и рекламы. Я собственными ушами слышал, как кто-то говорит «Handy Andy», хотя я подумал, Боже мой, какая пошлость – упоминать названия универмагов¹⁵¹. Всё равно, как сказать: «Ну, ты у нас, братец, прямо Мосторг!» По нашим представлениям, подобного рода вещи человеку мало-мальски образованному не полагаются. То есть, мы знаем, что это значит. Но люди с университетским образованием уже подобные шутки себе не позволяют. А у них там это всё совершенно спокойно. Уж не говорю о высказываниях телевизионных ведущих и ещё каких-то деятелей, которые тоже имеют свои особенности речи. Это то, что называется современная культура. А мы ещё выросли на книжной культуре. И современную не то, чтобы отвергали, но считали, что это в общем-то не для нас. Конечно, где-то люди менее образованные такого рода шутки себе позволяли. Более того, это обычные шутки того времени, для того круга. Но у нас считалось, что это нехорошо. Я уже довольно сильно оторвался по возрасту, поэтому не знаю, как всё это выглядит теперь. Но я по своему Фёдору¹⁵² смотрю и вижу: в общем, всё тоже как-то ещё в таком духе. У них больше свободы. Но всё равно, конечно, от его друзей я подобного рода высказываний не слышу. И когда иностранец сюда приходит и говорит на английском, но не на том английском, на котором говорим мы... Конечно, человек лет пять поживет, освоится. Более того, я был там, в Америке, два раза, и фактически кое-что начал понимать. Правда, я не стремился усваивать культуру, меня это не интересовало. Считал, что с меня хватит и того, что есть. Хотя наиболее примечательные вещи очень интересны, но приступать к аккультурации, как это называется в этнографии, я не стал. Ни к чему это.

Так что, видите, ни на один Ваш вопрос я не толком не ответил.

СД: Нет, ничего! Тут у меня есть некий список вопросов, и мы так или иначе затронули все. Правда, все сразу, а не по порядку, но это не страшно. Очень интересно! У историков есть своя мифология (в отношении советской науки). Например, про сионистское движение, про участие в нём Рубина...¹⁵³

---

¹⁵¹ Handy Andy – сеть супермаркетов, основанная в 1920-х в Майами. В 1970-х была крайне распространена в Техасе (особенно в г. Сан-Антонио). Не исключено, что упоминаемый фразеологизм не связан непосредственно с этой торговой сетью – выражение довольно широко используется для обозначения ловкого, умелого человека. Было снято два фильма с этим названием (в 1921 и в 1934), есть несколько одноимённых торговых марок (преимущественно в сфере строительства, строительных инструментов)

¹⁵² Софронов Фёдор Михайлович (р. 1971) – сын М.В. Софронова. Композитор, кандидат искусствоведения, преподаватель МГК им. П.И. Чайковского

¹⁵³ Рубин Виталий Аронович (1923-1981). Китаевед-историк, философ. Родился в Москве, в семье философа Арона Ильича Рубина (1888-1961). В 1951 окончил исторический факультет МГУ, специализировался по древней истории Китая. В 1951-1952 преподавал в Новочеркасском инженерно-механическом институте русский язык обучающимся там китайским студентам. В 1953-1968 работал референтом в ФБОН, в 1968-1972 – в ИВ АН СССР. В 1960 защитил кандидатскую диссертацию по *Цзо чжуани*. Участник диссидентского движения, член первого состава Московской Хельсинской группы. В 1972 подал документы на выезд в Израиль, но получил разрешение лишь в 1976. В 1976-1981 – профессор Иерусалимского университета, преподавал историю китайской философии и политической мысли. Погиб в автокатастрофе

МС: Рубина я тоже хорошо знаю. По правде говоря, он был на периферии китаистики, потому что он был не «университетский». Не знаю, что он кончал. Но если он и кончил университет, то не по китайскому отделению. С языком у него было неизвестно как, и он, конечно, ориентировался на англоязычные источники. Естественно, Рубин их неплохо проработал. И, собственно говоря, мы-то чувствуем, что пишет человек без языка, по английским переводам. Это чувствуется, я не могу сказать конкретнее, как, но чувствуется. У него маленькая книжка про Конфуция была¹⁵⁴, я прочитал её и понял, что он, что называется, «не наш» человек. Что он занимается Китаем, но сам он не китаист. Хотя мы были знакомы, здоровались но, конечно, никаких особых, да и вовсе никаких отношений у нас не было.

Причём интересно – прихожу я однажды в отдел ЦК, с Титаренко¹⁵⁵ мы разговариваем на всякие темы. А он тогда был референтом, занимал самую такую простую должность в отделе. Спрашивает: «Читали ли Вы книжку Рубина?» – «Читал, конечно, – говорю. «И как вам, понравилась?» «Вы знаете, хорошая книжка... (как вежливый человек говорю). Конечно, там есть какие-то замечания, но в целом книжка заслуживает хорошей оценки». Ну, ладно, распрощались, и я понял, что это был конец моей цековской карьеры. Потому что либо он сделал мне проверочный вопрос, либо, если бы я разразился гневной речью по отношению к Рубину, он бы предложил написать рецензию, что-то такое. А поскольку я предложил такой «среднеинтеллигентский» ответ, то я, короче говоря, не прошёл экзамен.

Справки для ЦК я конечно писал, всё было. Поймите, это рабочие дела. Когда они делали большие справки для большого начальства, там обязательно входили такие вещи, как язык, письменность, реформа письменности. Потому что по реформе письменности, как бы сказать, это была проблема, связанная с индексом участия Мао Цзэ-дуна в делах. Потому что, на самом деле, делами по реформе письменности занимался лично Мао Цзэ-дун. Кстати, когда в 1973 или 1974 году был восстановлен комитет по реформе письменности, он стал первым государственным учреждением, которое было восстановлено после «культурной революции». И на его открытии после восстановления присутствовал лично Мао Цзэ-дун. Так что. Вы не думайте... У меня всё это было расписано.

СД: В это время речь уже шла только об упрощении знаков?

МС: Это всё прошло через Мао Цзэ-дуна, и он несколько раз давал направления реформам. Он сначала обещал. У меня все это написано в «Языке и обществе»¹⁵⁶. Как раз там все эти перипетии, они проходили под личным руководством Мао Цзэ-дуна. Более того, с момента провозглашения КНР у него было твёрдое намерение перейти к алфавиту. И когда в «Новой народной демократии»¹⁵⁷ он сделал такую вставку... Первоначальный проект подразумевал, что китайская письменность должна быть реформирована, китайский национальный язык должен быть приближен к народу (это в смысле *путунхуа*). «При известных условиях» – там было приписано. И китайская интеллигенция твёрдо считала, что «известные условия» – это провозглашение КНР, и поэтому У Юй-чжан¹⁵⁸...

¹⁵⁴ Рубин В.А. Идеология и культура Древнего Китая: четыре силуэта. М., 1970

¹⁵⁵ Титаренко Михаил Леонтьевич (1934 г.р.). Китаевед, д.филос.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (с 1985). Лауреат государственной премии РФ (2011). Участник проекта «Китаеведение – устная история»

¹⁵⁶ Софронов М. В. Китайский язык и китайское общество. М., 1979

¹⁵⁷ Имеется ввиду работа «О новой демократии» (Синь миньчжу-чжуи лунь 新民主主義論) 1940 г. Русский перевод см. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 1-4. М., 1953. Т.3. С.199-276

¹⁵⁸ У Юй-чжан 吳玉章 (1878-1966). Партийный деятель, организатор науки. Уроженец пров. Сычуань. В 1903 выехал на учёбу в Японию, где в 1905 вступил в основанный Сунь

Не случайно, в октябре нужно провозглашать КНР, а в августе он собирает съезд по реформе китайской письменности. И в августе 1949 года решилась судьба этой реформы. Не случайно – Вы, наверно, не обратили внимания – сообщения о том, что образована КНР, и о том, что организован комитет по реформе письменности, появились в наших газетах одновременно.

Наши историки никогда не интересуются культурой. А ведь реформа письменности – это культурный индикатор, который всегда указывает на роль Мао Цзэ-дуна в политическом процессе Китая. Как только роль Мао снижается, работа свертывается. Как только роль Мао Цзэ-дуна повышается, работа возрождается. Об этом у меня написана большая статья, опубликована в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹⁵⁹.

Понимаете, китаистика – это большая и сложная проблема. Я занимался реформой письменности. И поскольку я был в Институте Дальнего Востока, я не мог уклоняться от политических аспектов, а политический аспект – налицо.

СД: А когда Вы перешли в Институт Дальнего Востока?

МС: В 1970-м году. Сразу после защиты я перешёл туда, и Конрад просил Сладковского¹⁶⁰ меня пристроить, чтобы убрать меня от Солнцева. Потому что Солнцев подвел бы меня под монастырь, наверняка... Это уж я не буду рассказывать. И в Институте Дальнего Востока работал с 1970 по 1994 год. По существу, почти что полную службу в 25 лет без малого. Года не хватило до полной выслуги.

Ят-сеном революционный союз Тунмэнхой 同盟會. В 1911 вернулся на родину, активно включился в политическую жизнь. После Учанского восстания 1911 участвовал в работе Временного республиканского правительства в Нанкине. В 1922-1924 возглавлял Чэндуское высшее педагогическое училище (ныне Сычуаньский университет). Член КПК с 1925. В 1927 уехал в СССР, где учился и преподавал. В 1935, по поручению КПК, отправился во Францию, где отвечал за выпуск газеты КПК «Национальное спасение» (*Цзю-го ши-бао* 救國時報) (издавалась в 1935-1938). В 1938 вернулся в Китай, в 1939 прибыл в Яньань, стал членом Яньаньской конституционной ассоциации (Яньань сяньчжэн цуйцинь-хуэй 延安憲政促進會) и Общества новой письменности Пограничного района Шэнсьи, Ганьсу и Нинся (Шэнь-Гань-Нин бяньци синь вэньцзы сехуй 陝甘寧邊區新文字協會), возглавил Институт искусств имени Лу Сюня (Лу Сюнь ишу сюэюань 魯迅藝術學院) и Яньаньский университет, стал главой Комитета культуры правительства Пограничного района Шэнсьи, Ганьсу и Нинся (Шэнь-Гань-Нин бяньци чжэнфу вэньхуа вэйюань-хуэй 陝甘寧邊區政府文化委員會). В 1945 стал секретарем комитета КПК провинции Сычуань. В 1948 возглавил Северокитайский университет (Хуабэй дасюэ 華北大學). В декабре 1949 возглавил Китайский народный университет, созданный на базе Северокитайского университета и призванный стать главным университетом нового Китая. Был председателем Всекитайского комитета по реформе письменности (Цюаньго вэньцзы-гайгэ вэйюань-хуэй 全國文字改革委員會), созданного по его личной инициативе. С 1955 – член комитета философии и общественных наук Китайской академии наук. В 1956 возглавил работу над разработкой фонетического алфавита *пиньинь*

¹⁵⁹ Софронов М.В. Лингвистические проблемы китайской обществу. // Проблемы Дальнего Востока. 1972, №1

¹⁶⁰ Сладковский Михаил Иосифович (1906-1985). Китаевед, экономист, историк. Д.э.н. (1958), профессор (1961), членкор АН СССР (1972). В 1930 окончил восточный факультет ДВГУ. В 1928 – 1961 работал в Министерстве внешней торговли СССР, с 1943 – заведовал восточным управлением этого министерства. В 1926 преподавал в Шанхайском университете, в 1951-1958 – в Академии (Институте) внешней торговли МВТ СССР, в 1951-1954 – в МИВе и МГИМО МИД СССР. Сотрудник Института китаеведения АН СССР (1957-1961). Торгпред в КНР (1961-1965). Директор ИДВ АН СССР (1967-1985)

СД: А записки в ЦК? Это Вам было самому интересно, или это было рекомендовано по дисциплине?

МС: Нет, ну это уж слишком. На самом деле я туда пришёл по вызову Титаренко. То ли я принёс какую-то справку... Я помню этот разговор: «Мы сейчас готовим какую-то справку, и Ваша часть могла бы украсить»... Украсить – пожалуйста, я вам украшу! И действительно, я всё это дело принёс, рассказал. А он мне – тот самый вопрос на засыпку!

СД: А дальнейшее развитие истории с Рубиным?

МС: Поймите, меня это, честно говоря, не интересовало. Я с Рубиным был знаком поверхностно. Для меня он был человеком неинтересным. Вот Таскин¹⁶¹ мне был интересен, Мордвинов¹⁶² мне был интересен. Потому что, действительно, это были люди,

---

¹⁶¹ *Таскин Всеволод Сергеевич* (1917-1995). Китаевед, переводчик. К.и.н. (1968). В 1919 выехал с родителями в Маньчжурию, в эмиграцию. В 1933 окончил гимназию при Педагогическом институте в Харбине, поступил на Восточно-экономическое отделение Юридического факультета Харбинского Восточного института (окончил в 1937). Работал в Отделе контроля Харбинского пошленного бюро (1937-1941), затем на Харбинской фанерной фабрике (1941-1945), активно изучал японский язык. В 1945-1947 был переводчиком на КВЖД, переводил для Харбинского корпункта ТАСС. В 1947-1950 – переводчик в Отделении Торгпредства СССР, затем в юридическом отделе Акционерной компании «И.Я. Чурин и К°» (затем – Китайская государственная компания «Чурин»), был переводчиком-референтом в канцелярии Главного директора. В 1954 с семьёй выехал в СССР, в 1954-1955 работал диспетчером автопарка МТС им. А.С. Пушкина в Северном Казахстане. В 1955 переехал в Московскую обл., устроился внештатным редактором в Гослитиздат. Сотрудник Института китаеведения АН СССР (1957-1961), сотрудник ИВ АН СССР (с 1961). Один из лучших знатоков китайского языка среди советских китаеведов, автор многочисленных и до сих пор востребованных переводов китайских исторических источников (прежде всего – по истории кочевых народов)

¹⁶² *Мордвинов Георгий Иванович* (1896-1966), военный деятель, разведчик. С 1915 – в русской действующей армии. С 1917 – участник гражданской войны, с 1918 – работник Забайкальской ЧК в Чите. После падения советской власти в Чите создал партизанский отряд, в 1920 командовал 1-й Амурской кавалерийской бригадой, руководил разведкой фронта. С конца 1921 – комиссар Особого Амурского полка, в 1922 создавал корейские и китайские партизанские отряды в японском тылу. В 1922-1929 работал на командных должностях в погранвойсках и в органах ГПУ. В 1926-1929 – комендант Отдельной погранкомендатуры и начальник Феодосийско-Судакского отдела ОГПУ в Крыму. В 1929 поступил на китайский факультет Института востоковедения, но в декабре 1929 отозван с учёбы и направлен по линии внешней разведки в Монголию, а затем в Китай. Вернулся в 1935, сдал выпускные экзамены в Институте востоковедения и был послан на учёбу на китайской отделение истфака Института красной профессуры. В 1937 написал рапорт на имя Ежова, где высказывался против ареста одного из сотрудников НКВД, был уволен из органов. После окончания Института Красной профессуры в 1938 работал в Исполкоме Коминтерна (до 1940; руководил восточным сектором). В годы войны призван в 4-е управление НКВД, занимался формированием партизанских отрядов в немецком тылу. В октябре 1941 командирован в Турцию, в 1942 арестован турецкими властями, приговорён к 16 годам тюрьмы. Вернулся в СССР в 1944, работал в центральном аппарате разведки. В октябре 1944 – мае 1945 находился с заданием в немецком тылу. Затем занимал пост начальника разведотдела МГБ по Читинской обл., руководил разведкой в Маньчжурии. С декабря 1945 – зам. управляющего Китайско-Чанчуньской железной дорогой (КВЖД). В 1949 вышел в отставку. Сотрудник ИВ АН СССР (1952-1957). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве

которые что-то видели, это были «первоисточники». А переводы Конфуция на английский язык... меня, честно говоря, никогда не интересовали. Не потому, что я всё это прочел по-китайски. Так или иначе, всё равно в виде маленьких цитат всё это набралось довольно быстро. Как это всё устроено, сам ход мышления более понятен. На самом деле каждый перевод, это перевод не только с языка на язык, но и с культуры на культуру. Думаю, Вы не хуже меня это знаете. И когда того же Конфуция переводят на английский язык, то естественно там есть своя перекодировка...

Не думайте, что наша тоталитарная жизнь была столь примитивна. На самом деле это всё в общем-то вполне стройная и в своем смысле законченная система. Другое дело, что, как всегда, человеческий фактор сыграл свою роль и, видимо, люди, материально ориентированные, или ориентированные на деньги и материальные блага, всегда выигрывают у всех остальных. Люди, ориентированные на богатство, богатства всегда достигают, со всеми вытекающими последствиями. Я это всё наблюдал, это всё у меня на глазах происходило. Институт Дальнего Востока... (да и ИВАН, хотя ИВАН меньше) был более интересен, потому что там собирались люди, уже послужившие. Потому что там во главе стоял такой человек, как Сладковский. У него были друзья, которые вели китайские дела на уровне Политбюро, принимали участие в переговорах, вернее разговорах с Мао Цзэ-дуном, начиная с 1945 года. Они, конечно, раньше через Власова¹⁶³ что-то там такое доставали, но потом была постоянная личная связь. И даже Федоренко¹⁶⁴ занимался этим по дипломатической части. А были там люди, которые в Яньани всё время сидели, было там много народу. Был там такой Юрченко¹⁶⁵, он хвастался, что учил Цзян Цин¹⁶⁶

---

¹⁶³ *Парфенович Власов (Владимиров) Пётр* (1905-1953), разведчик, журналист и дипломат. Родился в Воронежской губернии, работал учеником слесаря на Воронежском заводе сельскохозяйственных орудий, слесарем на паровозоремонтном заводе в Тихорецке. Учился в авиационном училище, но был отчислен по состоянию здоровья. В 1937 закончил китайское отделение МИВ, поступил на работу в Разведуправление РККА. В 1938 – корреспондент ТАСС в Китае, в 1942-1945 – военный корреспондент ТАСС в особом районе Яньань, связной Коминтерна при КПК. С 1946 – на работе в МИД СССР, в 1948-1951 – генконсул в Шанхае. В мае 1952 назначен Чрезвычайным и полномочным послом в Бирме, но скончался, не успев приступить к обязанностям. Отец олимпийского чемпиона по тяжелой атлетике, публициста и политика Юрия Власова (р. 1935), который в 1973 опубликовал на основе дневников отца книгу «Особый район Китая. 1942-1945»

¹⁶⁴ *Федоренко Николай Трофимович* (1912-2000). Китаевед. Д.филол.н. (1943), профессор (1953), членкор АН СССР (1958). Окончил МИВ (1934). Служил в МИД СССР (1939-1968), Чрезвычайный и полномочный посол СССР (1954). Замминистра иностранных дел (1955-1958), сотрудник посольства СССР в Китае (1940-1948, 1950-1952), посол СССР в Японии (1958–1962), постоянный представитель СССР при ООН и СБ ООН (1963-1968). Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1967). Главред журнала «Иностранная литература» (1970-1988). Член Союза писателей СССР (с 1970)

¹⁶⁵ *Юрченко Игорь Васильевич* (Южин, Ю Жэнь 1913-?), разведчик. Родился в семье служащих, с 1930 – в РККА, с 1932 член ВКП(б). В 1933 окончил кавалерийскую школу, в 1933-1937 – командир 27-го отдельного кавалерийского взвода Киевского укрепрайона. В 1937-1940 учился на специальном факультете Военной академии им. М.В. Фрунзе. С 1940 – в Разведуправлении РККА. В 1940-1943 – корреспондент ТАСС, военный советник и разведчик в Яньани. После отставки служил в ИДВ АН СССР

¹⁶⁶ *Цзян Цин* 江青 (при рождении – Ли Шу-мэн 李淑蒙, 1914-1991). Актриса, жена Мао Цзэ-дуна. Родилась в пр. Шаньдун. С 16 лет – в актёрской труппе, член КПК с 1933. Снималась в кино. С 1938 – в Яньани, где в 1939 стала женой Мао. В середине 1950-х стала министром культуры, пропагандировала новое революционное искусство и боролась с традиционной культурой. В 1966 стала одним из инициаторов «культурной революции». Член Политбюро КПК (с 1969). Через месяц после смерти Мао, 6.10.1976, арестована как

верховой езде. Он был такой кавалерист. Хотя что он там делал, большой вопрос. Но, во всяком случае, такие люди там были. Это были лица, личности.

СД: Поэтому у нас иногда на ИДВ иногда смотрели несколько свысока. Мол, мы тут занимаемся наукой, а они там – политикой.

МС: Они делали то, что от них ожидали. Я видел другую сторону. Мало ли, кто там что пишет, где печатает, читает ли это кто-нибудь – никого не интересуется. Есть ещё сам человек. Это очень распространенная ошибка: если человек пишет агитационные материалы, это значит, что он какой-то такой... Есть и такие, конечно. Вот Мясников Володя¹⁶⁷ меня поразил. Он был действительно религиозен. Для него советская власть и коммунизм были религией, это любопытно. Потому что другие считали, что это наша работа такая. Как надо, так и написали. Они были людьми служащими. Ими сказали написать – они написали.

Все меняется. Я застал ещё то поколение, дальше поколение сменилось. Там были совсем другие люди. И в ИВАНе публика была такая... я когда в 1954 году пришёл, то сразу почувствовал, что дух здесь такой, что вроде бы и наука, но и видно, что вокруг люди, которые прошли некую школу, либо дипломатическую, либо военную. Это интересно, потому что когда я приходил в Институт языкознания, то чувствовал себя как в «учительской» на практике. Только там были преподаватели иностранных языков. А тут было всё другое. И поэтому, сравнивая общий дух институтов, конечно, я мог только констатировать большое различие. У меня ни разу не возникло желания жить в такой большой «учительской». И отношение, правда, тоже можно сказать, что отношение как в канцелярии.

СД: Вы хорошо знали Конрада?

МС: Да, уже после моего приезда в Москву мы много общались. Помню один случай. Я принёс ему свои какие-то первые выкладки по тангутскому, и что-то ему сказал: дескать, тема такая академическая, и Невский был в Академии наук... А он так на меня посмотрел... Он был очень мягкий человек, но в нужный момент взгляд был совершенно другой. Он на меня так посмотрел, и сказал: «И не думайте, в Академию Наук Вы за эту работу не пройдёте». Я говорю, ну что Вы, Николай Иосифович, мне бы диссертацию защитить, какая академия?.. В общем, он воспринял это как косвенную просьбу, чтобы он меня провёл в академики. Он к этому привык, потому что все приходили и просились в академики. Поэтому он и меня понял таким образом. В дальнейшем отношения наши улучшались, потому что старик, конечно, скучал в последние годы. И ему было приятно поговорить со мной на петербургские темы, потому что я застал его старых товарищей. Он же в 1941 году выбыл из Питера, и уже в Питер не вернулся. Он рассказывал, что освободился в 1941 году, то ли за месяц, то ли за несколько дней до начала войны... что вернулся с Урала из лагеря и пошёл в Институт языкознания, чтобы деньги получить, потому что денег-то нет, а ему за звание платят независимо ни от чего. И его, конечно, интересовало, можно ли за времена его отсидки всё это получить. Как рассказывал

член т.н. «банды четырёх», которых обвинили в попытке захвата власти и назвали виновниками многих преступлений эпохи Мао. В 1982 приговорена к пожизненному заключению, освобождена в 1991. Повесилась в больнице

¹⁶⁷ Мясников Владимир Степанович (1931, м.р.Москва). Востоковед, китаевед, д.и.н. (1978), профессор (1982), академик РАН (1997). Специалист по истории российско-китайских отношений, истории внешней политики, исторической биографии. Советник РАН, заместитель академика-секретаря Бюро Отделения истории РАН, председатель редколлегии научной серии «Научное наследие» РАН. Заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. Автор около 500 научных публикаций

Конрад, он пришёл к Петросянк¹⁶⁸, который никакого отношения не имел к востоковедению, и его карьера кончилась тем, что он был директором музея Калинина¹⁶⁹. Конрад пошёл к нему, и тот сказал: «Ну как же, как же!» Куда-то пошёл и какие-то деньги ему дал.

Естественно, родни у Конрада – никакой, но знакомых было полно. И они нашли, где переночевать какое-то время. И его сразу же зачислили в Институт Востоковедения¹⁷⁰. Не знаю, был ли он заведующим. Скорее всего, был профессором на какой-то кафедре, типа японской, и он поехал в эвакуацию вместе с Ошаниными. И тут (вспоминая об этом) Конрад не удержался от такого укола. По его словам, Ошанин¹⁷¹ всё время держал в руках книгу «Grammata serica»¹⁷², она же 1940-го года, только что вышла. И он переводил название этой книги как «Грамматика китайского языка в сериях». А это же просто «китайская письменность», греческий, множественное число. Но Ошанин был в греческом не силён, поэтому воспринимал это название именно таким образом, И эти замечания Карлгрена по поводу того, что один и тот же фонетик, но разные чтения. Ошанин считал, что это и есть грамматика древнекитайского языка. И, кстати сказать, это вполне естественная мысль, если говорить всерьёз. Потому что, на самом деле, до сих пор даже авторитеты в этой области считают, что это результат – вернее, следы какой-то внутренней инверсии. Другое дело, что это очень плохо сохранилось. К тому же эти иероглифы делались не в одном месте, а в разных местах, и не в одно время. Поэтому как в идее, конечно, ничего страшного в этом нет. Другое дело, что нужно было понять, почему Ошанин именно так думал. Он думал-то абсолютно правильно. Он думал, что факт такой, что фонетический знак один и тот же, а иероглиф читается по-разному. Более того, смысл тоже иногда сходен, иногда нет. Поэтому он говорил, что если и смысл сходен, и значения различны, то всё в порядке. Он, видимо, был знаком с работой Карлгрена «Word families»¹⁷³, в которой речь идёт как раз об этом. Другое дело, что он не понял, что такое «Grammata», что это множественное число от этой самой ұра́мца – буква.

---

¹⁶⁸ *Петросян Вартан Аветович* (1895-1968), партийный деятель. Член РСДРП с 1917. Участник борьбы за советскую власть в Нагорном Карабахе. С 1920 – на партийной работе, в 1926-1930 – в аппарате ЦК ВКП(б). В 1933 окончил Институт красной профессуры. В 1933-1934 – заведующий сельхозотделом Средазбюро ЦК ВКП(б). В 1936-1947 – директор Института языка и письменности народов СССР, с 1948 – директор Музея М. Калинина в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище

¹⁶⁹ Государственный Музей М.И. Калинина был открыт в 1950, недалеко от приёмной Калинина, на пр. Маркса, 21 (ныне – Моховая, 6). Закрыт в 1990

¹⁷⁰ Московский институт востоковедения, существовал в 1920-1954. В 1927 поглотил Лазаревский институт восточных языков, получил его здание (Армянский переулок, 2 – ныне здание Посольства Армении) и стал основным востоковедным ВУЗом Москвы. Некоторое время носил имя Н.Н. Нариманова (1870-1925) – азербайджанского писателя, большевика, председателя ЦИК СССР (с 1922). Слит с МГИМО МИД СССР

¹⁷¹ *Ошанин Илья Михайлович* (1900-1982). Китаевед-лингвист. Окончил МИВ (1924). Д.филол.н. (1947), профессор (1948). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии *Фэн Юй-сяна* (1924-1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933-1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931-1942), ВИИЯ (1942-1957), ВДШ МИД СССР (1939-1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор 4-томного Большого китайско-русского словаря (М., 1976-1978). Лауреат Государственной премии СССР (1982)

¹⁷² *Karlgren B. Grammata Serica, Script and Phonetics in Chinese and Sino-Japanese.// The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1940*

¹⁷³ *Karlgren B. Word Families in Chinese. // The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1933*

СД: Думаю, что если опросить десять китаистов, то девять из них скажут, что это переводится как китайская грамматика, или что-то в этом духе.

МС: Понимаете, есть *морфема* – *морфемата*, то же самое *грамма* – *граммата*. Я считаю, что фактически Конрад подметил только одно, что Илья Михайлович греческого не знал, а приличные образованные люди греческий язык должны знать. Конечно, мы не знаем, какую Ошанин гимназию окончил. Но поскольку он был человек очень благородного происхождения, из Бархатной книги¹⁷⁴ – это серьёзное дело. В какой гимназии он учился, так и осталось неизвестным. Но, во всяком случае, греческий он точно не выучил. И, конечно, Конрад, как человек тщательный, заметил эту погрешность. Я ещё помню, как в английских работах писали не *morphemes*, а *morphemata*, потому что греческое слово. Это должно было означать, что человек кое-где учился и кое-что знает. Я не думаю, что Конрад хорошо знал латынь и греческий, не производил он такого впечатления. Но замечать такие вещи он любил.

Видите, со стороны Ошанина это была, в общем, ошибка не по существу. Он просто не понял. Видимо, если и учил греческий, то выше «тройки» не поднимался. Хотя, если он учился в гимназии, то как по-гречески будет «буква» он должен был знать. Но, как видите, судьба его сложилась довольно счастливо, ему очень крупно повезло. И я на протяжении десяти лет был свидетелем его работы, общался с ним регулярно. Я, честно скажу, был к нему несправедлив, из-за того, что он не воспринял структурную лингвистику. Хотя мне он был знаком, и он уважал меня, как структурного лингвиста. Более того, он своему зятю¹⁷⁵ даже рассказывал, что появилась такая структурная лингвистика, и занимаются ею весьма нахальные молодые люди. Я помню, появился такой рассказ, о том как летит ракета, а за рулём – там был такой стишок – «за рулём этой ракеты структуральнейший лингвист»¹⁷⁶. Тогда это действительно было в большой моде. Все считали, что с классической лингвистикой покончено, и лингвистика будущего – это семантическая лингвистика. Но я по этому пути не пошёл. Меня интересовал конкретный язык, и когда появилась возможность заняться тангутами, я, конечно, тут же на это пошёл, потому что это была новая область, где я не был стеснён.

СД: А Вы занялись этим в аспирантуре?

МС: Нет, в аспирантуре я написал работу, даже не по совету Драгунова, а по своему разумению. Драгунов просто согласился... Понимаете, я к нему поступил в аспирантуру за полгода до его смерти. И он, в общем, не очень хотел со мной связываться, потому что считал, что его наследником является Яхонтов. Но раз человек хочет, ему интересно, тем более, его старый студент – он и согласился... Но потом Драгунов увлёкся. Потому что я начал задавать ему вопросы, которые его самого интересовали. Помню, когда я уже был в

---

¹⁷⁴ Рода Ошаниных в «Бархатной книге» нет. Но он входил в число первейших дворянских родов допетровской Руси, происходит от выходца из Венеции, около середины XIV в. прибывшего в Москву и принявшего православие. Василий Фёдорович Ошанин (ум. 1582) был ясельничим, Андрей Леонтьевич – воеводой в Енисейске (1624-1627). Род Ошаниных внесён в VI часть родословных книг Московской, Рязанской, Владимирской, Симбирской и Ярославской губерний

¹⁷⁵ Дочь Ильи Михайловича, Елена Ильинична, первым браком была замужем за китаистом-филологом Дмитрием Николаевичем Воскресенским (1926–2017), вторым – за писателем-фантастом Аркадием Натановичем Стругацким (1925-1991)

¹⁷⁶ См. рассказ Аркадия и Бориса Стругацких «Попытка к бегству», опубликованный в 1962 г. «Структуральнейшему лингвисту» там посвящено несколько четверостиший, из которых ближе всего к упомянутому «Всё от ужаса рыдает / И дрожит как банный лист! / Кораблём повелевает / Структуральнейший лингвист». Популярность структуральной лингвистики привела к тому, что в студенческой и научной среде появилось почти бесконечное количество подражаний этим лихим стихам.

Китае, смешно сказать, был разговор втроём. Разговаривали трое: Ло Чан-пэй¹⁷⁷, Люй Шу-сян¹⁷⁸ и я. Согласитесь, это комически звучит, но так и было. Это был где-то май-июнь 1955 года. Они (пришли) вдвоём, поскольку им было интересно о советском языкознании что-то узнать непосредственно. Я пил с ними чай. И вот, они спрашивают: «А о чём Вы разговариваете с Драгуновым?» Я им говорю «Вы знаете, темами наших последних бесед были префиксы в сино-тибетских языках». Они так вытаращили на меня глаза: «Как? Префиксы? Так что же он считает?» Я рассказал им, что он считает. На самом деле, это проблема очень любопытная, важная для всего сино-тибетского языкознания. И для них это прозвучало очень весомо, что мы занимаемся не чепухой всякой, а у нас идут обсуждения на уровне сино-тибетского языкознания в целом. Я им сказал, что сейчас, конечно, нет, но раньше префиксы были везде. В прото-сино-тибетском языке, конечно, какая-то префиксация существовала. Дал понять, что там, в СССР, не просто баловство какое-то – сидят какие-то полуграмотные люди и смотрят, есть такое слово в китайском языке или нет. Или даже – «есть в китайском языке грамматика или в китайском языке нет». А изучается серьёзная вещь, которой в 1930-е годы занимались единицы.

СД: Но Вы же писали диссертацию по среднекитайскому?...

МС: Понимаете, моя ситуация была такова, что мне нужно было защитить диссертацию, иначе я оказывался в очень сложном положении жизненном. Потому что из

---

¹⁷⁷ *Ло Чан-пэй* (羅常培, 1899-1958), лингвист, фонолог, один из первых исследователей китайских диалектов и языков национальных меньшинств Китая, специалист по истории китайского языка. Родился в маньчжурской семье, окончил Пекинский университет (1921), преподавал в средней школе в Тяньцзине. В 1926-1928 преподавал в Сианьском университете, а также в университете Сямэнь и университете Сунь Ят-сена (Чжуншань дасюэ) в Хуанчжоу. С 1929 – сотрудник Института истории и филологии *Лиши юйянь яньцзю-со* 歷史語言研究所 Академии Синика. В 1934-1937 преподавал в Пекинском университете, затем – во Временном университете в Чанша (*Чанша линши дасюэ* 長沙臨時大學), который объединил крупнейшие университеты страны «в изгнании». Вскоре перебрался в Юньнань, преподавал в Юго-Западном объединенном университете (*Си-Нань лянхэ дасюэ* 西南聯合大學). В 1944-1948 учился в США, после возвращения преподавал в Пекинском университете. В 1950 был одним из создателей Института языка (*Юйянь яньцзю-со* 語言研究所) Китайской академии наук (впоследствии передан в КАОН), был первым директором института. Член НПКСК, ВСНП, Китайского комитета по реформе письменности

¹⁷⁸ *Люй Шу-сян* (吕叔湘, 1904-1998), лингвист, один из создателей современной китайской лингвистики. Родился в пров. Цзянсу. В 1926 окончил Государственный центральный университет (*Го-ли Чжунъян дасюэ* 國立中央大學) в Нанкине, преподавал в средних школах в Даньяне и Сучжоу. В 1936-1938 учился в Англии (отделение антропологии Оксфордского университета и отделение библиотечного дела Лондонского университета). После возвращения преподавал в Юго-Западном объединенном университете в Юньнани, Объединённом университете Хуаси (*Хуаси сехэ дасюэ* 華西協合大學), университете Цзиньлин 金陵大學 в Сычуани. После войны преподавал в Государственном центральном университете, в Университете Цинхуа (1950-1952). С 1952 работал в Институте языка Китайской академии наук. С 1956 работал в группе по составлению «Словаря современного китайского языка» (*Сяндай ханьюй цыдянь* 現代漢語詞典), главред первого издания (1978). Входил в состав Китайского комитета по реформе письменности (1978-1985). В 1978-1985 – главред журнала «Китайская филология» (*Чжунго юйвэнь* 中國語文). В 1980-1985 – глава Ассоциации китайской лингвистики (*Чжунго юйянь сюэхуй* 中國語言學會). С 1994 – иностранный член РАН

Ленинграда я уехал, в Москву не приехал и жил в общежитии. Короче говоря, стоял вопрос что дальше будет? Тем более, это был конец 1950-х годов, жить было негде, все жили друг на дружке по коммунальным квартирам. И я понимал, что вернуться в Питер уже не смогу. В принципе, конечно, я мог вернуться, потому что там было Ленинградское отделение, и мне не составило бы большого труда перевестись туда. Мне так и говорили: аспирантуру проходи здесь, руководителем будет Яхонтов. Но, в итоге, я всё-таки решил, что – нет. В Питере меня ничего не ждало. В Питере была трёхкомнатная квартира, но не большая. Но там жил брат, который женился, и, строго говоря, мне там места уже не оставалось. Поэтому возвращаться в Питер, чтобы ютиться хотя бы и с родственниками мне не хотелось... В Москве ютиться с чужими людьми иногда бывает даже лучше. Один чёрт! Возвращаться в Питер мне никакого смысла не было. Поэтому я понимал, что мне нужна работа на спокойную тему, которая бы не раздражала учёные советы. Потому что я знаю, что тогда были люди, которые нарочно старались подчеркнуть своё отличие от традиционного языкознания, и на этом теряли. То есть, мне этого точно не хотелось. Тема у меня по современным представлениям звучала смешно: «Сложные глаголы в языке романа *Шуй-ху чжуань*». Понимаете, тогда это было возможно. Сейчас, конечно, все скажут: «Дорогой мой, ты знаешь...»

СД: А кто, в итоге, был Вашим научным руководителем?

МС: В итоге, им стал Яхонтов. С одной стороны, это, конечно, хорошо, потому что я остался в кругу идеи Драгунова. Но, с другой стороны, нужно сказать, что это не очень хорошо. То ли потому, что я был у него первым аспирантом, а сам он был очень молодым кандидатом... Он защитил-то диссертацию весной в 1954 года, а уже в феврале 1955 года я поступил к нему в аспирантуру. Год прошёл.

СД: И у вас же была очень маленькая разница в возрасте.

МС: Почему маленькая? Три года. Понимаете, он держался, конечно, очень... До сих пор, как мы начали общаться на — «Вы, Сергей Евгеньевич», так до сих пор так это всё и длится. Он не хотел, чтобы к нему относились как к молодому человеку. Ещё будучи студентом он давал понять, что, так сказать, «не чета». За ним такое было. То же самое с Ивановым Вячеславом Всеволодовичем¹⁷⁹. Мы с ним вообще, по-моему, ровесники. Он

---

¹⁷⁹ *Иванов Вячеслав Всеволодович* (р. 1929), лингвист, типолог, семиотик, антрополог. Д.филол.н.(1978), профессор(1980), академик РАН (2000), член Союза писателей СССР (с 1978). Родился в Москве, в семье писателя Всеволода Вячеславовича Иванова (1895-1963). С детства был знаком с Чуковскими, Пастернаком, Ахматовой и многими другими лучшими представителями русской интеллигенции. Окончил филфак МГУ (1951), занимался сравнением хеттского языка с иными индо-европейскими. В 1954-1959 преподавал в МГУ (в 1956-1958 руководил семинаром по математической лингвистике, уволен из-за несогласия с официальной точкой зрения о романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»), в 1958-1961 – в МГПИИЯ. В 1959-1961 – сотрудник Института точной механики и вычислительной техники АН СССР (зав. группой машинного перевода), в 1961-1989 – сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, с 1962 – завсектором структурной типологии. Почётный член Американского лингвистического общества (1968), иностранный член Британской академии(1977). Директор Библиотеки иностранной литературы(1989-1993), завкафедрой теории и истории мировой культуры Философского факультета МГУ(1989-1994). Лауреат Госпремии(1990). Профессор Стэнфордского университета(1989-2001), профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (с 1992). С 1992 – директор Института мировой культуры МГУ, с 2003 – директор Русской антропологической школы РГГУ. Автор трудов по самым разным вопросам лингвистики, мифологии, семиотике культуры, сравнительному изучению индо-европейских языков. Вместе с В.Н. Топоровым предложил концепцию «основного мифа»

1928 года, на год меня старше. Хотя мы с ним были в очень дружеских отношениях, но – никогда никаких вольностей. Правда, меня он называл «Вы, Миша». Это уже писательская, богемная среда, где различается сильно «ты» и «вы». Я в это, честно, никогда не вникал, но в писательской, богемной среде это очень важно, говорить «я с ним на «ты»». Считается, что это что-то значит. Не то, чтобы он сказал: «Я для Вас – Вячеслав Всеволодович». Но в принципе все его называли именно так. И он ни разу не сказал, что что вы, ребята, дурите, я Кома, и всё. «Комой» его называли только друзья детства, Успенский¹⁸⁰, другие. Да! Мы же все занимались в одном структурном семинаре. Не всегда туда пускали, на филфак, через главный вход.

СД: А это когда было?

МС: Это называлось «семинар по структурной лингвистике». Он работал... Я сейчас пытаюсь вспомнить ... В 1955 его, кажется, ещё не было. Но в 1956 году он точно уже был. Может быть, где-то в конце 1955 года он уже начал собираться. Я приехал в сентябре 1954 года. Более того, о том, что «структуралисты» как-то собираются, я узнал от Юры Лекомцева. Он был московский филфаковский выпускник, и он их всех знал. Я не знал никого. Единственный, кого я знал, это Кожин¹⁸¹. Но он тогда как раз только что закончил. Кожин – из института ИМЛИ. Он очень известная личность. Если Вы интересуетесь историей 1950-х – 1960-х годов, то Вы без него не обойдётесь. Я его знал потому, что он был двоюродным братом Пузицкого¹⁸², который учился на курс моложе меня. Ещё будучи студентом я у него ночевал, мы выпивали вместе, и Кожин провозжал нас на вокзал. Так мы и познакомились. Когда же я попал в Москву, мне этот Пузицкий дал телефон брата. Мы с ним созвонились, а он как раз только-только закончил. И это была такая компания, и Гачев¹⁸³ туда тоже входил. Гачева Вы тоже не знаете? Московских

---

¹⁸⁰ Скорее всего, имеется в виду Владимир Андреевич Успенский (р. 1930), математик, лингвист, один из основателей Отделения структурной лингвистики (ныне – Отделение теоретической и прикладной лингвистики) Филологического факультета МГУ. С ним В.В. Иванов вёл в МГУ семинар по математической лингвистике. Но не исключено (хотя и менее вероятно), что речь идёт и о его младшем брате Борисе Андреевиче (р. 1937), филологе, семиотике, с которым Иванов выпустил ряд общих работ

¹⁸¹ *Кожин Вадим Валерианович* (1930-2001), критик, литературовед, публицист. Родился в Москве, в семье инженера. В 1954 окончил филологический факультет МГУ, учился в аспирантуре Института мировой литературы АН СССР. С 1957 – сотрудник Отдела теории литературы в том же институте. Автор многих работ по теории литературы и русской литературе XIX в. Добился публикации основных трудов М.М. Бахтина, ему обязаны литературным успехом многие поэты. При этом считался одним из лидеров т.н. «русской партии» литераторов, многими обвинялся в антисемитизме, черносотенстве

¹⁸² Евгений Владимирович Пузицкий (1929-1996), лингвист, китаист, бирманист. Родился в Москве, в семье врача (отец Пузицкого работал врачом КУТКе, дед – крупный деятель ЧК, контр-разведчик, по матери Евгений Владимирович приходился племянником Мещанинову). В 1953 окончил Восточный факультет ЛГУ, в 1955-1972 – сотрудник ИВ АН СССР, в 1972-1996 – ИДВ АН СССР. Участвовал в создании БКРС, переводах книг Юань Кэ, Фань Вэнь-ланя

¹⁸³ *Гачев Георгий Дмитриевич* (1929-2008), философ, культуролог, литературовед. Родился в Москве, в семье болгарского коммуниста-эмигранта, музыковеда. В 1952 окончил филфак МГУ, с 1952 по 1954 учительствовал в Брянске. Сотрудник Института мировой литературы АН СССР (1954-1972), Института истории естествознания и техники АН СССР (1972-1985), Института славяноведения и балканистики АН СССР (с 1985). Разработал концепцию ускоренного развития литературы, которая показывает, что культуры, поздно вливающаяся в иную традицию, ускоренными темпами осваивает её достижения, сохраняя последовательность её этапов.

вольнодумцев Вы не знаете. Гачев как раз кончил свою карьеру в отделе у матери¹⁸⁴. Его отовсюду прогнали, и она его просто держала у себя. Он очень характерная фигура 1950-х годов. Это московские чудачки. «Оттепель» дала подобного рода «всходы». Конечно, если бы Сталин был жив, все было бы иначе. Но тут была создана соответственная среда, в которой все эти ребята вышли на авансцену.

Конечно, «аспирант Академии наук» – тогда это звучало. И когда я там оказался, никто не считал, что я какой-то выскочка и лезу дружить с великими людьми. На самом деле все мы были одинаковы. То, что Иванов был кандидатом и защитился год назад – это мало что значило. Все остальные были аспирантами, а Мельчук¹⁸⁵ тогда вообще студентом был. Я помню его, он начал ходить туда, когда был на третьем курсе. И когда я сказал, что буду заниматься машинным переводом с китайского, он тут же притащил мне Васю Товарова, и сказал – вот парень, который хочет заниматься машинным переводом. Я ему всё рассказал, но он как-то не заинтересовался. И он, по-моему, в итоге поехал работать по линии Внешторга. Тогда многие китаисты устраивались в МИД, Внешторг, Интурист. Но в Интурист – меньше. МИД и Внешторг это были обычные вещи. В МИД попасть было трудно, а во Внешторге вакансии были всегда, во всяком случае в те годы.

Ситуация настолько изменилась, что я сейчас Вам рассказываю, и сам себе не верю – неужели тогда так было? Потому что уже в 1970-е годы чтобы попасть во Внешторг нужно было обладать, я вам скажу, неплохими связями. А тогда это всё было по-другому, и вся жизнь строилась на совершенно других принципах. Всё было меньше, и люди были теснее связаны друг с другом. Получалось так, что, хотя ты работаешь в Институте Востоковедения, но аспирантов в Институте Истории тоже знаешь. Все знали друг друга. Я уж не говорю про Ленинградский университет. Конечно, были чистые академики, которые отсиживали уроки и шли домой. Но были люди более подвижные, которым было интересно, кто сидит рядом, и что происходит на других факультетах. Поэтому они ходили на университетские вечера. Ходили на всякие собрания, мероприятия, доклады. Ездили на строительство сельских электростанций. Все знали, кто с какого факультета. Ну и, конечно, по масштабам Ленинградский университет был гораздо скромнее Московского. Московский был огромен уже в те годы. Сейчас он, что называется, «потерял форму». Столько нагромождено, что форма потеряна, и единства университетского я, например, не чувствую. Не знаю, может, есть какие-то люди, которые это чувствуют, но в принципе этого нет. Потому что появились какие-то новые факультеты, и не просто факультеты – школы, такие, сякие... Говорят, есть даже институт теоретической медицины¹⁸⁶. Но где этот институт, и что там делается?..

СД: Вы были в аспирантуре с 1954 года?

МС: Я был в аспирантуре с 1954 по 1957 годы

СД: И Вы в первый раз поехали в Китай уже в аспирантуре?

МС: Я поехал в Китай как переводчик делегации Академии Наук. Мной заинтересовались. Конечно, я им был неинтересен как личность. Но они считали, что я имею отношение к науке и могу им что-то сказать. И, наоборот, о них сказать. Я о них

---

¹⁸⁴ Брук Мирра Семёновна (1904-2001), музыковед. В 1929 окончила педагогический факультет Московской консерватории. В 1929-1944 преподавала там же, с 1944 – доцент Музыкально-педагогического института им. Гнесиных по кафедре истории музыки

¹⁸⁵ Мельчук Игорь Александрович (р. 1932). Лингвист, морфолог, автор теории «Смысл – Текст». Окончил филфак МГУ. Сотрудник Института языкознания АН СССР (с 1956), занимался проблемами машинного перевода. В 1976 выступил в поддержку Синявского, Даниэля, Сахарова и Ковалёва, был уволен. В 1977 уехал в Канаду, стал профессором Монреальского университета. С 2009 на пенсии

¹⁸⁶ Факультет фундаментальной медицины МГУ основан в 1992

сказал многое и многим, а что они обо мне сказали – никто не знает. Скорее всего, ничего. Вряд ли они восприняли мою персону всерьёз. Может, в каких-то мемуарах это отмечено, но непохоже.

СД: А вы долго там пробыли в 1955 году?

МС: Нет, месяца четыре. Даже меньше, три месяца. Затянулась поездка, не отпускали китайцы, хотели консультировать – и то, и сё. Поехали действительно очень знающие люди. Во главе стоял Бардин¹⁸⁷, специалист по металлургии. Они в этот момент как раз строили тот самый Дае¹⁸⁸. Я был там ещё тогда, когда весь проект Дае помещался в большой палатке, которая стояла посреди поля, и там сидели инженеры, которые рассматривали чертежи. Я переводил Бардину вопросы и ответы.

СД: А у Вас после Востфака был настолько хороший язык, что Вы могли легко переводить такие специфические беседы?

МС: Ну, что называется, нужда научит. Конечно, через английский язык. Там был один такой человек, он свою фамилию произносил с фуцзяньским акцентом, Е Ду-пэй. Но по-пекински это имя звучит как Е Чжу-пэй¹⁸⁹. Он долгое время проработал в Организации Объединенных Наций, я к нему часто приходил, задавал вопросы. Кроме того, когда всё происходит на глазах, я вижу предмет и могу уточнить. Нужда научит! Этот выезд дал мне большой запас технической терминологии.

---

¹⁸⁷ *Бардин Иван Павлович* (1883-1960), металлург. Учился в ремесленном и земледельческом училищах. В 1902 поступил в Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства на юго-востоке Польши. В 1905 исключён за участие в студенческом революционном движении. В 1906 поступил в Киевский политехнический институт, сначала на агрономическое, потом на химическое отделение, которое окончил в 1910. В 1910-1911 работал рабочим на заводах в США. Затем работал на ряде заводов юга России – Юзовском (1911-1915), Енакиевском (1915-1923), заводе «Югсталь» (1915-1924), Макеевском заводе (1924-1925), заводе им. Ф.Э. Дзержинского в Запорожье. Главный инженер Кузнецкстроя (1929-1937), один из руководителей строительства Кузнецкого металлургического комбината. Академик (1932), вице-президент АН СССР (с 1942), директор Института металлургии АН СССР (с 1939). Директор ЦНИИ чёрной металлургии (с 1944), с 1960 носящего его имя. Депутат ВС СССР многих созывов. Герой Социалистического труда, лауреат Сталинской премии (1949), Ленинской премии (1958). Кавалер семи Орденов Ленина

¹⁸⁸ *Дае* 大冶 – город на юго-востоке Хубэя, один из главных центров металлургии КНР – как чёрной, так и цветной. Бассейн Дае – также одно из крупнейших в Китае месторождений чёрных металлов

¹⁸⁹ *Е Чжу-пэй* 叶渚沛 (1902-1971), учёный, металлург. Родился в Маниле на Филиппинах в семье выходцев из Сямэни (пров. Фуцзянь). В 1921-1925 учился в Колорадском горном институте (Colorado School of Mines) и в Чикагском университете (1925-1928), получил докторскую степень в области металлургии в Пенсильванском университете. В 1928-1933 занимал ряд руководящих инженерных постов в крупных американских металлургических компаниях. В 1933 приглашён в Германию, но вскоре, по приглашению правительства, приехал в Китай, входил в Национальную комиссию по ресурсам, возглавлял комиссии по строительству и развитию ряда металлургических комбинатов. Один из инициаторов основания НИИ металлургии в Нанкине. Симпатизировал КПК. С 1945 работал в научной группе ЮНЕСКО (зампредседателя; группа возглавлялась Лж. Нидэмом). С 1948 – в отделе экономики в ООН. В 1950-1953 – советник министра тяжелой промышленности КНР, в 1953-1966 – академик-секретарь Китайской академии наук, директор Института химической металлургии. Похоронен на кладбище Бабаошань под Пекином

СД: А студенческие стажировки прошли мимо?

МС: Стажировок не было. Стажировки для студентов появились в конце 1950-х годов, когда именно – я не знаю, потому что я на эти стажировки уже не попадал. Но, в принципе, у меня была возможность поехать на длительную стажировку, по-моему, в 1957 году. Она была запланирована для изучения тибетского языка. Но у меня не сложились семейные обстоятельства. У меня как раз родился мой старший сын, я бросить его не мог, не мог поехать. И вместо меня поехал Парфионович¹⁹⁰. Он закончил работу над словарём Рериха¹⁹¹. И, кроме того, написал такую маленькую книжечку «Грамматика тибетского литературного языка»¹⁹². И он, в общем, попал там на «Большой скачок». Вместе с Ху Танем¹⁹³ в одной палатке жили на строительстве Шисаньлина¹⁹⁴. До Тибета он не доехал. Хотя и в Пекине были тибетцы и китайцы, которые хорошо говорили по-тибетски. То, что нужно он узнал.

Потом дело кончилось скандалом, потому что он там перерасходовал деньги. Не то, что бы перерасходовал, ему дали эти деньги. Он их не присвоил, эти деньги были ему даны. Но потом он должен был за них отчитаться. Мы все часто выбрасываем всякие чеки. И когда от него это потребовали, не хватило каких-то чеков. А тогда существовали какие-

---

¹⁹⁰ *Парфионович Юрий Михайлович* (1921-1990), тибетолог. К.филол.н.(1971). Родился в Москве, участвовал в войне с Финляндией, Великой отечественной войне. Поступил на китайское отделение МИВ (1946), в 1950-1953 находился на стажировке в КНР, изучал тибетский язык в Институте национальных меньшинств в Пекине. Получил диплом МИВ в 1953. С 1953 – сотрудник ИВ АН СССР. 27 лет отдал подготовке к изданию рукописи тибетско-санскритско-английского словаря, полученного им от Ю.Н. Рериха (совместно с В.А. Богословским и В.С. Дылыковой). Составитель и редактор «Краткого тибетско-русского словаря» (сост. Семичов Б.В., Парфионович Ю.М., Дандарон Б.Д. М., 1963)

¹⁹¹ *Рерих Ю.Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. В 11-ти вып. М., 1983-1987

Рерих Юрий Николаевич (1902-1960). Крупнейший тибетолог, востоковед, сын художника Н.К. Рериха (1874-1947). Д.филол.н.(1958). Учился в Петербурге, в 1917 уехал с родителями в Финляндию. В 1919-1920 учился на индоиранском отделении Школы восточных языков Лондонского университета, затем перевёлся в Гарвардский университет (окончил в 1922). В 1922-1923 учился и работал в Парижском университете, получил степень магистра. В 1924-1925 вёл исследования в Индии, Сиккиме и Кашмире, участвовал в Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха (1925-1928). В 1928-1942 – директор основанного Н.К. Рерихом Института Гималайских исследований «Урусвати». Вёл исследования в Западном Тибете (1934-1935), Японии, Маньчжурии, Внутренней Монголии, Китае. Руководил Индо-тибетской семинарией в Калимпонге (1949-1957). В 1957 вернулся в СССР, стал завсектором ИВ АН СССР. Автор многих важнейших работ по тибетологии, истории Центральной Азии

¹⁹² *Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык. М., 1970

¹⁹³ *Ху Тань* (胡坦) (р. 1933), лингвист, тибетолог. В 1953 окончил тибетское отделение факультет языков и письменностей нацменьшинств Центрального института национальностей (*Чжун-ин миньцзу сюэюань Шао-шу миньцзу юйвэнь-си* 中央民族学院少数民族语文系), в 1954 получил диплом Исследовательской группы по языкознанию (*Юйянь-сюэ яньцзю-бан* 语言学研究班). Много лет преподавал, был заместителем генерального директора Китайского центра тибетологии (*Чжунго сицзан-сюэ яньцзю чжунсинь* 中国藏学研究中心). Автор многих трудов в области сино-тибетского языкознания, один из крупнейших специалистов по лхасскому диалекту тибетского языка

¹⁹⁴ Шисаньлинское водохранилище было построено к юго-западу от минских императорских могил, близ Пекина, в 1958. Ныне хозяйственного значения практически не имеет, относится к рекреационным зонам китайской столицы

то очень строгие правила о шестикратном или десятикратном погашении... Строгости были большие. Короче говоря, с него содрали какие-то сумасшедшие деньги, а поскольку сразу он выплатить не мог, с него каждый месяц вычитали четверть из зарплаты, что-то в этом духе. Парень очень сильно обносился за это время. Не один год из парня эти деньги тянули. Я это помню, потому что мы с ним поддерживали вполне дружеские отношения. И он ещё занимался в кабинете Рериха, а у меня своего места в ИВ АНе не было. И когда был присутственный день, я шёл в кабинете Рериха. Там сидели мои друзья-приятели, это было на Армянском переулке. Естественно, мы с Парфионовичем практически каждую неделю разговаривали то об одном, то о другом. Он общался главным образом с индологами – Юля Алиханова¹⁹⁵ была там, Октябрина Волкова¹⁹⁶...

Они его опекали. Причём в трудные моменты его жизни он вообще у Октябрины жил, потому что развёлся со своей женой. Я её помню, довольно противная жена была. Собственно, он ей в Китае шубу купил, и из-за этого попал во всю эту передрагу – с деньгами, вышел из лимитов... А когда вернулся, оказалось – прости, «моряк, ты слишком долго плавал» – у неё уже появился какой-то новый муж. И из квартиры она его выгнала, жить ему было негде. Тогда Октябрина сказала: живи у меня... Октябрина была добрая душа. Она жила напротив аспирантского общежития, гуляла там со своими собаками. Я её хорошо знал по Ленинграду, бывал у неё. У неё была какая-то болезнь, она должна была бы быть парализованной, но ей удалось приспособить для движения какие-то другие мышцы на ногах. Она передвигалась с большим трудом, в Ленинграде она ещё ходила с одной палкой, в Москве – уже с двумя палками. Она хорошо знала санскрит и работала в Индийском секторе в ИВАНе. У неё всегда собирался народ, она была человек гостеприимный.

И он, действительно, по-моему, не один год у нее прожил. А куда деваться? Он был младший научный сотрудник, без степени, с него вычитают эти деньги. Ситуация была, прямо скажу, не позавидуешь. Поэтому у него судьба сложилась действительно очень неблагоприятно. И наверно, если бы я тогда поехал за тибетским языком, не знаю, что бы со мной было, как бы это всё случилось за два года...

Вообще, Парфионович был страшно неустроенный человек, жизнь у него не сложилась. Была вещь, которая, видимо, всю его жизнь перевернула. Он во время войны служил в заградительном батальоне. Там не выбирают, не то, чтобы он был как-то склонен... Раз сам Фёдор Абрамов¹⁹⁷ командовал таким батальоном, то... И вот, рассказывал (это была его любимая история) как они задержали какую-то группу солдат, которые то ли как-то отступили, то ли отстали – часть ушла вперёд, а они остались, и их, конечно, заподозрили в дезертирстве. И вот, пока ждали указаний сверху, что с ними делать, они с этими мужиками прожили вместе довольно долго, как-то сдружились... А потом пришёл приказ: всех расстрелять. Даже не в лагерь, никуда – расстрелять, и всё... Чего с ними возиться, куда их девать... Не один человек, а довольно много. И, говорит, этого мне не пережить, не смог... Он, помню, всегда, как выпьет, начинал это рассказывать, и остановить его было невозможно...

---

¹⁹⁵ *Алиханова Юлия Макаровна* (р. 1936). Индолог, литературовед. К.Филол.н. (1970). Родилась в Ленинграде, окончила ИВЯ МГУ(1960). Преподаватель ИСАА МГУ (с 1963). Сотрудник РГГУ (с 1994)

¹⁹⁶ *Волкова Октябрина Фёдоровна* (1926-1988). Индолог, переводчик, санскритолог. Родилась в Ленинграде, в семье командира РККА, ингерманландца. В 1952 окончила Востфак ЛГУ. Преподаватель Института внешней торговли МВТ СССР (1952-1956), сотрудник ИВ АН СССР (1956-1981)

¹⁹⁷ *Абрамов Фёдор Александрович* (1920-1983). Писатель, публицист. Один из наиболее известных представителей «деревенской» прозы

Моя последняя встреча с ним была, когда я принимал экзамен по тибетскому языку у него и у Богословского¹⁹⁸. Они узнали, что полагается надбавка за знание иностранного языка – а вот мы знаем тибетский язык. А кто вас экзаменовать будет? А вот, Софронов! Естественно, что мне их экзаменовать, я всё внимательно прочитал, поставил им «пятёрки». Написал, что в переэкзаменовках не нуждаются. А мне ведь каждый год переэкзаменовки устраивали.

СД: А Дандарона¹⁹⁹ Вам приходилось встречать?

---

¹⁹⁸ *Богословский Василий Алексеевич* (1932-1988). Историк, тибетолог. Окончил истфак МГУ (1954). Науч. сотрудник ИВ АН СССР (1957-1961), ИДВ АН СССР (1967-1988). Автор ряда работ по средневековой и современной истории Тибета

¹⁹⁹ *Дандарон Бидия Дандарович* (1914-1974), религиозный деятель, философ, буддолог, тибетолог. Родился в Бурятии, в семье ламы. Признан перерождением хамбо-ламы Джаягсы-гэгэна, настоятеля одного из монастырей амдоского комплекса Кумбум. Посещал монастырскую школу, изучал тибетский язык, санскрит. В 1921 Лубсан-Сандан Цыденов (1841-1922), духовный лидер хоринских бурят и глава теократического Кудунского государства в Кижинге (1919-1921), передал Дандарону свой пост и титул Дхаммараджи. На церемонии интронизации присутствовал известный монголист Б.И. Панкратов. Мальчик продолжил обучение в советской школе, вскоре уехал в Кяхту, где в 1932 женился на Е.А. Шолуновой. В 1933 супруги уехали в Ленинград. В 1934-1937 учился в Ленинградском институте авиационного приборостроения (ЛИАП), а также был вольнослушателем Востфака ЛГУ, по рекомендации Хамбо-ламы Агвана Доржиева (1853-1938) изучал тибетский язык у А.И. Вострикова. В январе 1937 Дандарон был арестован, в июне 1937 обвинён как контрреволюционер, участник заговора с целью свержения советской власти в буддийских регионах СССР (ст.58-10,11), приговорён к 10 годам заключения. Вероятно, был последним, кто видел живым А.И. Вострикова – они столкнулись в тюремном коридоре. В лагере общался с философом неокантианцем В.Э. Сеземаном (1884-1963). В 1943 освобождён и сослан в Кижингу. Работал с книгами и рукописями из библиотеки отца, консультировал бурятских востоковедов. В 1946, вместе с ламой Галсаном Хайдубом, написал Сталину письмо с просьбой восстановить дацаны в Забайкалье. Вскоре началось строительство Иволгинского дацана, возродился Агинский дацан. В ноябре 1948 Дандарон был арестован повторно, в августе 1949 приговорен к 10 годам лагерей за антисоветскую агитацию (58-10, ч.1). Вышел на свободу в декабре 1956, реабилитирован (по первому делу – в 1958). Пытался устроиться на работу в ИВ АН СССР в Ленинграде и Москве, но, несмотря на рекомендации многих ведущих востоковедов, это не удалось. С ноября 1957 – внештат. сотр. сектора тибетологии бурятского филиала СО АН СССР, с осени 1958 – науч. сотр. Часто приезжал в Москву и Ленинград, был знаком с Ю.Н. Рерихом. В число его учеников входили востоковеды – О.Ф. Волкова, А.М. Пятигорский, Л. Мялль (1938-2010). Осенью 1972 арестован вместе с рядом учеников. Были допрошены О. Волкова (у неё при обыске изъяли тибетские рукописи и Библию), А.М. Пятигорский, Л. Мялль, Ю. Парфионович, многие другие. О. Волкова направила Н.В. Подгорному (председатель Президиума ВС СССР) и Р.А. Руденко (генпрокурор СССР) письмо с протестом против абсурдного обвинения (членов «секты» обвиняли в кровавых жертвоприношениях, сексуальных оргиях и попытках убийства бывших членов общины). В итоге перед судом в Улан-Удэ предстал только Дандарон – некоторых его учеников (Ю.К. Лавров, А.И. Железнов, Д. Буткус и В.М. Монтлевич) заперли в психиатрические лечебницы, многих (среди них Л. Мялль) уволили. Дандарона обвинили в создании буддийской секты (ст. 227, ч. 1 УК РСФСР) и мошенничестве (ст.147, ч.III УК РСФСР) и осудили к 5 годам лагерей общего режима. Наказание отбывал в пос. Выдрино на южном берегу Байкала. В октябре 1974 умер в лагере (по ряду свидетельств, был убит)

МС: Да, я видел его однажды. Я часто бывал там, в кабинете Рериха, где собирались идейные наследники и ученики Юрия Николаевича. Там были, конечно, люди, занимавшиеся чистой индологией, типа Сыркина²⁰⁰, который переводил, кажется, веды, и другие. Идейный преемником рериховского наследия был, конечно, Парфионович. Я знал про существование Дандарона, я знал, что он – бодхисатва. Я знал, что он был большим любителем выпить. Пятигорский²⁰¹ всё время рассказывал, как он с ним выпил, и так далее. Я знал, что он работал в этом сибирском институте, там же работал Регби Пубаев²⁰², тоже – с моего курса. Мы с ним потом встретились в 1990 году в Японии, на тибетологическом конгрессе... Про (судебный) процесс я почти ничего не знал. Но и детальных рассказов не было – за что, почему. Думаю, это какие-то свои бурятские были дела, какие-то кланы, роды. Там нельзя ничего понять. Кто кому чем помог, кто не помог, – всё это с давних пор. Наверно, когда началось ослабление режима, у Дандарона там могли появиться конкуренты: «А действительно ли он бодхисатва?..» «А у нас есть человек “пободхисатвей”...» Дандарон в своё время сел, что называется, «по закону», как служитель культа. У меня так бабушку посадили. Она в Устьюге была в церкви что-то типа уборщицы. Невысокий чин, но всех забрали – и на лесоповал. Она потом вернулась, году в 1938, я помню, и жила у нас. И говорила она ещё на диалекте... За что её?! Ну, понятно, поп, дьячок – те хоть семинарию заканчивали... Так вот, потом Дандарона выпустили, он стал работать в гуманитарном институте в Улан-Удэ. А дальше начались интриги. Потому что тогда, посадить второй раз за религиозное дело – это невиданно. Это явно был донос, интриги. Я его видел до 1970-го года – вполне такой мужик как мужик. Сказать, что на нем было какое-то сияние – я этого не заметил. Ну, меня познакомили. Не могу сказать, что я как-то особенно был этим увлечён, религиозная сторона буддизма меня не интересовала никогда. Конечно, интересно было увидеть такого живого «перерожденца».

СД: А когда Вы начали интересоваться тангутоведением?

МС: На самом деле, никакого специфического интереса именно к тангутоведению не было. Я уже рассказывал Вам, как узнал об этом от Драгунова, как он вышел ко мне в халатике, весь в коричневой пыли. Но со мной он никаких тангутских разговоров не вёл, ничего подобного не было... Было видно что для него самого это такая, в общем,

---

²⁰⁰ *Сыркин Александр Яковлевич* (р. 1930), индолог, санскритолог, византист. В 1953 окончил филфак МГУ, в 1955-1961 – сотрудник Института истории АН СССР, в 1962 защитил диссертацию по византийской поэме о Дигенисе Акрите (его перевод поэмы вышел в 1960). Сотрудник ИВ АН СССР (1961-1975). В 1977 уехал в Израиль, с 1978 – профессор Института азиатских и африканских исследований Еврейского университета (Institute of Asian and African Studies, Hebrew University) (Иерусалим). Основная область научных интересов – Панчатантра, Упанишады и т.п.

²⁰¹ *Пятигорский Александр Моисеевич* (1929-2009). Философ, востоковед, филолог, писатель, педагог. К.филол.н. (1962). Окончил философский факультет МГУ (1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1956-1968). Специалист по индийской философии. Один из отцов Тартуско-Московской семиотической школы. Вёл правозащитную деятельность, эмигрировал из СССР в ФРГ (1973). Профессор Лондонского университета. Соавтор первого тамильско-русского словаря. Переводчик древних индусских и буддийских текстов. Автор нескольких романов, снимался в двух фильмах Отара Иоселиани

²⁰² *Пубаев Регби Ешиевич* (1928-1991), тибетолог. Д.и.н.(1982). Первым из отечественных тибетологов получил докторскую степень). Родился в селе Алха Оловянниковского района Читинской области, окончил Восточный факультет ЛГУ(1952). Преподаватель Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова (1955-1958), бурятской республиканской партшколы, с 1955 – сотрудник Бурят-Монгольского НИИ культуры – Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР – Бурятского института общественных наук СО АН СССР, завсектором буддологии и тибетологии (с 1967)

служебная обязанность, нагрузка. На самом деле он хотел заниматься современным китайским языком, а тангутоведение... Его, как я понимаю, «отшили» от тангутоведения. Прибытие Невского как раз совпадает с завершением публикаций Драгунова. Конечно, ему никто не запрещал работать с тангутскими материалами. Но ему сказали, что у нас есть правительственное задание, и дунганский язык нуждается в латинизации. Мы должны помочь товарищам описать дунганский язык и подготовить предложения по алфавиту. И у Драгунова это заняло достаточно много времени. Его отправили тогда в Киргизию и, фактически, какое-то время в Питере он появлялся только зимой. Лето, конечно, он проводил там. И ещё, кажется, застал там Поливанова... Но о Поливанове он никогда ни слова не говорил. Вот о Яншансине²⁰³, соавторе Поливанова (первая грамматика дунганского языка была написана Поливановым и Яншансином²⁰⁴), он говорил очень много. Ссылки на Яншансина есть во всех его книжках. По-моему, я с Яншансином у него познакомился. Конечно, Яншансин хорошо знал дунганский язык, любил язык, понимал и чувствовал. Никакой лингвистической подготовки у него не было, но он был крайне ценен как информант, хорошо понимающий и чувствующий язык, который знает, в каких случаях что что значит.... Конечно, занятия Драгунова тангутоведением были к тому времени окончены...

СД: Это всё было в 1950-е годы? Потому что книга Невского вышла в 1960, значит, уже после смерти Сталина?

МС: Ну, да, в 1960 году вышла, а в 1961 году – Ленинская премия. Думаю, поиски рукописи Конрадом через Холодовича – это было года за два, если не за три до публикации. Потому что такую работу быстро сделать невозможно. Другое дело, что Конрад имел неограниченно влияние на Дрейера²⁰⁵, и как только рукопись попала в Издательство восточной литературы, никаких препятствий на пути рукописи не было. Т.е. это было издано, видимо, довольно быстро. Но датировать эти поиски... это уже менее существенно. Горбачёва знала, что всё это было, но она не знала, где это находится. Еще же во время блокады все это перетаскивали с места на место. И я не знаю, где это нашли. В БАНе, наверху, или после переезда на Дворцовую площадь? Сейчас мы этого уже не

---

²⁰³ *Яншансин Юсуп Янхаевич* (1909-1999). Языковед, специалист по дунганскому языку, писатель. К.филол.н.(1954). Родился в селе Ирдык Семиреченской области, в дунганской семье. Окончил Татарский институт в Ташкенте. С 1932 – сотрудник Научно-исследовательского института киргизского языка и письменности. С 1933 – член дунганской секции Союза писателей Киргизии. Участник ВОВ, после войны работал завучем и учителем киргизского языка (1944-1945), науч. сотр. Киргизского филиала Академии наук СССР. Окончил факультет языка и литературы Киргизского государственного педагогического института (1947). Сотрудник сектора дунганской культуры Института языка, литературы и истории АН Киргизской ССР. Один из создателей школьной грамматики дунганского языка, участвовал в создании трёх дунганских алфавитов: на основе арабской графики (1928), латинской графики (1932) и кириллицы (1954). Один из составителей основных дунганских словарей

²⁰⁴ Грамматика дунганского языка. / На дунганском яз. / Авт.: Е.Д. Поливанов и Ю. Яншансин. Ч. I-II. Фрунзе, 1935

²⁰⁵ *Дрейер Олег Константинович* (1919-1997). Востоковед, издатель. Родился в Одессе. окончил Военную академию бронетанковых войск (1942), участник ВОВ. В 1954 окончил Московский заочный полиграфический институт. В 1951-1957 заведовал редакцией научно-популярной литературы Издательства АН СССР, директор Издательства восточной литературы (1957-1964), главред Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» (1964-1992), в 1992-1997 – старший консультант генеральной дирекции издательства «Наука», сотрудник ИВ РАН. С 1972 – преподаватель РУДН, профессор (1991). Член Союза журналистов

узнаем. Кычанов, если бы был жив, мог бы сказать. Наверно, он-то знал. Конечно, Горбачёва его очень ценила и вела, и он понимал, что все держится на Зое Ивановне.

СД: А почему она взяла на себя роль хранителя тангутского фонда - или кто-то её назначил?

МС: Никто её не назначал. Алексеев, который был заведующим Китайским кабинетом, что называется, наложил, как мне кажется, на это дело запрет. Невский сделал, вот придет время... И то, что происходило – было точно не по поручению Алексеева, потому что он был её непосредственным начальником. Может быть, с моей стороны это домыслы...

СД: Как преподавал Алексеев?

МС: В принципе, лекции Алексеева, которые я слушал на протяжении трёх лет, это был поток сознания. Считалось так, что мы читаем какое-то стихотворение в прозе, или что у него было. Но дальше заглавия за весь семестр мы не продвигались. Потому что это шли бесконечные рассказы. Как он учился, как другие учились. Потом про Елисеева²⁰⁶. Елисеев – то, Елисеев – это. Мой друг Шаванн²⁰⁷. Как мы с Шаванном... Демьевиль²⁰⁸ –

---

²⁰⁶ *Елисеев Сергей Григорьевич* (Serge Elisseeff) (1889-1975), востоковед, японист, один из основателей научного востоковедения в США. Родился в Москве, в семье знаменитого купца, хозяина «Елисеевских» магазинов. Учился в Берлинском и Токийском императорском университете (филфак) (1908-1912), был первым европейцем, закончившим его и получившим высшее образование в Японии. В 1912-1914 учится в аспирантуре того же университета. В 1914 вернулся в Россию, с 1916 – приват-доцент Восточного факультета. Служил переводчиком в МИД, был вице-президентом дальневосточной Коммерческой палаты и председателем японской секции Общества русских ориенталистов. Преподавал в Институте истории искусств, лето 1916 и 1917 провёл в Японии. После революции 1917 продолжал преподавать, работал в Азиатском музее. В 1920 на короткое время арестован, после освобождения осенью 1920 вместе с семьей покинул страну. Через Финляндию и Швецию добрался до Парижа, поступил на службу в музей Гимэ, работал переводчиком в японском посольстве. Преподавал японский язык и литературу в Сорбонне и Национальной школе живых восточных языков. В начале 1930-х получил французское гражданство. В 1932 приглашён в США, где преподаёт в Гарвард-Яньцинском институте (Harvard-Yenching Institute), в 1934 стал его директором, возглавил гарвардский Центр исследований Китая и Японии (Centre for Chinese and Japanese Studies). В 1936 основал *Harvard Journal of Asiatic Studies* и был его главредом до 1957. В годы войны оказал большую помощь США как организатор подготовки военных переводчиков, был консультантом Стратегической службы в Вашингтоне. В 1944 выходит первый в истории США изданный массовым тиражом учебник японского языка для начинающих, одним из авторов которого был Елисеев. В 1946 награждён орденом Почётного легиона. В 1957 вышел на пенсию, вернулся в Париж

²⁰⁷ *Шаванн Эдуард* (Emmanuel Édouard Chavannes, кит. 沙畹) (1865-1919). Один из основателей современной французской синологии. В 1885 поступил на филологическое отделение Высшей нормальной школы (Ecole normale supérieure), которое окончил в 1888. Сосредоточился на китайской истории. В январе 1889 Шаванну удалось получить место атташе по науке во французском посольстве в Пекине. Пробыл в Китае до 1893, после чего вернулся во Францию и стал профессором китайского языка в Коллеж де Франс. В 1903 стал членом Академии надписей и изящной литературы (Académie des inscriptions et belles-lettres) (в 1915 возглавил академию), в 1904-1916 был одним из издателей журнала *T'oung Pao*. В 1906-1908 организовал археологическую экспедицию в Китай, в которой участвовал В.М. Алексеев. С 1913 – членкор Санкт-Петербургской академии наук. Круг научных интересов Шаванна был крайне широк – им написаны фундаментальные работы в области изучения китайской древней и средневековой эпиграфики, внесен огромный

то, Демьевиль – сё... Потом у него был ещё один друг – Эмиль Гаспардон²⁰⁹, с которым он обменивался марками. Сам Алексеев филателистом не был, но рассказывал, что Гаспардон ему пишет, и в каждом письме приписка: «Прошу не забывать о моём несчастном увлечении». Ну он, естественно, шёл на почту и покупал там кучу марок. Видимо не сам, а дочь посылал. Она покупала ему марок, он вкладывал в конверт и посылал Гаспардону. И Алексеев об этом бесконечно нам рассказывал. Конечно, я был не на всех его лекциях. Не могу сказать, что я ни одной не пропустил.

СД: Это было уже возрастное, или он всегда так вёл?

МС: Ну, я не знаю. Думаю, что, на самом деле, это было всегда. А, кроме того, примешивались и возрастные моменты. Была издана такая толстая книга. Не помню, как называется – то ли переписка, то ли ещё что-то, про Алексеева. Книжка неопределённого цвета – не то голубая, не то зеленоватая.... И там были собраны документы и материалы:

вклад в изучение китайских религий. Главный труд Шаванна – перевод «Записей историографа» Сыма Цяня, который должен был стать первым переводом этого великого исторического труда на иностранный язык. Но Шаванн успел перевести лишь около половины книги (из намеченных 10 томов вышло 5). Был учителем ряда крупных синологов 1-й половины XX в. – П. Пеллио, М. Гране, В.М. Алексеева, П. Демьевилля

²⁰⁸ *Демьевиль Поль* (Paul Demiéville) (1894-1979). Синолог, буддолог, один из ведущих востоковедов послевоенной Европы. Учился в Мюнхене, Лондоне и Эдинбурге. В Париже получил диплом музыковеда (1914). В 1915 уехал в Лондон, где начал учить китайский язык в Кингс-Колледже. Вернулся в Париж продолжил изучать этот язык в Национальной школе живых восточных языков (окончил в 1919) и в Коллеж де Франс, где учился у Э. Шаванна. Изучал санскрит у индолога Сильвена Леви (Sylvain Lévi, 1863-1935). Работал во Французской школе Дальнего Востока (Ecole française d'Extrême-Orient) в Ханое (1920-1924). В 1924 переехал в Китай, преподавал санскрит и философию в университете Амоя (ныне университет Сямэнь). В 1926 переехал в Японию, стал директором Франко-японского дома (Maison Franco-Japonaise), а также главредом задуманного С. Леви и японским филологом Такакусу Дзюнидзиро (1866-1945) энциклопедического словаря буддизма *Хобогирин* (*Hōbōgirin* 法寶義林, один из крупнейших проектов в истории востоковедения. В 1966 для издания этого словаря создан специальный институт, уже вышло 8 томов – начата буква D). В 1930 принял французское гражданство, преподавал китайский язык в Национальной школе живых восточных языков (1931-1945). Преподавал в Высшей практической школе (1945-1956), вёл курсы по буддийской философии. В 1946 стал преемником погибшего в Бухенвальде А. Масперо на посту завкафедрой китайского языка и литературы Коллеж де Франс (1946-1964). Член Академии надписей и изящной словесности (с 1951). Один из двух главредов журнала *T'oung Pao* (1945-1975)

²⁰⁹ *Гаспардон Эмиль* (Émile Gaspardone) (1895-1982). Вьетнамист, синолог. Работал школьным учителем, учил немецкий, английский и испанский языки при Торговой палате Марселя. Писал статьи на литературные темы для местных газет. В 1914 призван в армию, за битву под Верденом удостоен Военного креста. Служил в оккупационных войсках в Рейнской области, демобилизовался в сентябре 1919. Вскоре поступил в Национальную школу живых восточных языков, изучал китайский и русский. Поступил на филфак в Сорбонну. С 1926, получив дипломы обоих учебных заведений, работал во Французской школе Дальнего Востока. В 1930 направлен в Франко-японский дом в Токио, участвовал в издании словаря Хобогирин, долго жил Пекине и Ханое. С 1936 преподавал вьетнамский язык в Национальной школе живых восточных языков и в Сорбонне. В годы 2-й мировой войны служил шифровальщиком. С 1946 – завкафедрой индокитайской истории и филологии в Коллеж де Франс. В 1952 награжден орденом Почетного легиона. В 1965 вышел на пенсию, в 1967 уехал в Японию, где прожил остаток дней в резиденции клана Мурамацу, из которого происходила его супруга

программы курсов, различные предложения по такому-то поводу, по такому-то... Наверно, вы видели. Это последнее издание. Там было «подметено» всё, вошло все (многое, что я, например, публиковать не стал бы: докладные записки и т.п.). Я её для себя специально не выписывал, с открытого доступа снял. Я открыл эту книгу и – батюшки! – слышу знакомый голос. Всё, что там есть, – всё было в его лекциях, вплоть до проекта академической дачи. Я помню, он нам подробно рассказал, какой существует проект дачи для академиков: что там предусмотрены жилой дом, гараж с помещением для шофёра. В книге всё это есть. Конечно же, когда я прочитал про гараж с помещением для шофёра, я тотчас же вспомнил эти вещи. Извините, что я вспоминаю такие мелочи, которые понижают образ.

СД: Ну, в «мелочах», которые его повышают, мы недостатка не имеем.

МС: Я говорю это только в связи с тем, что его лекции были действительно таким потоком сознания: он рассказывал о своих делах. Естественно, всё было очень к месту, и очень кстати. Потому что он был очень светским человеком, всё это великолепно знал, и знал, что с чем хорошо сочетается, и это не выглядело как старческая болтовня. Всё это было связано с какими-то синологическими проблемами, но умело снабжено таким контекстом. Никому ни разу не пришло в голову сказать, что, мол, опять старый болтун в двадцатый раз рассказывает свои басни. Этого не было, он ни разу не повторился, за исключением каких-то мелочей. Но ему и было что рассказать. Вот он и рассказывал абсолютно про всё, про всех своих друзей. Конечно, всего он рассказывать не мог, потому как знал, что существует слишком много запретов, и он эти запреты знал. И про «врагов народа» Алексеев ничего не говорил. Но о Щуцком (а Щуцкий, видимо, погиб в лагерях) он говорил как о живом человеке и цитировал его сплошь и рядом. А о Невском не говорил ни разу. Про Невского – ни слова, про тангутоведение – ни слова. Может быть, я был не на всех лекциях. Возможно, была лекция, посвящённая Невскому. Но Алексеев, видимо, боялся, потому что Невский был расстрелянным «врагом народа». Тем более – «японский шпион», и с Японией он был связан довольно тесно. Конечно, я уверен, что Алексееву и в голову не приходило, что Невский – «японский шпион». Но он прекрасно знал, о ком можно говорить, о ком нельзя. Т.е. за Щуцкого он отвечал, про Штукина²¹⁰ он тоже говорил, я это хорошо помню. Хотя Штукин ещё сидел, вернее, был в ссылке, где-то в Новгородской области.

СД: А говорил ли Алексеев про Иванова²¹¹?

---

²¹⁰ Штукин Алексей Александрович (1904-1963). Китаевед-филолог, переводчик. Учился в Петербурге, в школе, где читал лекции В.М. Алексеев. Окончил Востфак ЛГУ (1925). Работал в отделе китайских ксилографов при библиотеке ЛГУ (1924-1925) и в библиотеке ЛИЖВЯ. Преподавал в ЛВИ и ЛИФЛИ (1925). Жил в Москве, работал в КУТК (ассистент) (1925-1928). В 1928 вернулся в Ленинград, преподавал в ЛВИ. Сотрудник Китайского кабинета ИВ АН СССР (с 1935). Арестован 31.07.1938. 26.07.1939 приговорён за «контрреволюционную деятельность и шпионаж» (ст. 58, пп. 1, 6) к 5 годам лагерей. В 1946 вышел из лагеря, в 1947 получил разрешение выехать из Магадана в Ленинградскую область, преподавал в сельских школах под Лугой и Тихвином, продолжая главное дело своей жизни – перевод *Ши цзина*, работа над которым начал ещё в начале 1930-х. В феврале 1949 переведён в вепскую деревню в 85 км от Тихвина. 17.06.1949 снова арестован (по тем же статьям) и сослан в Норильск. Освобождён в 1954, стал преподавать в ЛГУ, но осенью 1954 перенёс инсульт, был частично парализован. Выучился писать левой рукой и завершил перевод (вышел из печати в 1957)

²¹¹ Иванов Алексей Иванович (кит. 伊鳳閣) (1878-1937). Китаевед, японист, тангутовед. Родился в Санкт-Петербурге. Учился на Востфаке Санкт-Петербургского университета, по китайско-маньчжурскому разряду (1897-1901). Оставлен при университете для подготовки

МС: Алексея Ивановича? Может быть, но это было как-то без меня. Дело в том, что Иванов был человеком другого плана. Хотя он окончил Университет и преподавал, но по своему складу он был МИДовский чиновник. Он не был учёным человеком. Поэтому ничего личного у него с Алексеевым точно не было, они были разными людьми, хотя и одного поколения – плюс-минус десять лет, я точно не помню. По работам они должны быть одного поколения. Учились на одном факультете, на одной кафедре, поэтому какие-то отношения между ними были. Но, по существу, их карьеры были направлены в противоположные стороны. Иванов тут же пошёл служить в Министерство иностранных дел, а Алексеев поехал во Францию стажироваться, я уже не помню, у кого. С Шаванном они были очень хорошо знакомы, они потом вместе ездили в путешествие по Китаю. Конечно, Алексеев страшно гордился, что он говорил по-китайски свободно, а Шаванну язык совершенно не давался, он этот дьявольский язык превозмочь не мог. У кого Алексеев стажировался я не знаю, но всех монголистов он там узнал, и Пеллио в том числе. Пеллио²¹², Вы сами понимаете, был очень яркий. У Алексеева с ним были хорошие

к профессорскому званию. Стажировался в Китае (1902-1904), в Англии, Франции и Германии (1904). Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1905), магистр (1909), доктор наук (1913), профессор (1913), завкафедрой китайской и маньчжурской словесности (1915). Преподавал на курсах восточных языков Общества востоковедения и в Практической восточной академии (1910-1913) в Петербурге. Одним из первых стал работать с тангутскими документами, привезёнными П.К. Козловым. В 1912 был в командировке в Японии, с 1914 начал в университете преподавание японского языка. С 1912 – сотрудник МИД. С 1920 приглашён в советский НКВД переводчиком-информатором, консультантом по Дальнему Востоку. Преподавал в ЛИЖВЯ (1921-1922), в 1922 отбыл на дипломатическую работу в Пекин (драгоман посольства). В 1927 вернулся в СССР, переехал в Москву, преподавал в МИВ, КУТК (завкабинетом китаеведения), работал в Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры, отделе Востока ВГБИЛ. Замдиректора НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР при ЦИК СССР (1928-1930), Уч. секретарь и завотделом Дальнего Востока Центрального музея народоведения (с 1929), уч. секретарь Комитета по охране исторических памятников при ВЦИН СССР (с 1932). 26.08.1937 арестован, обвинён в шпионаже в пользу Японии, расстрелян 8.10.1937

²¹² Пеллио Поль (Paul Pelliot, кит. 伯希和) (1878 - 1945). Востоковед: синолог, монголист, тюрколог, тибетолог, вьетнамист. Историк, лингвист и религиовед, путешественник. В 1897 окончил Школу политических наук и Национальную школу живых восточных языков, где учился у индолога С. Леви и Э. Шаванна. В 1899 был направлен стипендиатом во французскую археологическую миссию в Индокитае (с 1900 – Французская школа Дальнего Востока). В 1900, приехав в Пекин с целью закупки книг для библиотеки Школы, попал в гущу событий Восстания ихэтуаней. За смелость, проявленную во время обороны от восставших посольского квартала, награжден орденом Почётного легиона. В 1906 возглавил французскую экспедицию в Восточный Туркестан (1906-1909). Главным успехом экспедиции было изучение уникального собрания документов V-X вв., незадолго до этого обнаруженных в пещерном монастыре Дуньхуан. С 1911 – профессор Коллеж де Франс, заведующий специально созданной для него кафедрой языков, истории и археологии Центральной Азии (после его смерти кафедра остаётся вакантной). В годы 1-й мировой войны был военным атташе в Пекине. В 1918 послан вместе с тибетологом Жаком Бакот (Jacques Bacot, 1877-1965) в составе союзнической военной миссии в Сибирь, состоял при командующем силами Антанты в России – генерале Морисе Жанене. Активный автор и один из двух главных редакторов (с 1920; в 1924-1932 – единственный главный редактор) журнала *T'oung Pao*, член редколлегии *Journal Asiatique* (с 1922), член Академии надписей и изящной словесности (с 1921), иностранный членкор АН СССР (с 1922); президент Азиатского общества (с 1935). Ряд его учеников (Луи Амбис (Louis

отношения, он о Пеллио говорил. И ещё, автор *Bibliotheca sinica*... Кордье²¹³... Алексеев это всё нам говорил, всячески рекомендовал.

Вообще, Алексеев, был великим учёным. Я никогда не считал себя его учеником, но недавно понял, что, конечно, его лекции повлияли на меня, сформировали меня как китаиста больше, чем все остальные вместе взятые. Помню, когда он скончался, то народу на похоронах было мало, почти никого не было от университета, не то что когда умер Крачковский²¹⁴... Всё это очень неправильным мне казалось уже тогда.

Алексеев, конечно, чувствовал себя в составе французской школы китаеведения, был с ними со всеми знаком, хорошо знал всех «дальневосточников». Раз он знал Елисеева, то он и японистов хорошо знал, и монголистов. Университетские связи в Париже были достаточно прочные. Другое дело, что все друг с другом были в плохих отношениях. Как мне жаловался Одрикур²¹⁵ – мы сидим, каждый в своём углу, и все на всех обижены.

Hambis), Фрэнсис Кливс (Francis Cleaves), Денис Синор (Denis Sinor)) стали главными фигурами мировой ориентологии в послевоенный период. В годы 2-й мировой войны жил в Париже, помогал Сопротивлению. Основные труды посвящены истории, культуре и языкам Дальнего Востока и Центральной Азии, многие из них основаны на изучении найденных им дуньхуанских документов. Написал много работ по истории кочевников, Монгольской империи. Оставил заметный след почти во всех областях востоковедения

²¹³ Кордье Анри (Henri Cordier) (1849-1925). Востоковед, издатель. Родился в США, в 1852 вернулся с родителями во Францию. С 1855 жил в Париже. В 1869 уехал в Шанхай, работал в английском банке, писал статьи для местных газет. С 1872 – библиотекарь северокитайского отделения Королевского азиатского общества (Royal Asiatic Society). С 1876 – секретарь китайской национальной программы по отправке китайских студентов в Европу. Вернулся в Париж, в 1881-1925 преподавал в Специальной школе восточных языков (École Spéciale des Langues orientales) – Национальной школе живых восточных языков, в Вольной школе политических наук (École libre des Sciences Politiques). В 1890, вместе с голландским синологом Г. Шлегелем (Gustaaf Schlegel) создал первый международный синологический журнал, до сих пор остающийся одним из самых авторитетных изданий – *T'oung Pao*. Был первым главредом журнала до 1924. В 1878-1895 издал важнейший для своего времени труд – *Bibliotheca sinica* – восьмитомное собрание европейских трудов по Китаю. В 1904-1908 вышло расширенное и дополненное издание этой работы. Издал ряд других крупных библиографических трудов. С 1908 – член Академии надписей и изящной словесности

²¹⁴ Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1951). Арабист, один из создателей российской арабистики. Академик АН СССР (1921), лауреат Госпремии СССР (1951). Окончил Восфак по арабско-персидско-турско-татарскому разряду (1901-1905). Приват-доцент (1910), профессор (1918) Восточного факультета. Преподавал в ЛИЖВЯ – Ленинградском восточном институте. С 1944 – заведующий арабской кафедрой Востфака ЛГУ. С 1916 – сотрудник Азиатского музея – ИВ АН СССР, заведующий арабским кабинетом. Член многих иностранных академий и научных обществ

²¹⁵ Одрикур, Андре-Жорж (André-Georges Haudricourt) (1911-1996). Лингвист, фонолог, ботаник, этнолог, географ. В 1931 окончил Национальный институт агрикультуры (National Institute of Agriculture), но учился плохо, посещая в других местах лекции по географии, этнологии и фонетике. Год провёл в Ленинграде, слушая лекции знаменитого генетика Н.И. Вавилова. С 1940 – научн. сотр. в только что созданном Национальном центре научных исследований (Centre national de la recherche scientifique, CNRS), в отделении ботаники. В годы 2-й мировой войны занимался самообразованием в сфере лингвистики, изучал восточные языки в национальной школе живых восточных языков. В 1945 перешёл в отделение лингвистики. В 1947 пытался защитить докторскую диссертацию, но его методология не была поддержана. В 1948 уехал в Ханой, во Французскую школу Дальнего Востока, где провёл год, изучая редкие языки. Вернувшись

Когда я спросил у него про Жака Жерне²¹⁶ – такой крупный ученый... Одрикур ответил: «Я уже много лет с ним не виделся. Имейте ввиду, мы, парижские китаисты, друг с другом в плохих отношениях».

Что там происходит сейчас, я не знаю. После того, как умер Рыгалов²¹⁷, я ничего не знаю. Он, кстати, тоже был в очень плохих отношениях с одной там дамой, и поэтому они каждый создали свой центр. У него был Центр изучения языков Юго-Восточной Азии, а у неё, этажом выше, был свой, не помню, как он назывался. У неё была работа по китайской химической терминологии, у неё муж – химик. Ещё работы – по грамматике современного китайского языка.

Оказывается, кроме США, никто в мире Большое Китаеведение содержать не может. У нас в СССР была попытка создать такое Большое Китаеведение, которое конкурировало бы с американским. Были контрфигуры – у вас то, а у нас это. Короче говоря, уже в 1970-е годы (считается, что после 1968. Но, на самом деле, после 1965), когда воцарился Брежнев, повеяло совсем другим духом. Появились новые фигуры, и вообще... Другое дело, что появился Институт Дальнего Востока²¹⁸, и изучение Китая было разорвано

во Францию издал ряд важных работ по исторической фонологии (панхроническая фонология), истории китайского, вьетнамского, тайского языков. Впервые объяснил, как язык, не имеющий тонов, со временем может их приобрести. Одним из первых стал использовать анализ системы рифм в древнекитайских текстах для реконструкции древнекитайской фонологии, значительно развив идеи Б. Карлгрена. В 1976 основал в рамках CNRS центр по изучению слабо документированных языков, в совокупности со средой обитания их носителей

²¹⁶ *Жерне Жак* (Jacques Gernet) (р. 1921). Синолог, историк. Профессор (1959). Родился в Алжире, в 1942 окончил отделение классической филологии Алжирского университета. Служил в армии до 1945. Окончил китайское отделение Национальной школы живых восточных языков (1947) и Высшую практическую школу (1948). Учился у П. Демьевиля. Работал во Французской школе Дальнего Востока в Ханое (1949-1950), затем в CNRS. В 1955-1976 преподавал в Высшей практической школе, с 1957 – также на филфаке Сорбонны. Основал и возглавил кафедру изучения языков и цивилизаций Восточной Азии (Unité d'enseignement et de recherche des Langues et civilisations de l'Asie de l'Est) при университете Париж-VII (1968-1973). Заведовал кафедрой социальной и интеллектуальной истории Китая Коллеж де Франс (1975-1992). Член Академии надписей и изящной словесности (с 1979), офицер Почётного легиона (1985). Автор многих важных работ по истории китайского общества, религий, общественной мысли

²¹⁷ *Рыгалов Алексей Николаевич* (Alexis Rygaloff) (1922-2010). Китаевед, лингвист. Родился в Туре, в семье русских эмигрантов. Учился на филфаке Парижского университета и в Коллеж де Франс, окончил Национальную школу живых восточных языков. Работал в Пекине (1945-1954), служил атташе по культуре во французском представительстве в Сев. Вьетнаме (1954-1955). Сотрудник CNRS (1955-1980). С 1957 – директор по учебной части и преподаватель Высшей школы социальных исследований (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales), в 1959-1968 – сотрудник Института высших китайских исследований (Institut des Hautes Etudes Chinoises), преподавал в Национальной школе живых восточных языков (1960-1970). В 1971-1984 возглавлял Центр лингвистических исследований Восточной Азии (Centre de recherches linguistiques sur l'Asie orientale) при CNRS, в 1980-х преподавал в университете Париж-VII. Советник по культуре посольства Франции в Японии (1973-1976). Кавалер ордена Почётного легиона, японского ордена Священного сокровища. Автор многих работ по истории Китая, грамматике китайского языка

²¹⁸ *Институт Дальнего Востока* (ИДВ РАН). Институт создан на основании постановления Президиума АН СССР в сентябре 1966. Его главной задачей было комплексное изучение проблем Китая, Японии, Корейской Народно-демократической

между Отделом Китая ИВ АН СССР и Институтом Дальнего Востока. В принципе, создание ИДВ означало желание иметь Большое Китаеведение. Но это желание попало не в те руки. Я ничего плохого не хочу сказать про Сладковского, потому что ничего, кроме добра, от него не видел. Не знаю, кем он был по отношению к другим, всякое бывает. Но его отношение ко мне было идеальным. Он ко мне очень хорошо относился и понимал значение того направления, которое мы развивали вместе с Крюковым²¹⁹ и прочими²²⁰. Он это очень хорошо понимал. Другое дело, что вокруг него стояла толпа тех самых бывших мидовцев и внешторговцев, которые тянули его в разные стороны. И он, конечно, должен был реагировать именно на их сигналы. Ну, а я особенно никогда никаких привилегий себе не требовал. Поэтому карьера, которую я там сделал – весьма скромная.

Мой приход в ИДВ совпал с развязкой неприятной интриги. Там была интрига, направленная на захват директорского кресла. Я об этой интриге знаю от своего товарища по Институту востоковедения. Он ненамного моложе меня и до сих пор работает в Дипломатической академии²²¹, несмотря на почтенный возраст. Он таким пунктиром всё рассказал. Детали меня не интересуют абсолютно. Там была группа товарищей, которые сказали – что же нам прислали этого старика, из которого песок сыплется?! Мы молодые-интересные, мы выполним эту работу лучше него!.. Может, так оно и было. Но дело в том, что Сладковский человек заслуженный, и в практическом плане он очень много сделал для советско-китайских отношений. Он чуть ли не с детства в этой области и всех помнил, всех знал. Если бы Сладковский дожил до сегодняшнего дня – вот с кем вам нужно было бы говорить! Он бы вам выложил всё, что было в 1920-е годы, что было в 1930-е и 1940-е годы. Он вызвал однажды Ковалёва²²² – лицо, которое посредничало между руководством Китаяем и нашим советским руководством. Вызвал на специальное заседание Учёного Совета, где рассказал много любопытных вещей, о которых, наверно, нескоро люди узнают. Сладковский был очень в курсе дела, и вся повседневность советско-китайских отношений, особенно послевоенных, ему была известна. В ИДВ было много таких людей,

---

Республики, Республики Корея, отношений СССР с этими государствами. См.: <http://www.ifes-ras.ru/structure>

²¹⁹ Крюков Михаил Васильевич (р. 1932). Китаевед, историк, этнолог. Родился в Москве. В 1955 окончил МГИМО МИД, в 1962 – Пекинский университет. В 1955-1957 – сотрудник ИВ АН СССР, с 1962 – сотрудник Института этнографии АН СССР, с 2002 – заведомом ИДВ РАН. С 1972 – доктор исторических наук. В 1993-2002 – профессор Тамканского университета, Тайвань. Один из крупнейших специалистов по древнекитайскому этносу

²²⁰ Имеется ввиду книжная серия из шести монографий, посвященных истории китайского этноса: Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М. В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1977; Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М. В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М., 1984; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М. В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX - начале XX вв. М., 1993. Серия широко признана как одно из крупнейших достижений российского Китаеведения

²²¹ Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ, основана в 1934

²²² Ковалёв Евгений Фёдорович (1907-1995). Китаевед, дипломат, разведчик. д.и.н.(1968), профессор (1970). Родился во Владивостоке, окончил МИВ (1933). На дипломатической службе в Китае (1935-1944), на партработе(1945-1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1945-1952), Института Китаеведения АН СССР (в 1959-1961). ИДВ АН СССР/РАН (1966-1995). Главред журнала «Советское Китаеведение»(1957-1959)

которые в своё время сидели в Яньани: Титов²²³, Юрченко и др., которых, что называется, «сдали». Они были в возрасте, для государственной службы недостаточно гибки, и их «сдали» на научную работу. Тот ИДВ, который я застал, в который я пришел – состоял из таких вот фигур. Каждый из них был интересной личностью, каждый знал очень много всего. Конечно, китайская культура была для них малоинтересна. Но они хорошо знали всякие конкретные вещицы, которые наблюдали в жизни, в деталях. Они жили среди китайцев, среди китайской компартии, в одних и тех же пещерах. Они жизнь эту наблюдали в деталях, они знали очень много, и это было очень интересно. От бесед с такими стариками я никогда не отказывался, потому что интересно было послушать и их самих, и даже иногда пересказы этих историй. Другие люди знали, а я долгое время не знал, что Титов всё это время просидел в Яньани. Было видно, что мужик очень замкнутый. Конечно, он больше делал вид, что посвящён в невероятные секреты. Его секреты уже морально устарели, но он держал марку. Я мало всем этим интересовался, это были люди служивые, а я был воспитанником ИВАНА. Меня интересовала прежде всего наука, и все эти рассказы я оценивал с точки зрения научных данных.

СД: Что Вы думаете о перспективах китаеведения в России?

МС: Увы, мы очень плохо поняли, что такое «капиталистическая» наука. Наша наука была точно не капиталистическая. Мы тихо сидели, что-то такое писали, что могли – публиковали, что не могли – лежало. Писали в журналы, получали гонорары... А теперь оказывается, чтобы написать статью, я должен написать заявку на грант! Я не буду этого делать, я к этому не приспособлен! Я должен расхваливать перспективы невероятные, которые откроются, должен убеждать человека, который точно ничего в этом не понимает! Это что? Это взаимное враньё! Я вру, чтобы получить эти деньги. А он, снисходительно улыбаясь, скажет: «Старик заврался. Но деньги ему нужны – дадим!» Я на такую игру не согласен. Вы не стесняйтесь просить! А для меня это ситуация крайне неприятная – просить деньги на то, что я считаю своей служебной обязанностью... Поэтому всё стало совсем иначе, чем было раньше. Я ещё помню, когда все китаисты знали друг друга, если не лично, то по работам, через знакомых... Сейчас всё совсем не так, уследить невозможно... Хотя, может быть, это просто я не успеваю уже...

Видите, мы с вами завершили интервью на совершенно неожиданном месте! Хорошо, что Вы всё это записали. Это, конечно, старческая болтовня, поток сознания. Но если это кому-то будет интересно – почему нет?

---

²²³ *Титов Александр Семёнович* (1912-1997). Китаевед, дипломат, разведчик. До 1938 учился в Московском гидрометеорологическом институте. Сотрудник МИД СССР (1939-1950). Служил в посольстве СССР в Китае (1939-1942), в Генконсульстве в Пекине и Тяньцзине (1946-1950). Сотрудник ИЭ АН СССР (1964-1967), ИДВ АН СССР (1967-1987)